Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа

Государственный музей Востока

Москва — Анадырь
2016

SAFEGUARD AND ENSURE

Cultural Heritage of Chukotka: Prospects in Protection and Conservation

Proceedings of Scientific and Policy Conference, Anadyr,
12-14 April, 2016
Vol. 1

С П А С Т И И С О Х Р А Н И Т Ь

Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения

Материалы научно-практической конференции в Анадыре
12-14 апреля 2016 г.
Выпуск I

Министерство культуры Российской Федерации
Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа
Государственный музей Востока

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей Востока
Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа

Ответственный редактор **М.М. Бронштейн**

Дизайн и верстка **И.А. Коротеев**

Фотографы **Л.Ф. Волкова, К.А. Днепровский, Е.И. Желтов, С.В. Загребельный, В.В. Коба, Ю.М. Мишина, В.Г. Поскотинов, Н.В. Филатова, Е. и Дж. Хилл, В.Г. Цыганов, С.Г. Чубаров, С.Ю. Шокарев**

Перевод на англ. яз. **И.И. Крупник**

Корректор **С.В. Лапина**

СПАСТИ И СОХРАНИТЬ:
Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения.
Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12-14 апреля 2016 г. / отв. ред. М.М. Бронштейн ; Государственный музей Востока ; Департамент образования, культуры и спорта Чукотского автономного округа. — М., 2016. — Вып. 1. — 208 с. : ил.

В сборник включена значительная часть докладов, сообщений и статей, которые были представлены на конференции, обсуждавшей вопросы сохранения памятников истории и культуры Чукотского автономного округа. Помещенные в книге тексты, фотографии, топографические планы несут в себе разностороннюю информацию о богатом культурном наследии народов Чукотки. Книга познакомит читателей с историей науканских эскимосов и старинного селения Наукан – уникального памятника культуры морских арктических зверобоев Берингова пролива, с событиями, связанными с установкой близ Наукана монумента в честь русского землепроходца Семёна Дежнёва, с художественными промыслами Уэлена. Один из разделов сборника посвящен трагическим страницам в истории Чукотки, печально знаменитому Чукотлагу. В книгу вошли также статьи о развитии экологического туризма в окрестностях Анадыря, в Провиденском районе, на о. Врангеля и материалы о перспективах включения наиболее ценных памятников истории и культуры Чукотки в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

© Государственный музей Востока, 2016
© Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа, 2016
© Коротеев И.А., оформление, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7
Приветствия участникам конференции 10

Северо-восток Чукотского полуострова

К.А. Днепровский. Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки 22
М.А. Членов, И.И. Крупник. Наукан: главы к истории 38
В.Г. Леонова. Рассказы о Наукане 74
К.А. Днепровский, Н.В. Лопатин. Археологические находки на территории Наукана 82
С.Ю. Шокарев. История мемориала Семёну Дежнёву на мысе Дежнёва 96
Б.А. Василевский. Дорога в Наукан 116
М.М. Бронштейн, И.Л. Карахан, Л.И. Чубарова. «Уэленский феномен» 130

Юго-восток Чукотского полуострова

Т.М. и И.А. Загребины. Музейная деятельность как источник формирования культурного пространства Провиденского городского округа 140

Анадырь и окрестности

С.В. Загребельный. Развитие экотуризма – одно из перспективных направлений экологического просвещения на Чукотке 146

Остров Врангеля

Л.Ф. Волкова. Экологический туризм в заповеднике «Остров Врангеля» 152

Чаунская тундра

В.Ю. Швец-Шуст, В.С. Христофорова, В.Г. Поскотинов. Чаун-Чукотка за колючей проволокой 160

Актуальные задачи по сохранению памятников истории и культуры Чукотки

С.В. Добриева. Основные направления в работе отдела государственной охраны объектов культурного наследия 172
О.П. Коломиец. Возможности этнологической экспертизы при исследовании историко-культурного наследия Чукотки 176
Н.В. Филатова. Объекты всемирного наследия: номинирование, сохранение, управление 186

Приложения

Резолюция научно-практической конференции «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения» 194
Наукан: топографический план, фотографии, переписи 198
Сведения об авторах 204
Summary 207

ОТ РЕДАКТОРА

Конференция «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения» проходила в Анадыре с 12 по 14 апреля 2016 года. В ее работе принимали участие не менее 100 человек. Это были представители Департамента образования, культуры и спорта Чукотского автономного округа, других департаментов правительства региона, научные сотрудники окружного и районных музеев, природного заповедника «Остров Врангеля», Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, ряда других исследовательских и производственных центров ЧАО и Магаданской области. Активно участвовали в работе конференции активисты общественных организаций коренных народов Чукотки, преподаватели и студенты Чукотского колледжа, учителя окружного лицея, работники библиотек, представители средств массовой информации. Среди участников конференции были также сотрудники научных, культурных и образовательных учреждений Москвы – Института культурного и природного наследия, Государственного музея Востока, Государственного музея истории ГУЛАГа, Российского государственного гуманитарного университета.
За три дня работы конференции на ее пленарных и секционных заседаниях прозвучало около тридцати докладов и сообщений на различные темы, связанные с изучением культурного наследия Чукотки и ее природы, с развитием в округе образовательного и экологического туризма. При-

оритетное значение имели, безусловно, вопросы охраны сохранившихся в Чукотском автономном округе памятников истории и культуры его коренных народов. Обсуждая эту проблему, участники конференции уделили особое внимание объектам культурного наследия, расположенным на северо-востоке Чукотского полуострова, в окрестностях мыса Дежнёва.

В резолюции конференции были подведены итоги работы, проводившейся на Чукотке в 2013-2015 гг. по сохранению ее культурного достояния, и сформулированы задачи, стоящие сегодня перед всеми, кто по долгу службы или по зову сердца отвечает за охрану памятников истории и культуры. В итоговом документе конференции говорилось также о необходимости опубликовать выступления ее участников. В соответствии с этим решением подготовлен сборник «Спасти и сохранить».

Сборник не случайно имеет подзаголовок «Выпуск I». В него включены далеко не все доклады и сообщения, прозвучавшие на конференции. Тексты, не вошедшие в книгу, но также, несомненно, представляющие интерес для работников культуры Чукотки, будут, хочется надеяться, опубликованы в следующих выпусках. Что касается «Выпуска I», в него вошли, прежде всего, те материалы, которые дают представление о том, как богаты памятниками истории и культуры различные ареалы Чукотки. Именно по этой причине сборник состоит из разделов, озаглавленных «Северо-Восток Чукотского полуострова», «Анадырь и окрестности», «Остров Врангеля» и т. д.

Другой важный критерий, в соответствии с которым были отобраны тексты для этой книги, – масштабность рассматриваемых проблем, их наибольшая актуальность в настоящее время. В резолюции конференции как о первоочередной задаче говорилось о необходимости включить ряд сохранившихся на Чукотке уникальных памятников истории и

культуры в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. К таким памятникам участники встречи в Анадыре в первую очередь отнесли расположенный у мыса Дежнёва старинный поселок Наукан, и поэтому в сборник в наиболее полном объеме включены все подготовленные для конференции тексты и фотографии по истории этого селения. Данные материалы в силу разных причин не были полностью представлены в форме докладов, но поскольку они исключительно информативны, их публикация вполне оправданна.

Авторы статей, помещенных в разделе «Северо-Восток Чукотского полуострова» (многие из них являются известными исследователями истории и культуры народов Севера), подробно описывают нынешнее состояние более полувека назад оставленного людьми Наукана, сообщают ценные сведения о его жителях, науканцах – особой этнической группе эскимосов Берингова пролива, рассказывают о специфике их материальной, социальной и духовной культуры. Благодаря этим статьям сборник по итогам конференции «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения» приобретает дополнительное значение. С полным правом его можно рассматривать как издание, вводящее в научный оборот принципиально новые, важные для науки сведения, как полноценную книгу, к которой с равным интересом будут обращаться и местные краеведы, и представители научного сообщества – историки, этнографы, археологи, фольклористы.

Приветствия участникам конференции

С.В. Добриева
Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа (Анадырь)

Дорогие друзья! Коллеги!

Приветствую вас, участников конференции «Культурное наследие Чукотки…», от имени отдела государственной охраны объектов культурного наследия Чукотского автономного округа, от имени оргкомитета нашей конференции! Нам предстоит многое сделать в ближайшие три дня. Мы должны обсудить наиболее острые вопросы сохранения и использования историко-культурного наследия Чукотки, обменяться опытом проведения этой исключительно важной работы и внести конкретные предложения по ее улучшению в Правительство Чукотского автономного округа, в органы местного самоуправления, в Министерство культуры Российской Федерации.

У Чукотки многотысячелетняя яркая история, наша земля богата памятниками культуры, многие из которых уникальны. Мировую известность получили наскальные рисунки на реке Пегтымель, Китовая аллея на острове Ыттыгран. Не столь широко известны за пределами нашего края, но не менее ценны другие объекты культурного наследия, такие, например, как расположенный близ мыса Дежнёва старинный эскимосский поселок Наукан. Ценные памятники далекого прошлого сохранились также на юго-востоке Чукотского полуострова, в низовьях и в среднем течении реки Анадырь, в других ареалах нашего обширного автономного округа. Сохранились на Чукотке объекты, напоминающие нынешним поколениям о трудовых подвигах наших соотечественников в годы Великой Отечественной войны. Сохранились следы трагических событий, связанных с ГУЛАГом, которые тоже никогда не должны быть забыты. Но историко-культурное наследие – это не только археологические находки, монументы, руины зданий. Это языки коренных жителей Чукотки, их традиционные знания о природе Севера, их народные художественные промыслы. О том, как сохранить духовную культуру чукчей, эскимосов, других народов Чукотки во всем ее многообразии и богатстве, нам с вами тоже предстоит подумать.

Одна из целей конференции – определить круг конкретных задач, без решения которых мы не сможем обеспечить в Чукотском автономном округе сохранность объектов историко-культурного наследия. Так, например, крайне важно обследовать территории, на которых планируется проведение земляных, строительных и иных работ, на предмет наличия на этих землях памятников истории и культуры. До сих пор подобная работа на Чукотке не проводилась.

Необходимо четко определить имущественную принадлежность историко-культурных объектов, установить, какие ведомства и структуры несут от-

ветственность за их сохранность. Необходимо добиться, чтобы землепользователи брали на себя предусмотренные Российским законодательством охранные обязательства в отношении памятников культуры. Необходимо решить ряд других столь же важных задач по охране объектов исторического и культурного наследия, забота о которых согласно 44 статье Конституции Российской Федерации является обязанностью каждого гражданина нашей страны.

Поздравляя вас, уважаемые коллеги, с открытием конференции, я хочу выразить надежду на то, что мы, ее участники, сумеем предложить конкретные меры по сбережению для будущих поколений культурного наследия Чукотки и что голос наш будет услышан как властными структурами, так и общественными организациями Чукотского автономного округа!

Т.Ю. Ачиргина
Инуитский приполярный совет,
общественная организация «ИПС Чукотка» (Анадырь)

… У моря окраина милой России
Последним лежит на песке километром…

Это вот про такие, как у нас, берега сочинено поэтом – берега, омытые мятежными быстробегущими волнами Берингова пролива. Сюда, к окраине «милой России», пришли в 1648 г. дежнёвские кочи. Люди здесь уже жили – отважные морские охотники со своими семьями. Дивными показались пришельцам их труд, язык, обычаи, песни и танцы. И потомки казаков-землепроходцев, и аборигены этих мест с тех самых пор не один век вместе…

Два рукотворных памятника хранят на Чукотке воспоминания о первой встрече. Это комплекс старинного эскимосского селения Наукан, не по своей воле оставленного людьми, и бронзовый бюст предводителя казачьей команды Семёна Дежнёва. И еще помнят о своих смуглокожих хозяевах и людях с кочей все то же небо над проливом, те же скалистые берега да ветра, что выгибали с одинаковой напористостью паруса дежнёвских кочей и эскимосских охотничьих байдар. Словом, сохранилась вся аура этого удивительного места. Она завораживает всех, кто попадает на северо-восточную оконечность России.

Важно и, думается, важно более всего то, что немало тысячелетий назад именно эти берега Чукотки явились стартовой площадкой великого переселения коренных северян на восток, к пределам других континентов, к берегам других морей. Пытливость человека, врожденная тяга к вечному движению гнали его вперед. Морскими путями, а прежде того по Берингийскому перешейку значительная часть человеческой семьи перекочевала с евроазиатского континента к арктическому ожерелью Северной Америки, а затем и дальше – к острову, нареченному много позже «Зеленой землей», Гренландией.

Кочуя, переселенцы принесли в новые земли главное, чему научила их оставленная древняя родина, – искусство морзверобойного промысла и переработки его продукции. Традиционную культуру свою они приспосабливали к

условиям новых мест, создавали на пути следования множество поселений. Так возник уникальный в истории человечества опыт освоения новых высокоширотных территорий, переноса северных цивилизационных знаний с континента на континент. Это был своего рода подвиг, и благодарные потомки спустя тысячелетия высоко оценили его. Изучение и осмысление этапов этого Великого северного кочевья продолжается и сегодня. Наступила пора придать безымянным участникам и маршруту этого исторического переселения человека с запада на восток по высоким земным широтам статус памятника мировой культуры, и я уверена в том, что участники конференции в Анадыре одобрят идею обратиться с этим предложением в Организацию по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО. Беспрецедентный путь, пройденный людьми далекого прошлого по высокоширотному поясу нашей планеты, должен стать частью Всемирного культурного наследия, находящегося под защитой такой авторитетной структуры ООН, как ЮНЕСКО. А начаться эта работа, с моей точки зрения, должна пусть с малого, но очень важного шага. Необходимо добиться придания почетного статуса «памятника мировой культуры» уникальному комплексу на мысе Дежнёва, составными частями которого являются былое эскимосское селение Наукан, памятник Семёну Дежнёву, древние и живописные окрестности – места, которые были истоком Великого северного кочевья.

С.А. Арутюнов
Институт антропологии и этнологии РАН (Москва)

Приветствую вас, дорогие друзья – участники конференции «Культурное наследие Чукотки»! Вам предстоит обсудить проблемы охраны сохранившихся в вашем крае уникальных памятников истории и культуры коренных народов Северо-Восточной Азии. Одним из таких памятников, несомненно, является эскимосский поселок Наукан. На протяжении столетий он был центром расселения едва ли не самой загадочной этнической общности морских зверобоев Берингова пролива.

В 1958 г. науканцев вынудили покинуть родные места. Для меня это был год, когда я впервые приехал на Чукотку, еще не подозревая о том, что с этой землей будет тесно связана моя дальнейшая жизнь, моя научная работа этнографа и археолога. Летом 1958 г. я был участником экспедиции Академии наук СССР, которая под руководством Максима Григорьевича Левина вела археологические раскопки в Уэлене. В июне я вместе с Дорианом Андреевичем Сергеевым (имя этого человека хорошо известно на Чукотке) оказался в порту Провидения. Мы прибыли туда на корабле из Владивостока и встретились с прилетевшим на самолете из Москвы Максимом Григорьевичем. Оттуда, из бухты Провидения, начался наш путь непосредственно в Уэлен.

Продвижение наше было не слишком быстрым. Мы шли по Берингову проливу вместе с местными жителями на вельботах и байдарах от одного поселка

до другого. Это были уже заброшенный к тому времени Кивак, доживавшее свои последние дни Старое Чаплино (через год его жителей перевезли в Новое Чаплино), существующие доныне Янракыннот, Лорино, Лаврентия.

После Нунямо (его закрыли в 1970-х гг.), уже неподалеку от Уэлена, наш вельбот зашел в Наукан, и мы попали как раз на собрание, принявшее навязываемое властями решение о переселении науканцев. Почти одновременно с нами в поселок прибыл секретарь Чукотского райкома КПСС Каля; он и проводил это собрание. Проходило оно на эскимосском языке. Надо сказать, что Каля по происхождению был чаплинским эскимосом и говорил на уназикском диалекте, общим для большинства эскимосов Чукотки, а науканский диалект сильно от него отличался и был гораздо больше похож на диалект селений устья Юкона-Кускомвима на Аляске, откуда, очевидно, и происходило заселение уникального поселка Наукан. Каля говорил на своем диалекте, остальные на науканском, но тем не менее все решили, что будут говорить по-эскимосски и, в общем, понимали друг друга.

Каля был опытным партийным функционером, и ему удалось уговорить науканцев на переселение. Он в основном говорил о том, насколько удобнее будет жить в Нунямо, где государство построит для переселенцев комфортабельные деревянные дома, а также школу. (В Наукане школа была, в ней и проходило собрание, но школьное здание было тесным и обветшалым.)

Всё население Наукана проживало тогда в очень своеобразных ярангах. Построены они были в основном из камня, были круглыми в плане и покрыты моржовыми шкурами. Это придавало поселку очень своеобразный вид. Наукан в чем-то напоминал горные селения Дагестана. Соседний Уэлен состоял в то время тоже в основном из яранг, но совершенно другого, модернизированного типа – продолговато-овальных, обшитых рубероидом и рейками и, конечно, более просторных и удобных, чем науканские каменные жилища. Обещание построить бревенчатые дома было к началу осени 1958 г. более или менее выполнено как в Нунямо, так и в Уэлене, куда тоже переселилась часть науканцев. Однако через ряд лет науканские эскимосы покинули Нунямо и расселились в других поселках Чукотки. Наукан же полностью опустел.

Что было основной причиной выселения людей из Наукана? Желание властей пресечь контакты жителей поселка со своими родичами на Аляске. Несмотря на пограничные запреты, такие контакты осуществлялись при туманной погоде достаточно часто. Цель, которую поставили перед собой власти, была достигнута, но за счет прекращения существования целой этнической группы в несколько сот человек как самостоятельного и целостного культурного объединения. Конечно, строительство новых домов на крутых науканских склонах стало бы делом более трудным и дорогим, чем в других местах, но Наукан мог бы сохраниться как преуспевающий охотничий поселок с очень своеобразной и яркой традиционной культурой.

В тот памятный день в конце июня 1958 г. наша маленькая экспедиция наблюдала, пожалуй, последнее массовое проявление науканской культурной традиции. Науканцы отметили принятое на собрании решение большим ярким концертом. Состоял он из старинных песен, мужских и женских массовых

танцев и включил в себя частичное исполнение некоторых традиционных обрядов. Для всех нас, кроме Дориана Сергеева, этот визит в Наукан был первым и, как оказалось, последним. Зафиксировать же науканский праздник, на котором присутствовали, мы, к сожалению, практически почти не смогли.

Сейчас Наукан представляет собой развалины, но развалины очень живописные и колоритные. Конечно, обстановки и духа тех дней, когда здесь был эскимосский поселок, уже никогда не вернешь, но сохранение даже руин Наукана и соседних мелких поселений морских арктических зверобоев имело бы большое историко-культурное значение, тем более что с сохранившимися здесь сооружениями из камня и китовых костей связаны многочисленные легенды и предания.

И.И. Крупник
Арктический центр, Смитсоновский Институт (Вашингтон)

Уважаемые участники конференции «Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения»!

Я очень признателен организаторам за приглашение прислать это короткое выступление и благодарю моего коллегу, Кирилла Александровича Днепровского, который любезно согласился прочесть для вас этот текст.

На самом деле эти вступительные слова должен был сказать человек, которого вы очень хорошо знаете, – доктор биологических наук Людмила Сергеевна Богословская. К сожалению, Людмилы Сергеевны больше нет с нами. Она ушла в феврале 2015 г., и недавно, спустя год после ее ухода, мы провели в Москве, в Государственном музее Востока, памятную сессию, посвященную научному наследию Людмилы Сергеевны. Мы также подготовили большой мемориальный сборник под названием «Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской». В нем около 650 страниц, более 100 фотографий, 40 статей и воспоминаний около 50 авторов, включая авторов с Чукотки – местных ученых, педагогов, сотрудников Национального парка «Берингия», охотников, культурных активистов из Анадыря, Провидения, Лаврентия и национальных поселков. Мы хотим в ближайшее время напечатать эту книгу в Москве и надеемся, что она потом станет доступной также и для читателей Чукотки.

Людмила Сергеевна была замечательным ученым, автором многих книг и десятков статей, и одновременно – активным защитником природы и национальных культур коренных жителей Российского Севера. Почти 40 лет своей жизни она посвятила Чукотке и была неутомимым, несгибаемым борцом за сохранение ее культурного наследия, то есть темы сегодняшней конференции. В начале 1990-х гг. она стала душой и главным «мотором» разработки проекта парка «Берингия». Ее первые статьи о необходимости охраны памятников природы и культуры Чукотки появились еще в 1970-е г. Пожалуй, нет другого человека, который сделал бы больше для сохранения культурного и природного наследия чукотской земли, чем Л.С. Богословская.

В подготовленной нами книге памяти Богословской помимо воспоминаний и научных статей ее партнеров по работам на Чукотке есть попытка осмыслить то, что мы назвали «уроками Богословской». Мне хотелось бы поделиться с вами этими мыслями о главных элементах ее научного и общественного наследия, которые важны для ваших обсуждений и последующей работы.

Пожалуй, главное в наследии Богословской – ее горячее убеждение, что Природу нельзя сохранить без Культуры, а Культуру – без Природы. Людмила Сергеевна постоянно повторяла в своих книгах, выступлениях, законодательных и охранных рекомендациях, что памятники культурного наследия надо сохранять только «В КОМПЛЕКСЕ». Это должны быть не точечные, отгороженные охранные зоны, а достаточно крупные территории с прилегающими участками суши и моря, которые имеют прямое отношение к истории и функционированию памятников.

Ее самое первое предложение по созданию такой комплексной охранной зоны на Чукотке, в районе островов пролива Сенявина, написанное в 1979 г. совместно с ботаником Борисом Александровичем Юрцевым и этнографом Михаилом Анатольевичем Членовым, сразу включало в себя разные виды культурных и природных объектов этой зоны. Здесь было и древнее святилище «Китовая аллея», и моржовое лежбище на острове Аракамчечен, и прилегающие острова и берега пролива Сенявина с их уникальным богатством морских животных и птиц и редчайшей флорой древней Берингии. Именно в этом сложном, многосоставном мире веками жили люди, построившие Китовую аллею, а затем их потомки. Чтобы лучше понять их мир, современным жителям Чукотки, туристам, ученым-исследователям и всем, кто интересуется историей края, важно, чтобы этот мир был сохранен во всем его многообразии. Притом сохранен не только для сегодняшнего использования, но также и для наших внуков – в рамках долгосрочной стратегии устойчивого развития, которую вам предстоит разработать в эти и последующие дни.

Второе великое открытие Богословской состоит в том, что успешная охрана памятников наследия невозможна без существования рядом современной живой культуры. Она пришла к этой идее еще в 1980-е гг. и потом неутомимо продвигала ее во всех своих планах и предложениях по охране культуры и природы Арктики. Именно поэтому биолог Богословская столь активно поддерживала ЖИВЫЕ элементы национальных традиций народов Чукотки – строительство кожаных байдар, гонки на собачьих упряжках и всю культуру ездового собаководства, включая местные породы собак, аборигенную охоту на китов и, главное – народные знания. Она хорошо понимала – и все последующее развитие подтвердило ее правоту, – что полноценное сохранение исторического наследия Чукотки, в том числе для целей образования и туризма, невозможно без народных знаний и живой культуры современных людей. Без участия в этом процессе сегодняшних жителей Чукотки – охотников, оленеводов, старейшин, каюров, педагогов, хранителей национальных знаний – любые памятники наследия становятся древней «археологией», предметами в шкафах и витринах музейных коллекций или в лучшем случае глянцевыми картинками из туристических буклетов. Именно сегодняшние люди придают им жизнь,

наполняют живой, доступной информацией и составляют главную аудиторию слушателей и активных защитников СВОЕГО наследия.

Еще один оставленный нам «наказ Богословской» состоит в том, что гармоничное развитие Севера и успешная охрана памятников наследия невозможны без его коренных жителей. Нельзя искусственно отрывать памятники наследия от тех, кого с ними связывает прямая, иногда личная или семейная традиция. Людмила Сергеевна много раз выступала в защиту культурного наследия науканских эскимосов – бывших жителей поселка Наукан на мысу Дежнёва, которые были выселены из родных мест почти 60 лет назад. Она всегда говорила, что невозможно сохранить Наукан как объект наследия без памяти самих науканцев, без истории этих замечательных людей и без их рассказов о травме, которую они перенесли 60 лет назад и за десятилетия после того из-за закрытия своего родного поселка.

Точно так же историю древнего святилища «Китовая аллея» на острове Ыттыгран, изучению которого мы посвятили многие годы, нельзя рассказать ВНЕ СУДЬБЫ бывших жителей эскимосского поселка Сиклюк, который располагался прямо рядом с Китовой аллеей. Потомки жителей Сиклюка, которые проживают сейчас в селе Новое Чаплино, вместе с другими чаплинскими эскимосами, а также жителями чукотских сел Янракыннот и Лорино являются прямыми наследниками великой аборигенной культуры охотников на гренландских и серых китов, создавших Китовую аллею, древнее поселение Масик и целый ряд уникальных памятников прошлого. Следовательно, поддержка современного морского промысла жителей Чукотки, их знаний и родного языка – чему столько сил отдала Людмила Сергеевна – является таким же важным фактором охраны Китовой аллеи и Масика, как и создание документации, паспортизация, утверждение охранных зон и безопасных туристических маршрутов.

Если мы хотим сделать это по-настоящему, всерьез, надолго, одно невозможно без другого. То же относится к десяткам других памятников прошлого Чукотки, требующих охраны, включая уникальные древние поселения Эквен и Пайпельгак, чья история неотделима от судьбы жителей традиционных чукотских поселков Тунытлен, Дежнёв-Кэнискун, Чегитун и Сешан, потомки которых проживают сейчас в национальных селах Уэлен и Инчоун. Еще живы те, кто помнит эту традицию и кто будет рад помочь восстановить ее. Именно такой принцип опоры на СОВРЕМЕННЫЕ исторические знания используется сейчас в других арктических странах для охраны наследия коренных народов и шире – в программах ЮНЕСКО по созданию сети объектов мирового культурного наследия.

Эти и другие «уроки» Богословская – ученый, общественный деятель, эксперт Государственной Думы, защитник Культуры и Природы Чукотки – оставила нам для осмысления. Я призываю помнить о наказах Людмилы Сергеевны и в дни конференции, и при последующей разработке мер по сохранению культурного наследия этой замечательной земли и ее жителей.

От души желаю вам успеха!

М.М. Бронштейн
Государственный музей Востока (Москва)

Уважаемые участники конференции! Дорогие друзья!

Обращаюсь к вам не только от своего имени, но также от имени моих московских коллег, исследователей Чукотки, которые, к сожалению, не смогли приехать в Анадырь и быть в эти дни вместе с вами. Вам шлют привет и желают успешной работы искусствоведы и художники Ирина Львовна Карахан и Людмила Ивановна Чубарова. Вас приветствуют этнографы и культурологи Елена Петровна Батьянова и Михаил Анатольевич Членов. Привет и самые добрые пожелания просил меня передать вам кинорежиссер и этнолог Алексей Вахрушев. Всех нас объединяет любовь к Чукотской земле и многие годы экспедиционной работы в ваших замечательных краях. Всех нас объединяет желание быть полезными людям, живущим на Чукотке, желание внести свой вклад в то важное дело, которому посвящена ваша конференция.

Мы твердо уверены в том, что сохранение культурного наследия народов Чукотки – задача в наши дни еще более актуальная, чем когда бы то ни было раньше. Мы обсуждаем эту сложную, болезненную проблему всегда, когда встречаемся вместе, а встречаемся мы, как правило, в Государственном музее Востока, сотрудником которого я являюсь. С 1970-х гг. Музей Востока собирает произведения искусства чукчей, эскимосов, эвенов, других коренных жителей северо-восточной оконечности Азии, и уже почти тридцать лет наша археологическая экспедиция ведет раскопки на побережьях Берингова и Чукотского морей.

Тридцать лет – очень короткий срок по сравнению с тысячелетиями, которыми измеряется история Чукотки, но для жизни одного человека это весьма продолжительный отрезок времени, достаточный, чтобы понять историческое значение того культурного явления, которое ты изучаешь. Поздравляя вас с открытием конференции, я хочу очень коротко рассказать о главном, к чему я пришел за три десятилетия изучения традиционной культуры береговых чукчей и азиатских эскимосов.

Культура морских арктических зверобоев не только продемонстрировала огромные возможности человека в адаптации к суровому климату Крайнего Севера, не только обогатила нас обширными знаниями природы полярных широт, не только подарила нам уникальные произведения искусства. Охотники полярных морей накопили огромный опыт по совместной деятельности людей, принадлежащих к различным социальным и этническим группам, по взаимной поддержке и помощи друг другу. Этот опыт исключительно важен сегодня. Чем труднее путь человечества в будущее (в том, что это действительно так, сомневаться, увы, не приходится), тем более ценными становятся навыки народов Чукотки по взаимодействию носителей различных культурных традиций в борьбе за выживание в самых, казалось бы, невыносимых для человека условиях.

Возраст культуры морских зверобоев Чукотки – истинных первопроходцев Арктики – сопоставим с возрастом древнейших цивилизаций планеты и составляет как минимум четыре тысячи лет. Это обстоятельство также представляется крайне важным. Оно свидетельствует о том, что культурная традиция, основами которой являются доскональное знание природы, стремление к творчеству, готовность к контактам с носителями других культурных ценностей, обладает высоким «запасом прочности».

Однако в течение уже нескольких десятилетий этот «запас прочности» уменьшается. Продолжает он стремительно сокращаться и сегодня, в начале XXI в., истончаясь до критического, смертельно опасного минимума. Как остановить этот процесс? Как сохранить традиционные хозяйственные занятия морских зверобоев и оленеводов? Как сохранить их языки? Как воспитать в чукотских и эскимосских детях чувство причастности к культуре предков, к культуре, которая имеет столь большое значение для всего человечества?

Один из путей к достижению этих целей – забота о памятниках истории, о старинных святилищах, руинах древних жилищ, поселках, которые местные жители были вынуждены оставить не по своей воле. Не менее важным мне представляется и такой путь к сохранению национальных чукотских и эскимосских традиций, как поддержка художественного творчества коренных народов Чукотки, их музыкального и песенного фольклора, их изумительной работы с мехом и кожей, их ставшего известным всему миру искусства резьбы и гравировки по кости.

Уверен, дорогие друзья, что эти вопросы войдут в круг проблем, которые будут обсуждаться на вашей конференции. Желаю вам успехов в вашей благородной деятельности по сохранению культурного наследия народов Чукотки!

Е. Антонов
Школа № 72 (Нижний Новгород)

Уважаемые участники конференции!

Я шлю вам привет из Нижнего Новгорода. Меня зовут Егор Антонов. Мне 15 лет, я учусь в школе. Вот уже четыре года я изучаю эскимосские языки. Вначале я выучил английский язык и научился читать по-датски, а затем стал изучать восточный диалект гренландского языка – калааллисут. Научившись говорить на этом диалекте, я начал изучать очень понравившийся мне северный диалект гренландского языка – аванерсуармиутут. На нем говорят люди, живущие на северо-западе Гренландии. Их примерно 700 человек. Предки этого народа переселились в Гренландию из Канады, где около 400 лет находились в полной изоляции. На тот момент, когда я заинтересовался диалектом аванерсуармиутут, не было ни одной книги, которая бы мне помогла. (Работы С.П. Леонарда, посвященные северному диалекту гренландского языка, появились уже позднее.) Поэтому я начал общаться по скайпу с носителями этого диалекта, и через полгода у меня уже был хороший разговорный уровень.

Сейчас меня очень интересуют языки эскимосов Чукотки – науканский, чаплинский, сиреникский. В сиреникском языке, например, мое внимание привлекает лексика. Она не похожа ни на один эскимосско-алеутский язык, хотя грамматика сиреникского языка очень схожа с грамматикой других эскимосских языков. Изучая науканский и чаплинский языки, я использую свой опыт общения по Интернету с носителями этих языков. Я очень рад, что у меня есть возможность общаться с людьми, которые помнят Наукан в его «первоначальном виде», помнят свой родной язык. Я изучаю также тексты, записанные на науканском языке, и их переводы на русский. В лингвистике существуют определенные приемы, которые позволяют изучать таким образом грамматику и лексику языка. И все-таки главное для меня – непосредственное общение с носителями языка, и поэтому я хочу обратиться к молодежи Чукотки с призывом по мере своих возможностей перенимать у старшего поколения знания о своем языке, о своем прекрасном крае. Сохранить эти знания и передать следующим поколениям смогут только они, молодые люди современной Чукотки, единственные наследники культурных традиций, созданных их предками.

Недавно в Москве в Музее Востока я познакомился с учеными, которые многие годы изучают древнюю историю Чукотского п-ова. С.А. Арутюнов, М.А. Членов, М.М. Бронштейн, К.А. Днепровский рассказывали о Китовой аллее, Эквене, Наукане. Слушая их выступления, я думал о том, каким загадочным, таинственным местом является Чукотка, как важно, чтобы не разрушались памятники ее культуры. И сегодня я очень рад, что в Анадыре проходит конференция, посвященная сохранению культурного наследия народов Чукотки, сохранению Наукана, и желаю участникам конференции успешной работы!

Северо-восток Чукотского полуострова

Немного найдется в Чукотском автономном округе мест, которые могли бы сравниться с территорией, прилегающей к мысу Дежнёва, по количеству сохранившихся здесь исторических памятников. Археологам, этнографам, искусствоведам еще предстоит ответить на вопрос, почему именно этот ареал подарил миру столько мужественных, сильных, наделенных творческими способностями людей, почему именно в этой части Чукотки существовали на протяжении многих столетий яркие художественные традиции. На конференции прозвучали доклады о старинном эскимосском поселке Наукан и о монументе Семёну Дежнёву. В оргкомитет были присланы статьи, посвященные истории и культуре науканских эскимосов, русскому землепроходцу Семёну Дежнёву, современному изобразительному творчеству коренных жителей северо-восточной оконечности Чукотского полуострова. Обсуждая эти материалы, участники конференции подтвердили свое желание начать работу по включению наиболее ценных памятников истории и культуры Чукотки в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Яранги Наукана; на заднем плане – маяк. 2016 г.

К.А. Днепровский
Государственный музей Востока (Москва)

Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки

Носителями культурной традиции морских арктических зверобоев, распространившейся в древности с побережья Чукотки в Северную Америку и прилегающие острова, были древние эскимосы – предки современных эскимосов Чукотки и инуитов Аляски, Канады и Гренландии. Цивилизация, сложившаяся в циркумполярном регионе, основой существования которой была охота на крупных млекопитающих – китов и ластоногих, – оставила яркий след в мировой культуре. Коллекции эскимосских древностей представлены в крупнейших музеях всего мира.

Среди многочисленных жилых и погребальных памятников, расположенных на побережьях Берингова пролива и Чукотского моря, выделяются Уэленский и Эквенский могильники, поселения Эквен и Пайпельгак, исследование которых продолжаются до настоящего времени. Прекрасно адаптированные к суровым полярным условиям древние резчики по клыку моржа и кости создали подлинные шедевры искусства. Вечная мерзлота сохранила самобытные гравированные линейным геометрическим орнаментом наконечники гарпунов и знаменитые

«крылатые предметы», изготовленные на двух континентах. Памятники уникальной и во многом утраченной эскимосской цивилизации, безусловно, достойны быть номинированы в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Северо-восточная оконечность евразийского континента с древнейших времен была той контактной зоной, которая связывала Азию с Северной Америкой и островным полярным миром. Именно здесь более 20 тысяч лет назад на месте пролива был сухопутный мост – Берингия, по которому заселялся американский континент. С момента возникновения древнеэскимосской цивилизации на азиатской стороне Берингова пролива эта мощная культурная традиция развивалась параллельно на двух континентах. Об этом красноречиво свидетельствуют исследования российских и американских археологов. Родственные племена – носители эскоалеутской культурной традиции – были близки и в лингвистическом смысле. Они применяли одни и те же приемы охоты на морского зверя, все культурные инновации быстро распространялись с одного берега на другой, чему способствовало очень раннее появление у охотников морского транспорта.

Закономерно, что и традиционные гравированные орнаменты на охотничьем снаряжении, предметах быта из клыка моржа и кости – один из главных признаков смены этапов культурной традиции – изменялись одновременно во всем обширном трансконтинентальном полярном регионе. Острова Диомида в Беринговом проливе, через которые осуществлялись культурные связи, расположены в прямой видимости от многих древнеэскимосских поселений азиатской стороны, среди которых всемирно известный комплексный памятник Эквен. Шедевры древнего искусства первой половины первого тысячелетия нашей эры, обнаруженные здесь, экспонировались на многих международных выставках в России, Европе и Америке вместе с изделиями древних косторезов Аляски и Гренландии.

Вплоть до начала XX столетия в Уэлене, Дежнёво (Кэнискун) – старинных поселках эскимосов и чукчей, где обнаружены древние жилища из костей кита, камня и плавникового дерева, существовали американские торговые фактории. Одним из ключевых населенных пунктов, игравшим особую роль в связях с американским континентом в новое время, было селение Наукан. Органично сливающийся с величественным природным ландшафтом Наукан расположен на 50-метровой высоте над уровнем моря юго-восточной оконечности мыса Дежнёва. Морские зверобои говорили здесь на особом диалекте эскимосского языка. В этом поселке, расцвет которого пришелся на XIX – первую половину XX вв., наиболее полно отразились древние традиции всей высокой культуры эскимосских охотников на морского зверя. После трагических событий, связанных с насильственным закрытием в 1958 г. поселка Наукан, имеющего громадное сакральное значение для самосознания всех эскимосов Чукотки, сохранились остовы десятков жилых строений, продолжающих древние архитектурные традиции региона. Это едва ли не единственные на Чукотке так полно сохранившиеся до наших дней традиционные стационарные жилища эскимосов – оседлого коренного населения побережья Чукотского моря и Берингова пролива. Поселок Наукан и просуществовавшие в нем до середины XX в. округлые яранги с каменными цоколями, кровлями из деревянных жердей и

шкур моржа и коридорными выходами, ориентированными к морю, как бы олицетворяют «связь времен» – зримо объединяют современных эскимосов с их далекими предками.

Невозможно и неправомерно изучение истории Наукана в отрыве от соседнего старинного поселка Нунак, из которого, по преданию, в Наукан переселились первые жители, от ближайших древних поселений Кэнискун, Эквен, Уэлен и других, а также вне археологического и исторического контекста всего Чукотского полуострова. В свете последних археологических данных о возможно достаточно раннем появлении на Чукотке китобойной культуры (II тыс. до н.э.?) еще предстоит понять связь этого феномена с древнеберингоморской культурной традицией. В равной мере нельзя осмыслить древнюю культуру коренных народов Чукотки, не учитывая ее тесные этнические, культурные и другие связи с обширной межконтинентальной Арктикой.

В урочище Наукан (Нувукак), расположенном в нескольких километрах южнее самой крайней северо-восточной точки мыса Дежнёва, окруженном с трех сторон сопками, на скальном высоком берегу, располагаются величественные руины легендарного эскимосского поселка Наукан. В последние годы существования поселка с помощью местных жителей чуть в стороне от заселенной части распадка на горе Ингегрук был возведен маяк-мемориал в честь Семёна Ивановича Дежнёва. Оба эти объекта – поселок с его строениями и маяк с бюстом С.И. Дежнёва и памятными надписями – являются неотделимыми друг от друга памятниками культуры. Именно поэтому было принято решение о создании единой охранной зоны для этих объектов культурного, археологического и исторического наследия.

Автору этой статьи довелось несколько раз бывать в Наукане с самого начала 1990-х гг., что называется, проездом, на лодках из Берингова пролива в Чукотское море и обратно, по дороге из районного центра Чукотского района поселка Лаврентия к памятникам археологии, исследования которых проводились каждый сезон. Даже если не удавалось причалить на лодках к берегу Наукана из-за погоды, то всегда поражал величественный вид с моря на руины каменных кладок стен жилых строений и круглых мясных ям. Округлые или подпрямоугольной со скругленными углами формы яранги, стены которых сложены из хорошо пригнанных друг к другу крупных камней, простираются более чем на полкилометра вдоль берега на крутом обрыве, разделенном на две почти равные части оврагом или распадком, где течет ручей Куик, и поднимаются вверх по крутому склону высотой от 20 до 50 и даже до 70 метров над уровнем моря. На юге площадь поселка ограничена оврагом с безымянным ручьем, наполняющимся водой только весной. На севере за оврагом, где протекает еще один пересыхающий ручей Куигак или Куигасок, яранг уже нет. Как выглядел жилой поселок с коническими, слегка асимметричными крышами яранг из шкур моржа, с часто стоящими вешалами из челюстей китов, на которых хранились кожаные байдары, мы знаем по старым фотографиям.

В южной части, всего в нескольких десятках метров к югу от крайнего южного строения, на крутом склоне, покрытом крупными камнями, на высоте 50-60 м над уровнем моря расположено поселковое кладбище. Оно сильно разру-

Бывшая метеостанция. Наукан. 2016 г.

шено сползающими по склону камнями. Отдельные могилы разного времени встречаются на сопках к западу от поселка.

Севернее поселка возвышается гора Ингегрук, почти без растительности, светлая на серо-зеленом фоне, правильной округлой формы с обелиском-маяком на вершине. Одно время, в 1990-х гг., маяк еще светился в темное время суток. В 2010-2012 гг., после осуществления на побережье Чукотки программы вывоза РИТЭГ – радиоизотопных источников электроэнергии, работа маяка не восстанавливалась.

Под холмом на самом краю обрыва стоят несколько деревянных оштукатуренных строений метеостанции, над входом одного из них на штукатурке рельефные цифры «1963», – видимо, год последнего ремонта зданий. Когда-то здесь устраивались с комфортом: от пляжа вверх мощная электрическая лебедка поднимала грузы, рядом со станцией был выкопан водосборник со срубом внутри. Крупных домов с окнами на море на «туманной станции», как ее называли раньше, два: одно с невысокой башней, перед другим – обширная смотровая площадка, вымощенная досками. Необитаемая с середины 1970-х гг. метеостанция быстро разрушается, рухнули потолочные перекрытия, и обвалы береговой линии обрыва уже вплотную подошли к башне…

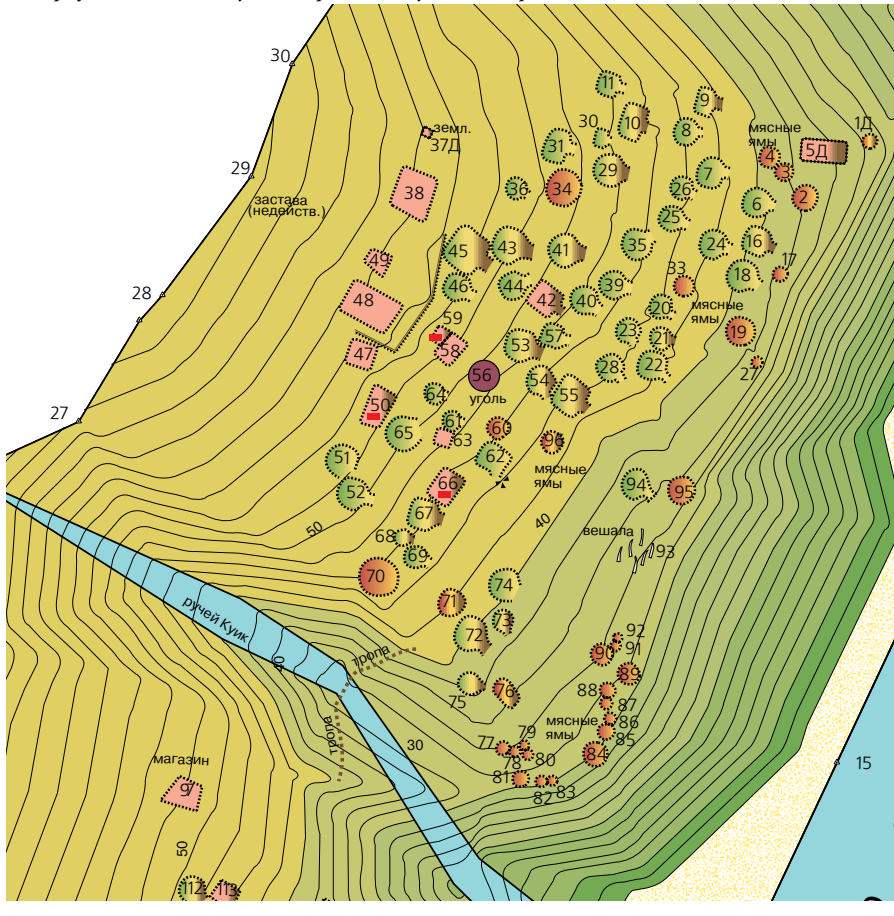
В 2013 г. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока под руководством автора спроектировала охранную зону мемориала в честь С.И. Дежнёва (маяка и бюста) и составила другую охранную документацию данного объекта культурного наследия федерального значения – «Памятник землепроходцу и мореплавателю Семёну Дежнёву».

Летом 2016 г. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока, Департамента образования, культуры и молодежной политики

Чукотского автономного округа и ООО «ГеоКорд» провела работы по составлению охранной документации памятника федерального значения «Многослойное поселение Наукан». В ходе этих работ был составлен подробный топографический план памятника с применением самых современных приборов. Экспедиция произвела подробную фотофиксацию каждого сохранившегося объекта на территории поселка. Был также составлен проект охранной зоны данного исторического памятника, совпадающей с его границами, и определены координаты поворотных точек охранной зоны с помощью JPS.

Согласно проведенным нами исследованиям площадь охранной зоны Наукана составляет 13,91 га, периметр – 2,107 км. Охранные зоны поселка и маяка примыкают друг к другу и легко могут быть объединены. «Многослойное поселение Наукан» и «Памятник землепроходцу и мореплавателю Семёну Дежнёву» (под таким названием эти объекты стоят на учете в государственных органах охраны памятников культуры) следует рассматривать как единый комплексный объект культурно-исторического значения.

Топографический план Наукана. Фрагмент. Чукотская археологическая экспедиция. 2016 г.



На топографическом плане, снятом в июле 2016 г. Р.В. Кретовым и С.Ю. Шокаревым, пронумерованы 182 объекта, расположенные к северу и югу от ручья Куик. Все строения разных периодов застройки отражены на плане с соблюдением реальных контуров строений и их размеров. Жилые дома, мясные ямы и хозяйственные сооружения распределены по площади поселка неравномерно. В северной части расположены 83 объекта, в южной – 100. Следует учесть, что на плане изображены только четко выделенные в рельефе строения – яранги, мясные ямы хозяйственные и иные постройки, (а также фундамент школы и руины деревянного здания пограничной заставы), имеющие в той или иной степени полные контуры. Отдельные, не относящиеся к полному строению части каменных кладок, выровненные на склоне площадки, – террасы, остатки перестроенных объектов учтены быть не могут. Это закономерно. Поселок существовал не менее трех веков, и естественно, в том виде, в котором мы застали его сейчас, он сложился не сразу. Долго стоящее на одном месте оседлое поселение – структура сложная и подвижная. Не все жилища строились одновременно. Мясные ямы строились и засыпались. Сейчас не представляется возможным выделить участки, с которых начиналась застройка урочища Наукан, выделить самые ранние сооружения. Дома могли заселяться, пустовать, а потом заселяться снова. Дома ветшали, приходили в негодность, ремонтировались и перестраивались в разные периоды. При перестройках могли разбираться каменные стены старых домов, при этом часть стены или угол могли остаться. Новая яранга могла быть возведена на месте старой с изменением планировки, увеличением или уменьшением площади жилой структуры. Часть старых построек могла оказаться полностью или частично под слоем грунта и камней при выравнивании новой площадки или сооружении террасы для возведения новых построек. Долгий опыт археологических исследований на древнеэскимосских жилых памятниках подсказывает, что по количеству холмов – остатков древних жилищ-нынлю, различимых в настоящее время на поверхности древних поселений, нельзя судить о планировке поселка в различные периоды времени, а также о действительном количестве жилищ на памятнике. Большая часть их находится под напластованиями грунта в вечной мерзлоте и на поверхности не видна.

«Землянка» на плане поселения нами отмечена только одна. Она расположена к северу от заставы. Это очень небольшое, 2х1,5 м помещение, действительно заглубленное в землю более чем на 1 м, служившее складским помещение или водосборником в летнее время и не имеющее входного проема. Неоднократно отмеченные в литературе о Наукане «землянки» в полном смысле этого слова (жилищами, уровни пола которых значительно ниже поверхности) нами не обнаружены. Возможно, землянками были названы дома, стоящие на поверхности, но имевшие земляную (дерновую) крышу, лежавшую на мощных горизонтальных лагах из бревен и крупных костей кита. После обрушения или разбора такой кровли так называемую «землянку» трудно отличить от яранги. Что касается жилых домов, заглубленных в вечную мерзлоту, то представить их себе довольно трудно – на полу теплых жилищ должна была стоять талая вода.

Мясных ям в Наукане зафиксировано нами немногим более 50. Это округлые ямы глубиной до 2 м с глухими без входа стенами и иногда с перекры-

Наукан. Фото А.С. Форштейна. 1929 г.

тиями из костей кита или дерева. Мясные ямы в основном расположены по сторонам оврага ручья Куик, ближе к его устью, а также в южной части поселка, у распадка, т.е. в местах удобных для подъема добычи с берега моря.

В настоящее время, не проведя тщательные археологические исследования с раскопками всех без исключения объектов, по сути дела всей площади памятника, мы не сможем точно определить время и очередность строительства, заселения и существования каждого из домов. Учитывая огромную площадь памятника, задача эта в данный момент неосуществимая. Исключения составляют разве что яранги, заселенные в последний период жизни поселка в первой половине XX в. Например, на фотографиях А.С. Форштейна двадцатых годов прекрасно видно, что заселены не все строения. Память жителей Наукана, этнографические исследования, сохранившиеся описания, архивные сведения, старые фотографии – вот единственный источник информации в этих случаях.

По данным на 1 января 1956 г. в Наукане было 80 строений, из них жилых яранг 40, жилых домов 8, складских помещений 7, ям и ледников 25. В поселке на 1 июля 1956 г. проживали 229 человек, 201 эскимос, 6 чукчей и 22 русских [Государственный архив Чукотского автономного округа: Л. 55]. В наличии таких сведений заключается главное отличие Наукана – памятника традиционной культуры эскимосов – от древних, археологических памятников.

Кроме жилых и хозяйственных строений на топографическом плане Наукана отражены крупные объекты, которые ускользали от внимания исследователей многие годы. В центре поселка к ручью Куик с противоположных сторон в склонах оврага ведут рукотворные, «вырезанные» в склонах пологие тропы – пандусы шириной до 1,5–2 м. Они проложены так, что сходятся к плотине, возведенной поперек ручья, сложенной из крупных камней, и продолжаются вдоль оврага

Тропа и плотина в Наукане. 2016 г.

с двух сторон по направлению к морю. Ручей был единственным источником пресной воды в поселке в бесснежный период, и строительство каменной плотины – удобного места для набора воды под водопадом – было крайне важным делом. Плотина служила также и мостом через ручей, соединяющим две части поселка, и сильно облегчала передвижение между этими частями. Для сооружения троп и плотины требовался большой объем тяжелых работ, требовавший организованного труда значительного количества людей.

Следует отметить, что тропы, постоянно действующие между строениями при жизни поселения, которые, очевидно, поддерживались в порядке и расчищались зимой, сейчас не видны из-за сильной задернованности поверхности. Даже наша небольшая группа, работая на территории Наукана, за неделю протоптала тропы в удобных местах. Передвигаться между ярангами по крутым склонам и крупным камням и террасам, особенно в южной части, не очень просто. Легко себе представить, как осложнялись передвижения внутри поселка, когда склон покрывался коркой льда. Недаром в рассказах старых науканцев промелькнуло сообщение об использовании металлических «кошек», крепившихся к ногам в гололед [Леонова 2014:71].

В южной части Наукана, у обрыва на уровне галечного пляжа и выше, частично сохранились вертикальные каменные кладки высотой более 1 м и длиной до 10 м, сложенные из крупных камней. Одна из них укрепляет береговую линию от обвалов, вторая ограничивает широкий пандус, поднимающийся к югу. Трудно предположить, что это фрагменты сохранившейся «дороги», проложенной вверх по склону от пляжа, куда причаливали лодки, служившей для подъема грузов наверх. Самый удобный подъем к поселку от пляжа – по оврагу вдоль русла ручья Куик. Скорее этот пандус, укрепленный вертикаль-

Каменные кладки на берегу – остатки береговых сооружений. Наукан 2016 г.

ными кладками камней, вел к сооруженным на крутом склоне обрыва к морю террасам, на которые могли поднимать байдары для временного хранения при несильных штормах. В настоящее время эти рукотворные террасы почти не сохранились – на обрыве происходят, хотя и не слишком активные, процессы береговой эрозии.

Из камней – подручного материала – в Наукане складывались нижние уровни стен построек не только традиционного типа. В северной части поселка вокруг разрушенного, сложенного из бруса квадратного сечения 20х20 см главного здания погранзаставы, закрытой не намного позднее самого поселка, сохранились несколько принадлежащих заставе строений, имеющих прямоугольную форму. Подобной формы хозяйственные каменные постройки советского времени сохранились и в южной части поселка. В некоторых из них существовали кирпичные печки, другие служили холодными складами для металлических бочек с горючим. Кое-где на таких строениях сохранились деревянные остовы двускатных крыш. Известно, что дерево в чукотском климате сохраняется довольно долго, даже на поверхности, не только в вечной мерзлоте. Сохранность деревянных деталей традиционных и новых домов в Наукане удовлетворительная, хотя время берет свое. Чем тоньше доски, тем сохранность их хуже. Бревна круглые в сечении – опоры перекрытий домов – сохраняются значительно дольше.

В традиционных ярангах в позднее время могли ставиться металлические и даже кирпичные печки. Кирпичные кладки зафиксированы в трех ярангах. В нескольких случаях отмечены деревянные коробки дверных проемов у входного коридора.

В целом сохранность объектов поселка не может не вызывать опасений. За последние два десятка лет каменные кладки вряд ли сильно пострадали, а вот

Вешала для хранения байдар. Наукан 2016 г.

деревянные детали – тонкие и хрупкие, лежащие на земле, внутри помещений каркасы кровли – быстро разрушаются и трещат под ногами при каждом неосторожном шаге человека, который решит посетить необитаемое почти 60 лет жилище.

По сравнению со старыми фотографиями в Наукане осталось очень мало вешалов – вкопанных в землю толстым концом вниз слегка изогнутых частей нижних челюстей китов длиной до 4 м (а не китовых ребер, как многие считают). Вешала всегда устанавливались в два параллельных ряда, попарно, друг напротив друга в четном количестве: четыре, шесть или более штук. Всё сооружение было длиной 6–8 м, между рядами до 2,5 м соответственно длине и ширине байдар. Между парами челюстей горизонтально натягивались ремни, и на них сверху ставились на зиму дном вверх и привязывались к опорам кожаные байдары – беспалубные большие лодки с деревянным вязаным каркасом, обтянутым шкурами молодых моржих. В Наукане сейчас можно видеть вешала лишь в трех местах. В северной части у обрыва еще в 2010 г. стояло шесть челюстных костей, в 2016 г. их осталось пять, а шестая кость лежит рядом, основание ее осталось в земле. Три вертикальные челюсти в северной части Наукана стоят ближе к морю, значительно ниже расположения поселка. От этих вешалов сохранился один ряд, четвертая челюсть упала и лежит ниже по склону.

Нелегко давалось науканцам строительство яранг на достаточно крутом скальном склоне, покрытом камнями. Правда, о недостатке основного материала для возведения стен жилищ, камней, речь не шла. Начиналось строительство традиционного дома с выравнивания площадки. Для этого вертикально, поперечной ступенью подрезался склон. Затем площадка выравнивалась горизонтально и вдоль образовавшегося под склоном уступа глубиной 1–1,2 м склады-

Вешала в южной части Наукана. 2016 г.

валась обычно из двух рядов камней стена высотой до уровня склона. Если не хватало места для площадки между уже стоящими домами, на склоне подсыпали из камней и грунта террасу, иногда довольно высокую, и тогда возводили каменную стену, удерживающую эту террасу на склоне. Горизонтальная площадка делилась на две примерно равные части, и посередине делалась ступенька высотой 20–25 см, которая укреплялась кладкой в один камень. Обычно стены складывались без прямых углов – яранги в плане были округлые или прямоугольные со скругленными углами. Укладывались каменные стены «всухую», но, видимо, щели между камнями закладывали мхом или дерном. Камни подбирались так, чтобы подогнать их как можно плотнее друг к другу. Между камнями в грунте, принесенном ветром, прорастала трава, корни которой забивали щели. В поперечнике эти дома составляют от четырех до шести (иногда и немногим более) метров. Вертикальные опоры стен и кровли не вкапывались в пол, а были укреплены среди каменной кладки стен по периметру на расстоянии около 1,5 м друг от друга. Стена, обращенная в сторону подъема, на запад, строилась глухой, а в стене противоположной, сооружался выход, обращенный в сторону моря, закрывающийся шкурой, а позднее дверью из дерева. Выход в виде короткого коридора длиной до двух метров, справа и слева прикрывали каменные стены, между которыми крепилось перекрытие коридора. Склон в Наукане – в сторону моря, на восток, поэтому все яранги с одинаковой ориентировкой по сторонам света – обращены выходами на восток.

Очень важно отметить, что во всех ярангах соблюдался один общий принцип устройства пола. Его уровень понижался от задней стены, около которой устраивался спальный полог, через ступеньку в общее помещение, а уровень пола во входном коридоре всегда был самым низким в жилище; он часто имел

Кладка стены и деревянные опоры кровли науканской яранги. 2016 г.

еще одну ступеньку или просто плавно понижался наружу. Сам рельеф местности способствовал такому стандартному домостроительному приему. Поскольку нагретый воздух поднимается вверх, самое теплое место в яранге было в пологе у задней стены, а при входе в помещение тепла терялось меньше.

Регулярной каменной или из иного материала вымостки пола яранги не прослеживается – внутренняя часть жилищ, как правило, задернована, и для выяснения характера настила на полу понадобятся специальные исследования с расчисткой обитаемого уровня.

На рисунке устройства науканской яранги Б. Альпыргина изображена прямоугольная возвышенная площадка для спального полога и отмечен столб, стоящий перед пологом в центральной части помещения [Леонова 2014]. Рисунок делался явно по памяти, сохранившей более или менее точно конструкцию, скорее всего, одной яранги. Наши обобщенные наблюдения позволяют внести небольшие коррективы в описание некоторых деталей.

Пропорционально платформа полога обычно больше, чем изображено на схеме Б. Альпыргина, и она занимает половину внутренней площади помещения. Ступенька из камней часто сложена от одной стены до другой (по направлению север-юг), и в этом случае платформа не отделена от стен. Иногда возвышенная относительно внутреннего помещения платформа полога отделена канавкой от стен только с двух сторон – слева и справа от входа, а задняя стена помещения примыкает непосредственно к платформе. Второе существенное замечание к вышеупомянутому рисунку касается устройства кровли в традиционной яранге. Изображенный в центре яранги перед пологом столб, скорее всего, ошибка памяти автора рисунка, или столб был поставлен временно, например для ремонта просевшей кровли. Ни в одной яранге с сохранившимися

Деревянные детали каркаса кровли науканской яранги. 2016 г.

деревянными деталями нами не замечен столб, установленный в центре, или его основание, вкопанное в пол в центре помещения.

Деревянные детали рухнувших перекрытий и верхних частей стен сохранились только в 26 ярангах. Деревянные детали необитаемых яранг во время жизни поселка разбирались и использовались жителями немедленно. В конце существования поселка деревянные части из всегда ценимого в тундре материала могли частично вывозиться вместе с личными вещами жителей. Только поспешное оставление домов могло воспрепятствовать вывозу этих важнейших в строении деталей. Удлиненно-овальные в сечении шесты длиной до 4 м шириной до 10 см и толщиной 4–5 см, на которых держалось покрытие из шкур моржа, тщательно обструганы и даже зашлифованы со всех сторон. Они слегка изогнуты и сужаются к обоим концам. Нередко такие шесты ремонтировались: сохранились стянутые жестяными шинами на гвоздях экземпляры.

Шесты, на которых крепилось покрытие из моржовых шкур, не просто складывались «шатром». О сложности конструкции кровли говорят отмеченные в двух домах такие детали перекрытия, как длинные шесты округлого сечения толщиной 8–10 см в диаметре с утолщениями на концах и выемкой на торце, как у древка эскимосской стрелы. Место такой детали в конструкции крыши еще предстоит выяснить.

Перекрытие яранги служило относительно недолго и подлежало замене. Каркас должен был легко разбираться и собираться вновь и соответствовать форме и размеру тяжелых шкур моржа. Детали каркаса кровли связывались между собой ремнями, а позднее соединениями из металлической проволоки. Покрышка прижималась к каркасу внешними перетяжками из проволоки с камнями на концах. Кровля подвергалась большим ветряным нагрузкам, и каркас должен был быть слегка подвижным. Именно поэтому деревянные слеги тщательно обработаны: угловатые подвижные детали быстро перетирали бы покрытие в местах соприкосновения. В этом смысле кровля яранги походила конструкцией на эскимосскую байдару из дерева и кожи, которая слегка «подыгрывала волне».

Шатровая конструкция кровли науканских яранг позволяет по-новому интерпретировать принцип строения кровли древнеберингоморских и бирниркских жилищ, исследованных нами на древнеэскимосских поселениях Эквен и Пайпельгак. Во время исследования эквенского жилища Н-18 было

высказано предположение, что кровля была «тяжелой», состоящей из массивных лаг из китовых костей и плавниковых бревен, и перекрывалась дерновым слоем. Этому предположению не противоречили и мощные столбы вдоль стен помещений жилища. Дерн, который, как предполагалось, рухнул на пол вместе с кровлей, был обнаружен на уровне пола. Однако слабым местом этой гипотезы было отсутствие достаточного количества длинных китовых костей (челюстей и ребер) или бревен – конструктивных деталей рухнувшей на уровень пола каркаса кровли. Предполагалось, что после обрушения эти детали кровли разбирались для строительства других домов. Если представить в основе конструкции шатровых перекрытий эквенских и пайпельгакских жилищ I тыс. н.э. наличие легких деревянных жердей, на которых лежала покрышка из шкур, всё становится на свои места. Вертикальные столбы из дерева и костей кита, которые стояли вдоль стен по периметру помещений, не были опорами кровли. Они являлись каркасом стен, как и в ярангах Наукана. К ним крепились деревянные, относительно тонкие слеги, несущие шатровую кровлю из шкур. Отсутствие достаточного количества этих слег или жердей на полу древних помещений легко объясняется тем, что ценный и легко переносимый материал, после оставления жилища, конечно же, сразу использовался в новых конструкциях. В подтверждение этого в пустующих, необитаемых жилищах Наукана во время жизни поселка каркаса кровли не оставалось. Интересно отметить, что количество яранг со значительным числом кровельных деревянных деталей, лежащих после обрушения перекрытий на полу, не совпадает с числом населенных яранг перед закрытием Наукана и переселением жителей в 1958 г. Это может означать, что часть деревянных шестов была вывезена заранее вместе с жителями.

Типичная науканская яранга. 2016 г.

В целом науканские яранги имеют абсолютно традиционную конструкцию и принципиально мало чем отличаются от жилищ, в которых жили их предки в древнеберингоморское и бирниркское время, в I тыс. н.э. На Чукотке наиболее полно древние жилые сооружения исследованы на поселениях Эквен и Пайпельгак [Бронштейн, Днепровский 2001; Dneprovsky 2006], и сравнение науканских жилищ с ними представляется наиболее корректным. Если не брать в расчет такие «современные» детали в Наукане, как использование досок для наращивания верхних частей стен, металлических и кирпичных печек, дверей с деревянными коробками и дверей с петлями, применение железных гвоздей и других металлических деталей, то сходство в принципиальных конструкциях домов очевидно. Науканские жилища, так же как древние, строились всегда на поверхности и не заглублялись в землю. Для строительства домов применялся с учетом локальных особенностей тот же материал – камни, кости китов и плавниковое дерево. Так, в районе Эквена дерева выносится на берег мало, поэтому деревянные опоры заменялись здесь столбами из челюстных костей кита, а обилие камня в районе Пайпельгака обусловлено приоритетное использование для сооружения жилищ этого материала.

Древние эскимосы часто сооружали дома на склонах с предварительным выравниванием строительных площадок. Коридорные выходы всегда были направлены в сторону склона (следовательно, в сторону моря), и уровень пола понижается от спальной платформы к выходу, что было очень важно для применявшегося в домостроительстве еще с древнеберингоморского времени принципа энергосбережения и распределения нагретого воздуха в помещении. Сходны планировки жилищ, их размеры, принципиальная конструкция цоколей стен из камня или дерева, легкие кровли из шкур на деревянном каркасе.

Наукан, вид с востока. 2016 г.

Науканская яранга с обновлениями советского периода. 2016 г.

Вместе с тем следует отметить и некоторые серьезные отличия науканских построек от жилищ бирниркского времени в Эквене и Пайпельгаке. В Науканe нет двухкамерных строений, примыкающих друг к другу, как в Эквене, или соединенных крытым коридором с каменной вымосткой пола и опорами кровли из костей кита, как в Пайпельгаке. Возможно, это объясняется крутизной склона, на котором строились жилища Науканe. Древнеберингоморские небольшие жилища на Пайпельгаке строились для сезонной охоты и не были предназначены для проживания целой семьи, как в Науканe.

Яранги Наукана с сохранившимся полным набором деревянных деталей перекрытия покидались, по-видимому, последними. Кровли этих домов не разбирались, и в промежутках между спальной платформой и стенами нередко можно найти аккуратно уложенные стопки металлической посуды – тазы, кастрюли, корыта, чайники, которые явно не были лишними в хозяйстве. В нескольких домах входные проемы тщательно заложены камнями от медведей. Жителям прекрасно было известно, что без ремонта и замены на новое, перекрытие из шкур моржа служит лишь несколько лет и жилище очень быстро становится совсем непригодным для жилья.

Но люди собирались вернуться…

Использованная литература

Бронштейн М.М., Днепровский К.А. 2001. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники истории и культуры. Новые открытия. 2000. М.: Наука. С. 587–619.

Государственный архив Чукотского автономного округа. Р-176. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

Леонова В.Г. 2014. Наукан и науканцы. Владивосток: Дальпресс.

Dneprovsky Kirill A. 2006. A Late Birnirk House at Paipelghak in Northern Chukotka: A Preliminary Report Based on the Excavations from 2002-2004 // Alaska Journal of Anthropology. Vol. Four, Number 1-2. P. 34–53.

Наукан. 2016 г.

М.А. Членов, И.И. Крупник
Академия Маймонида (Москва)
Арктический центр, Смитсоновский Институт (Вашингтон)

Наукан: главы к истории

Вступление

Отдельные части этой статьи были написаны и опубликованы нами в разное время, на протяжении почти 45 лет, но у них есть конкретная датировка. Они основаны на материалах, собранных среди науканцев между 1971 и 1988 гг. в беседах, магнитофонных записях и интервью. В 1971 г. оба автора ненадолго оказались в Наукане с академической экспедицией антропологов В.П. и Т.И. Алексеевых. Вид брошенного поселка с руинами домов, белым маяком и памятником Семёну Дежнёву, силуэтами островов Диомида и берега Аляски на горизонте навсегда врезались в нашу память. В тот год экспедиция работала в с. Нунямо, где мы смогли ближе познакомиться с науканцами. Их рассказы о покинутой родине оказали решающее влияние на наше понимание истории эскимосов. После этого мы побывали несколько раз и в Наукане, и в окружающих его древних и современных поселениях скалистого выступа мыса Дежнёва, и в каждой из множества экспедиций общались с науканцами и их потомками, сегодня живущими рассеянно в городах Чукотки и селах Чукотского и Провиденского районов ЧАО. Но только много лет спустя мы смогли изложить итоги нашей работы в большой

рукописи «Азиатские эскимосы в 20-м веке», которая, к сожалению, осталось неопубликованной. Большие куски из нее вошли в книгу, изданную по-английски в издательстве Университета Аляски (Krupnik, Chlenov 2013).

Поэтому когда организаторы этого сборника предложили нам соединить разные тексты о Наукане и науканцах в одну статью, мы с радостью согласились. Мы назвали ее «главы к истории», чтобы подчеркнуть, что она не претендует на всесторонний охват, тем более однозначное изложение истории Наукана. Такую полную историю еще предстоит написать – используя легенды, воспоминания, старые документы и фотографии – притом совместно с науканцами и для них самих. С постепенным уходом старшего поколения науканцев, которые хорошо помнили жизнь в Наукане в 1930–1950-е гг. (см. статью В.Г. Леоновой; Леонова 2008; 2014; Теплилек и др. 2008), потребность в этом нарастает. Можно надеяться, что наш текст послужит стимулом для такой работы.

Дежнёвский выступ

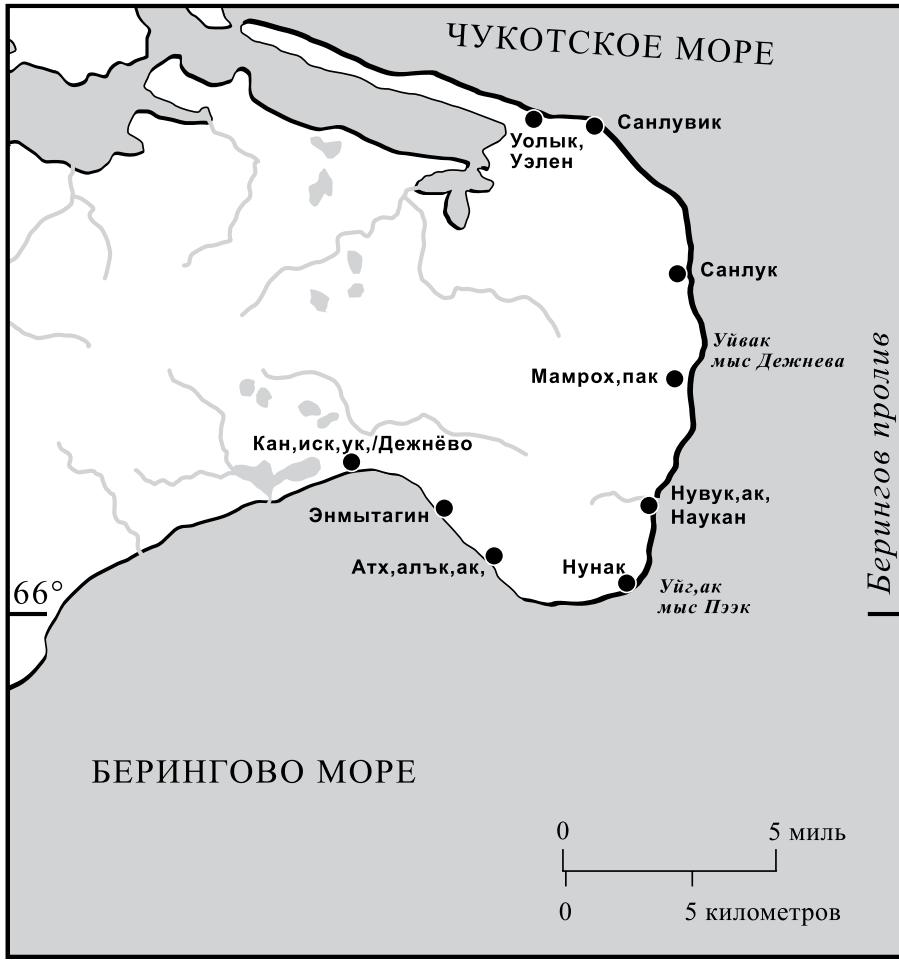
Мыс Дежнёва представляет не просто географическую точку крайней оконечности материка Евразии, но и довольно крупный скалистый массив около 20 км длиной с севера на юг, омываемый с трех сторон водами Берингова и Чукотского морей. Только с запада этот массив соединен с материком, но и здесь как бы отделен от него низменным перешейком. Таким образом, физико-географически мыс Дежнёва подобен скалистому острову и экологически больше похож на лежащие в проливе острова Диомида и Кинг, нежели на прилегающее азиатское побережье. Для всех этих “островов”, включая и выступ мыса Дежнёва, характерен горный рельеф, изобилие крутых скал, почти отвесно спускающихся к морю.

Вид на Наукан и Берингов пролив. А.С. Форштейн. 1929 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ И-115-11)

Перед глазами науканцев постоянно стояли ширь Берингова пролива, острова Диомида и далекая полоска американской земли – мыс Принца Уэльского, или Кыхтыи, как его называли науканские эскимосы. Наукан видится как бы «островом», прикрепленным к побережью Чукотки и одновременно – окном, постоянно открытым в сторону Америки. Поэтому связи науканцев были в основном направлены на восток. Зона их контактов на Чукотском п-ове включала чисто чукотские поселения и стойбища от залива Лаврентия до Уэлена и Инчоуна, т.е. крайнюю северо-восточную оконечность Азии, именуемую на современных картах «полуостровом Дауркина».

Едва ли какое-либо чувство общности в начале прошлого века объединяло науканцев с другими эскимосами Чукотки. От основных эскимосских центров вокруг мыса Чаплина – бухты Провидения Наукан отделяло расстояние в двести с лишним километров. Большая часть сети хозяйственных, торговых и

Карта племенной территории и старых поселков науканцев



социальных взаимосвязей науканцев была ориентирована на контакты через Берингов пролив. Вокруг них было много разноязыких племен: инуиты островов Диомида, Кинга и полуострова Сьюард, унгалякмииты и другие юпикоязычные группы в районе залива Нортон, к югу от Нома, а на азиатском берегу – оленные и приморские чукчи — уэленцы, инчоунцы, яндагайцы и др.

Особенно тесные и дружественные связи были у науканцев с жителями островов Диомида, несмотря на то, что языки их сильно отличались друг от друга. В генеалогиях отмечены давние брачные связи между этими группами, в то время как у старших поколений науканцев не было ни одного брака с чаплинцами, если не считать обменных браков. В устной традиции науканцев сохранилось много воспоминаний о регулярных поездках через острова на побережье п-ова Сьюард (Schweizer, Golovko 1995), а в более раннюю эпоху – о военных рейдах на американскую сторону вместе с союзными ополчениями из Уэлена и других чукотских поселков (Вдовин 1965; Меновщиков 1987). Такие же воспоминания о набегах науканских и чукотских воинов, а позднее – о торговых приездах в Наукан записаны у жителей американской стороны Берингова пролива (Kingston 2000; Sheppard 2009).

1. Ранняя история Наукана

До появления надежных археологических материалов с точными датировками с территории мыса Дежнёва мы можем судить о ранней истории науканцев лишь по косвенным источникам – легендам об их происхождении, реконструкциям древнего ареала науканского языка, фольклорным текстам и разрозненным письменным свидетельствам. Пусть и с большими пробелами, они в совокупности рисуют следующую картину.

Легенды о происхождении науканцев

Нам известна опубликованная легенда о происхождении науканцев, записанная в 1881 г. в Наукане американским натуралистом Эдвардом Нельсоном (Nelson 1898/1983:518). Поскольку она никогда не публиковалась по-русски, приведем ее полностью в нашем переводе:

«Один эскимос, живущий на Восточном мысу в Сибири (имеется в виду мыс Дежнёва, т.е. Наукан. – *Прим. авт.*), рассказал мне, что первые эскимосы, что жили на Восточном мысу, были мужчина и женщина, которые приплыли сюда на двух каяках с острова Св. Лаврентия. Когда эта пара высадилась (в Наукане), их каяки превратились в камни; и два камня (скалы) причудливой формы по обеим сторонам мыса называют остатками этих каяков. От этой пары людей произошли все сибирские эскимосы.

В те дни на Восточном мысу жили два типа людей, которые не понимали друг друга. Но спустя некоторое время другие люди ушли и остались только эскимосы (науканцы?), которые и живут по сей день».

Перед нами – типичное этногенетическое предание о происхождении группы людей от «первоначальной мифологической пары». Примечательны два

факта: что эта пара приплыла на каяках с острова Лаврентия (что предполагает большое и сложное путешествие) и что на мысе Дежнёва когда-то жили две группы людей со своими языками, но затем остались только эскимосы.

В 1987 г. одним из авторов (М. Членовым) от пожилого науканца Хульхугье (Гулък,уг,йи) была записана на русском языке другая легенда о происхождении Наукана и науканцев:

«Раньше там, где Наукан, жили одни только чукчи, оленеводы, эскимосов не было. Наукан первые основали *уналяк,ляг,мит* из Аляски — так по-эскимосски они называются. Две женщины-чукчи пошли собирать травы туда, где Наукан. Потом пришел туда один чукча и хотел их насиловать. Копье в землю воткнул и стал уже старшую раздевать. Тогда она младшей говорит: «Что же ты будешь так смотреть, как он будет со мной делать?» Та копье взяла и его заколола. Ну, думают, что делать? Обратно идти нельзя, убьют. Пошли на берег, там байдары стоят рядами. Это уналяк,ляг,мит приехали торговаться. Они, никому не сказав, в вельбот спрятались, шкурами накрылись и ушли с ними. Плывут — Ратманова проплыли, Элик тоже, Уэльс проплыли — плывут дальше. Приехали потом в Уналяк,ляк,, там только вышли на берег. Там они научились говорить по-эскимосски, вышли замуж. Стали у них рождаться дети, по 8 человек, мальчик — девочка, мальчик — девочка, так вот. Так жили там, потом дети выросли, они им стали говорить, чтобы поехать обратно. Сыновья построили им две байдары, и они поехали. Мужья их остались в Уналяк,лик,е. Вот так они приехали в Наукан. К себе не поехали, потому что эти женщины соблюдать стали веру, что ли, закон уналяккликский. Эти женщины поселились там в Наукане, вот там овраг разделяет поселок. Одна семья на одной стороне оврага, северной, это имтугмит. А на другой стороне — это ситк,унаг,мит. Эти женщины, они же чукчи были, вот давали детям чукотские имена. У нас много чукотских имен. А язык у нас, вы слышали, совсем особый, отдельный язык, науканский. В Нунямо, там хорошо слышно по радио Аляску. Я там слушал, у меня был хороший приемник. Там они передавали на нашем языке. Только у нас чукотские слова есть, а у них не было, там у них иногда какие-то чаплинские слова. А я чаплинский язык знаю, говорю на нем. Они говорили, чтобы объединиться со своими братьями, чтобы люди Севера объединились. Так у них язык почти такой, как наш, потому что у нас ведь язык уналяк,ляг,мит».

Известно, что в современном эскимосском поселке Уналаклит на Аляске сохраняется местный диалект, относящийся к языковой группе инупиак, однако еще в XIX в. там существовал центрально-юпикский диалект унгалик, вытесненный впоследствии. По некоторым данным, в двух поселках на южном берегу по-ва Сьюард, Головин и Элим еще недавно сохранялся и юпикский диалект унгалик, окруженный со всех сторон инупикским диалектом кавьярак. Видимо, именно его имел в виду Хульхугье, говоря о сходстве науканского и уналяклик-ского языков. Существуют исторические свидетельства, что еще в прошлом веке этот диалект был распространен по всему восточному и северо-восточному берегу залива Нортон от форта Сент-Майкл до бухты Головина. В середине XIX в. передвижение носителей инупикских диалектов малимиут и кавьярак разделило сплошной ареал унгалика на две части. Эта миграция, однако, была последней,

завершившей проникновение инупиков в район Берингова пролива. Ряд лингвистических аргументов, в их числе просодическая система юпик-языков, анализ субстратных явлений и т. д., убеждают в том, что в прошлом побережье района Берингова пролива было заселено только юпикоязычными эскимосами, в связи с чем аляскинский центральный юпик, представленный, в частности, диалектом унгалик, соединялся с науканским через цепь исчезнувших сейчас юпикских диалектов района Нома, Уэльса и островов Диомида.

Американский лингвист Майкл Краусс был первым, кто высказал предположение о существовании в прошлом вдоль всего северного побережья Берингова моря «цепочки» (кольца) языков группы юпик (Krauss 1980:9–11). По его мнению, это «юпикское кольцо» тянулось от Бристольского залива через территорию языка центральный юпик и родственных ему ныне исчезнувших диалектов на п-ов Сьюард и затем через острова Диомида и Кинг на Чукотку, где смыкалось с ареалом науканского языка. Последний далее соединялся с такой же цепочкой юпикских языков на побережье северо-восточной Азии, вплоть до о-ва Св. Лаврентия. Краусс ссылался на факт хорошего понимания современного науканского языка

Традиционное жилище в Наукане. А.С. Форштейн. 1929 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ И-115-37)

носителями аляскинского юпика (и обратно), на что еще ранее указывал российский лингвист Г.А. Меновщиков (1975). Об этом же свидетельствует и Хульхугье.

Гипотеза о «юпикском кольце» вокруг Берингова пролива хорошо объясняет древнюю географию и родственные связи различных юпикских языков и диалектов (ср. Krauss 1985; Woodbury 1984; Членов 1988). Но она не отвечает на вопрос, когда науканский юпик и сами науканцы появились на своей исторической родине. Ключ к этому, как мы считаем, лежит в исторической экологии

эскимосов Берингова пролива и самых ранних письменных свидетельствах об их расселении в XVIII в.

Экологические факторы ранней истории науканцев

Массив мыса Дежнёва от скал Йопынгу («наблюдательный пункт») на севере, на чукотском побережье у самого Уэлена и до мыса Макак, и скалы Энмытагны («конечная») на побережье Берингова моря поражает изобилием крутых скал, почти отвесно спускающихся к морю. Привычные для остального побережья Чукотки лагуны и галечные косы здесь отсутствуют; пляжные полосы немногочисленны и узки. Единственное место на всем массиве, где есть относительно широкая пляжная полоса, позволявшая хотя бы временно хранить на берегу байдары, находится в самом Наукане. Но и там поселок был расположен на высоком крутом уступе, возвышающемся на 30-40 метров над берегом моря. Два других крупных старых поселка на этой территории – Нунак (Нунак) и Мамрохпак (Мамрох,пак, Мамруах,пак) — располагались прямо в скалах. Пляжной полосы в Нунаке нет вообще, и причаливавшие здесь байдары должны были цепляться за прибрежные валуны. Тропа, идущая от моря к поселку, сразу же берет круто вверх, и в некоторых местах надо карабкаться на четвереньках, помогая себе руками. Сам поселок помещался на высоте 10-12 метров рядом с мощной каменной осыпью. Мамрохпак, судя по виду с моря, был столь же труднодоступен. Все это напоминает расположение эскимосского поселка на острове Кинг, известного по множеству исторических фотографий и личных воспоминаний (Senungetuk, Tiulana 1987).

Мы уже писали выше, что экологически массив мыса Дежнёва является прямым аналогом расположенных в проливе островов Диомида и Кинг (Членов 1988:71–72). Недаром ранние путешественники XVIII – начала XIX вв. называли его «четвертым островом» в Беринговом проливе или принимали за таковой. Обитатели этих островов, включая жителей массива мыса Дежнёва, имели сходную экономику с преобладанием охоты на крупных морских животных, моржей и китов и близким типом жилища с фундаментом и стенами из крупных валунов, покрытых моржовыми шкурами и дерном. Для «островного типа адаптации» были характерны активные торговые связи и длительные поездки к материковым жителям Чукотки и Аляски, у которых «островитяне» выменивали оленьи шкуры, мясо, пушнину, а также использовали их территории для сезонного лова лососевых, сбора съедобных растений и охоты на оленей-карибу (Членов 1988:72).

Следовательно, раннюю историю науканцев надо связывать с событиями, общими для судьбы всех носителей «островной адаптации», то есть для цепочки племен, которые населяли острова Берингова пролива, от залива Нортон до берегов Чукотки.

«Хронология» языков Берингова пролива

Ключевым для понимания ранней истории науканцев и их языка служит многократно обсуждавшийся отрывок из так называемой «рукописи Мерка», написанной немецким натуралистом, доктором Карлом Генрихом Мерком,

участником Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. под руководством И. Биллингса. Эта немецкая рукопись почти 180 лет хранилась в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге и была впервые полностью опубликована в русском переводе под названием «Описание обычаев и образа жизни чукчей» (Титова 1978). В рукописи Мерк описывает распространение четырех наречий (языков) «сидячих чукчей» вдоль побережья Чукотки, из которых третье наречие, которое Мерк называет Paekeiskoi, распространено, по его словам «...от стойбища Puuchta, которое лежит несколько севернее бухты Св. Лаврентия, до северо-восточного мыса, который они («чукчи» – *Прим. авт.*) называют Mengihenitken, но чаще по двум расположенным там стойбищам Nuchin и южнее его Реäekij».

Все авторы, которые анализировали рукопись Мерка (И.С. Вдовин, Б.О. Долгих, З.Д. Титова, М. Краусс; см. также наши публикации 1980-х гг.), однозначно связывали это «паекейское» наречие (или «панкейское» в другом прочтении) с науканским языком по названию мыса Пээк (Päek), юго-восточной оконечности массива мыса Дежнёва. Это имя, «пеэкский, пэеки», использовалось для обозначения науканского языка и самих науканцев еще в российской переписи 1897 г. (Гондатти 1898; Патканов 1912:897). Nuchin (Nu-u-chin), очевидно, искаженное чукотское название Наукана, Нуук,ан (Bogoras 1904:30; Меновщиков 1972:132; Krauss 2005:167). Менгихениткин мы ранее интерпретировали из чукотского языка как мейнги (большой) + х/кениткин (конец, оконечность), то есть «большая оконечность», что есть идеальное описание массива мыса Дежнёва (Chlenov 2006:78). Таким образом, мы получаем указание на территорию распространения науканского языка и названия двух поселков, где жили его носители в конце XVIII в.

Здесь же К. Мерк пишет (со слов информантов, которых он опрашивал в 1791 г. – см. Chlenov 2006:80–81): «...Наречие тех чукчей, которые живут на Северо-Восточном мысе, приближается к американскому наречию, являющемуся, собственно, наречием островитян пролива», – и далее перечисляет эти острова: Имаглин (Имаклик, то есть Большой Диомид), Ингелин (Ингалик, Элик, то есть Малый Диомид) и Окипен (то есть Увикок, о. Кинг (Титова 1978:99-100). На тождественность науканского, диомидовского и укивокского (о. Кинг) наречий указывает и бывший в этих местах в том же 1791 г. сотник Иван Кобелев, один из информантов Мерка: «Разговор (на острове «Укипан», т.е. Кинг. – *Прим. авт.*) таков же, как и на Имаглине (Большом Диомиде. –*Прим. авт.*) и у пеших чукоч, кои около Восточного мыса живут», то есть науканцев (Титова 1978:163). Возможно, что Кобелев застал на островах еще бытовавший там юпикский язык, близкий к науканскому, вскоре вытесненный инупиакским диалектом мыса Принца Уэльского.

В наших предшествующих работах (Арутюнов и др. 1982:155–157; Членов 1988; Chlenov 2006:88) мы сформулировали следующую хронологию появления различных языков группы юпик на северо-восточном побережье Азии. Носителей ныне угасшего сиреникского языка, по-видимому, можно рассматривать как наиболее древних эскимосских обитателей Чукотки. Появление на Чукотке юпикского языка, потомками которого являются юпикские диалекты юго-восточной Чукотки, о-ва Св. Лаврентия и ныне исчезнувший «уэленский» язык

рукописи К. Мерка, произошло не менее 1000 лет назад с возможной волной повторного распространения с о. Св. Лаврентия около середины текущего тысячелетия (Арутюнов и др. 1982:155).

На этом фоне науканский юпик смотрится как результат самой последней волны проникновения юпикских языков на Чукотку с Аляски, из района залива Нортон и п-ова Сьюард через острова Берингова пролива (Chlenov 2006:88). Его распространение на побережье Азии, однако, ограничилось скалистым массивом мыса Дежнёва, своего рода «третьим островом Диомида», как бы оторванным от своего изначального положения в Беринговом проливе и прикрепленным к побережью Азии. Попытки науканцев распространиться на азиатской стороне за пределами своего «скалистого» очага на мысе Дежнёва, о чем свидетельствуют следы науканской по происхождению топонимики как на восточном, так и северном побережьях Чукотки, очевидно, закончились неудачно. Их продвижение в другие районы закончилось либо их вытеснением, либо ассимиляцией чаплиноязычными эскимосами, или чукчами (Членов 1988:74).

Байдарные сушила из челюстей кита в Наукане. А.С. Форштейн. 1929 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ И-115-87)

«Память о войне»

Фактором, который мог ограничить распространение науканского языка на Чукотке, как и вызвать само переселение науканцев на азиатскую сторону Берингова пролива, были постоянные военные конфликты между древними племенами. Фольклор науканцев и других коренных народов Чукотки наполнен преданиями о вооруженных столкновениях, военных набегах, то есть «памятью о войне» (Головко, Швайцер 2005), которая была постоянным фактором жизни эскимосского общества (Krupnik, Chlenov 2013:210–213).

Известное науканское предание о «ките, женщиной рожденном» повествует о кровавой вражде между жителями поселков Нунак и Мамрохпак, после того как жители Мамрохпака убили кита, которого нунакцы считали своим «родственником» (Меновщиков 1987:2—21; 27). Еще более примечательно науканское предание Суг,ук (Нашествие), в котором в подробностях описывается вторжение большого отряда воинов на территорию науканцев, их сражения с ее защитниками, забаррикадировавшимися в «крепостях» (наук. умку, умкы) вдоль побережья массива мыса Дежнёва – в Санлюке, Наукане и Нунаке (Меновщиков 1987:166–170). Вторжение закончилось разгромом жителей Уэлена и Санлюка, но защитники Наукана и Нунака смогли отбить нападение.

В фольклоре науканцев и их традиционной топонимике сохранилась память о серии таких «крепостей» или укрытий, выстроенных из крупных валунов на крутых, скалистых утесах (с севера на юг): Санлук, Мамрохпак (Мамруахпак), Уйайаг,вик (название крепости в самом Наукане на сопке над поселком – (Меновщиков 1987:171–172), Уйаг,ак и Нунак (карта). Не исключено, что стремление науканцев закрепиться на неприступных скалах вдоль мыса Дежнёва объяснялось удобствами строительства крепостей и защиты от постоянных набегов. Такие же древние «крепости» известны на островах Диомида и Кинга, на о-ве Св. Лаврентия, вокруг Унгазика на мысе Чаплина и в других береговых пунктах Чукотки (Арутюнов и др. 1982; Нефедкин 2003; Krupnik 2005).

Исторические источники: XVII – конец XIX вв.

Самым ранним письменным источником о заселении массива мыса Дежнёва служит знаменитая «отписка» (рапорт) Семёна Дежнёва о его плавании 1648 г. вокруг северо-восточной оконечности Азии и мыса, который официально был назван в его честь 250 лет спустя. В коротком тексте, записанном около 1654 г. и опубликованном через 200 лет, Дежнёв пишет:

«А с Ковымы реки итти морем на Онандирь (Анадырь. – *Прим. авт.*) реку и есть Нос, вышел в море далеко... а против того Носу есть два острова. А на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы кость рыбей зуб. А лежит тот Нос промеж сивер на полуношник, а с рускую сторону Носа признака вышла: речка, становье тут у чухоч делано, что башня ис кости китовой, и Нос поворотит круто к Онандыре реке под лето».

В рапорте Дежнёва примечательно, что он заметил два острова напротив «Носа» (мыса), то есть острова Диомида в центре Берингова пролива, и даже указал, что их жители вставляют в губы украшения из моржовой кости (лабретки). На самом мысу, вернее на его «русской» (южной?) стороне, Дежнёв отметил речку и «становье» (поселение) с башней из китовых костей. Единственная крупная речка на массиве мыса Дежнёва – это река Куик в самом Наукане (см. ниже). «Башня из китовых костей», вероятнее всего, означает вертикальные столбы-сушила из китовых челюстей, вроде тех, что стояли в Наукане в начале XX в. и сохранились до настоящего времени. Таким образом, Дежнёв подтвердил существование поселения в Наукане в середине XVII в.

Самый ранний исторический источник, где приведены названия трех важнейших поселков на территории науканцев, в том числе Наукана, – карта, составленная Николаем Дауркиным по результатам его путешествия по Чукотскому п-ову в 1764 г. (Атлас 1964: 131). На ней Даркин последовательно приводит чукотские названия эскимосских поселков Чукотки, включая трех в районе мыса Дежнёва: Нунегнин, Нухен и Мемрахпын (Nunegnin, Nukhen, Memrakhpen). В них без труда опознаются чукотские варианты знакомых нам названий Нунак, Нувукак и Мамрохпак.

Через 15 лет, в 1779 г., этим же маршрутом проехал сотник Иван Кобелев, по донесению которого была составлена другая карта. На ней на той же территории обозначены два названия: Nuenein и Nuchan (Атлас 1964:174), то есть Нунак (по-чукотски Нунегнин) и Нухан/Нукан (по-чукотски Нуукан). Отсутствие на карте Кобелева Мамрохпака трудно объяснить, поскольку этот поселок согласно составленным нами генеалогиям был обитаем до середины XIX в. Немецкие путешественники братья Артур и Аурель Краузе (Krause 1993) прошли летом 1881 г. на небольшой лодке от Уэлена вокруг мыса Дежнёва вплоть до бухты Провидения. Они отметили на своей карте большой поселок Nuokan (Наукан) с 50 домами, остатки заброшенных жилищ на месте Мамрохпака, но не заметили признаков жилья в Санлуке (Сенлюне) и других старых селениях-крепостях. Нунак согласно генеалогиям и преданиям науканцев был обитаем вплоть до конца XIX в. В списке эскимосских поселков Чукотки В.Г. Богораза на 1901 г. (Bogoras 1904:30) отмечено селение Энмитагын («конец скал») на южной стороне массива мыса Дежнёва с шестью домами. Согласно Богоразу его жители были науканскими эскимосами. Поскольку Богораз не был на мысе Дежнёва, возможно, он записал из вторых рук сведения о существовании «второго» поселка науканцев южнее их главного центра. История Нунака, по всей видимости, закончилась на рубеже XX в., когда его последние обитатели переселились в Наукан (см. ниже).

2. Наукан и науканцы (1890–1950) – взгляд этнографа

Прошлую жизнь человеческой группы (сообщества) можно описывать с разных позиций. Можно делать это, опираясь на письменные источники, и тогда она предстанет чередой официальных событий, дат, административных решений и протоколов колхозных собраний (Советы 1979). Можно попытаться восстановить ее по воспоминаниям современников (Леонова 2014), и тогда на первый план выйдут повседневные занятия и заботы людей, яркие события, вроде охоты на китов, приездов гостей или общинных праздников. Наконец, эту жизнь можно увидеть глазами этнографов (социальных антропологов), у которых для того есть свои единицы измерения.

Чтобы описать, как был организован поселок Наукан и община науканских эскимосов в конце XIX и первой половине XX вв. то есть на памяти старейшин 1970-х гг., с позиций этнографов, требуются как минимум три термина, которые мы ввели в наших ранних публикациях (см. Членов 1973; Крупник, Членов 1979; Членов, Крупник 1983; Krupnik, Chlenov 2013): «племя», «клан» и «клановый квартал».

Племя – в XIX и начале XX вв. (и, несомненно, ранее) азиатские эскимосы-юпик разделялись на несколько племен численностью от 150 до 500 человек со своими племенными территориями. Для нашей темы важно, что науканцы составляли особое племя нувук,ах,миит, со своей территорией и языком (науканский юпик).

Клан (от английского слова clan; по-русски обычно переводится словом «род», что не совсем то же) – это большое объединение людей, которые ощущают себя родственниками, но часто не могут проследить реальные родственные связи. Кланы у азиатских эскимосов имели собственные названия и обычно возводили свою историю к старым, заброшенным поселкам или определенным участкам своего исторического расселения в материнском поселке (см. ниже). Каждое племя имело свой набор кланов.

Клановый квартал – участок территории внутри поселка, на котором преимущественно (но не исключительно) селились члены клана. Существование в прошлом клановых кварталов было зафиксировано нами во всех крупных поселках азиатских эскимосов (Krupnik, Chlenov 2013:127–131). В большинстве случаев кварталы имели собственные названия. В некоторых поселках, особенно в Наукане (см. ниже), «ядром» и символом клана была большая общинная землянка, где когда-то жили (собирались?) члены клана. Уже в конце XIX в. эти общинные землянки (наук. кайги) были оставлены на Чукотке, но память о них сохранялась.

Важно, что кланы были разного размера: многочисленные, то есть «сильные», и малочисленные («слабые»). «Сильный» клан включал много мужчин, которые объединялись в группы по пять–восемь человек для совместной охоты на большой кожаной лодке или деревянном вельботе. В «слабом» клане было мало мужчин, и потому его члены должны были объединяться с другими группами для совместной охоты.

Объединение науканцев

В течение второй половины XIX в. жители небольших поселков вдоль скалистого массива мыса Дежнёва постепенно собрались в своем главном селении – Нувукаке-Наукане (на языке чаплинских эскимосов Нывук,ак,). Прежде враждовавшие небольшие общины окончательно слились в одно племя, известное под именем нувукахмит (нувук,ах,мит), или по-русски «науканцев». До середины XX в. науканцы оставались компактной этнической группой, судьба которой была связана с ее единственным поселком. Прежняя племенная территория вокруг мыса Дежнёва от Санлувика на севере до мыса Макак, на юге – с начала 1930-х гг. превратилась в угодья науканского колхоза «Ленинский путь», и ее границы оставались неизменными вплоть до закрытия Наукана в 1958 г.

В 1895 г. Н. Гондатти насчитал в Наукане 50 домов, условно 299 жителей (Патканов 1912:893). С того момента и вплоть до закрытия поселка в 1958 г. население Наукана колебалось в пределах 320–350 человек (Крупник 1983:86–87) без заметных сокращений и увеличений численности. Таким же был размер племени нувукахмит, в состав которого в то время вошли две семьи яндагайских чукчей (шаман Нунегнилян) и несколько женщин с островов Диомида, вышедших замуж за науканцев. Никаких переселенцев из южных эскимосских поселков (Чаплино, Авана, Сиреников) в Наукане не было до 1950-х гг.

Науканские эскимосы в Номе (с открытки начала 1900-х гг.). Коллекция С. Лоринга

В период 1880–1940 гг. Наукан был самым крупным населенным пунктом северо-восточной Чукотки и вторым после Унгазика (Чаплино) аборигенным поселением на северо-востоке Азии. Своим ростом, как и Унгазик, он был обязан расцвету аборигенной морской охоты и торговли. Обитатели скалистого мыса Дежнёва извлекали немалую выгоду из удобного расположения своего поселка. Дважды в год через горловину Берингова пролива проходят мигрирующие стада моржей и гренландских китов. Поэтому в Науканe издавна был развит морской промысел. В начале XX в. его жители ежегодно добывали одного-двух гренландских китов (Krupnik 1987), ус которых давал ценную товарную продукцию. Сбыт китового уса, моржовых клыков, готовых меховых изделий, а также некоторого количества пушнины и сувениров обеспечивали науканцев сырьем для обмена с торговцами и китобоями. Судя по остаткам старого кладбища в Науканe, иностранные фабричные товары вошли в их повседневную жизнь довольно давно. Они поступали с приходящих судов, а в более позднее время также с Уэленской фактории или приобретались во время регулярных поездок самих науканцев в Ном.

Взаимоотношения Наукана и Уэлена

В конце XIX в. центр торговых контактов на азиатской стороне Берингова пролива стал сдвигаться из Наукана в расположенный на берегу Чукотского моря поселок Уэлен, который обладал безопасной гаванью и рейдовой стоянкой. Именно на Уэлен стали ориентироваться американские китобои, торговцы, а позднее – представители русской администрации и торговые агенты.

Прекращение коммерческого китобойного промысла около 1910 г. не стало для науканцев столь драматическим событием, как для чаплинцев (Krupnik, Chlenov 2013:6-9; Членов, Крупник 2012). Сказалась близость Наукана к маршрутам американских торговых шхун через Берингов пролив, и

относительная доступность для самих науканцев торговых центров на полуострове Сьюард, прежде всего в Номе. Но главную роль сыграло появление нескольких русских и иностранных торговых факторий (Чарли Карпентера, Хаджимета Газдарова, братьев Караевых и др.) в соседнем Уэлене между 1900 и 1920 гг. Науканцы также взяли на себя роль торговых посредников в связях с аляскинской стороной, используя свои давние родственные и партнерские связи с диомидовскими и американскими эскимосами.

По историческим фотографиям и отзывам всех, кто побывал в Наукане в 1920-е и 1930-е гг., это был экономически преуспевающий поселок. С началом 1920-х гг. неожиданным преимуществом Наукана стала известная неподконтрольность передвижений по сравнению с Уэленом, где с начала XX в. обосновались представители русской, затем советской администрации. Хотя Наукан отделяют от Уэлена всего 18 км, этот путь по суше пролегает по труднопроходимой местности. Каботажные плавания из Уэлена в Наукан также не могли быть регулярными, учитывая неустойчивость погоды в Беринговом проливе. Кажущаяся близость Наукана к Уэлену при реальной трудности сообщений между ними благоприятствовала Наукану. В хорошую погоду судам было удобнее встать на рейде в Наукане, чем отправляться в Уэлен и подвергаться опасности инспекторской проверки представителями советской администрации.

О том, что советские пограничники в 1920-е гг. относились крайне жестко как к иностранным визитерам, так и местным торговцам, повествует датский путешественник Кнуд Расмуссен (Rasmussen 1927:366-370). Направляясь в 1924 г. в Наукан, он был вынужден высадиться в Дежнёве, где находился советский

Науканские эскимосы Тлюаун и Кергитагин. А.С. Форштейн. 1929 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ И-115-26)

пограничный пост, был там арестован и затем отправлен под конвоем в Уэлен. Проведя день в Уэлене, он был выслан назад в Ном без права посетить Наукан. Если бы американский шкипер высадил Расмуссена в Наукане или он прибыл бы туда на вельботе с Малого Диомида, этого бы не случилось. И лишь укрепление советской администрации в Уэлене, тогдашнем центре Чукотского района, окончательно связали судьбу науканцев с остальной Чукоткой.

Социальная «топография» Наукана

На памяти старейшин, родившихся в конце XIX или начале прошлого века, поселок Наукан состоял из двух больших частей, то есть имел дуальную территориальную структуру, привязанную к его естественной топографии. Глубокий овраг, прорезанный речкой Куик, разделял территорию поселка на две примерно равные половины – южную и северную. Но это деление было чисто пространственным: половины поселка обозначались только относительно друг друга – «та» и «эта» сторона. Соответственно назывались и их жители: акилыгмит (акилыг,миит) – «живущие на южной стороне» – и ахкугмит (ахкуг,миит) – «живущие на той (северной) стороне» (Краусс 2004:343).

Каждая из половин поселка состояла из территорий отдельных кланов (клановых кварталов). Существование таких «клановых кварталов» в Наукане в первой половине XX в. подтверждается двумя планами поселка с реальным расположением домов (яранг). Один был составлен нами по опросам старейшин в 1970-е гг. по списку глав семей в 1937 г. (Материалы 1938); второй был сделан Т.С. Теиным (1977), вероятно, по памяти для ситуации около 1950 г.

На сегодня известно 10-12 разных списков названий науканских кланов («родов»). Это неудивительно: авторы часто записывали все слова, относящиеся к группам людей в поселке, включая имена давно угасших кланов из фольклорных текстов, названия жителей отдельных участков в Наукане и т.п. Очевидно, что социальная и территориальная структура поселка и племени науканцев со временем изменялась. Кланы меняли численность, угасали; старые имена стирались из памяти. Та же картина наблюдалась в других крупных племенах азиатских эскимосов – среди чаплинцев (ун,азиг,миит), жителей о-ва Св. Лаврентия (сивукаг,миит) и др.

Поэтому правильнее говорить об «исторических» и «генеалогических» кланах. От первых остались только имена в легендах или фольклорных текстах, так что порой невозможно определить, где жили, откуда произошли и куда делись относившиеся к ним люди. Напротив, «генеалогические» кланы – это те, с которыми старейшины 1970-х гг. идентифицировали себя и своих соплеменников. У таких кланов были реальные родословные, имена входивших в них семей, участки расселения на территории поселка.

По составленным нами родословным, в первые десятилетия XX в. в Наукане было десять «генеалогических» кланов, плюс сохранялась память о нескольких уже исчезнувших «исторических» кланах. На «южной» стороне жили большие кланы маюрэгмит (майуг,йаг,миит) и кыпынгугмит (кыпынн,уг,миит), исторически связанные с Нунаком. Здесь же находились участки еще двух кланов, которые по традиции были известны как «коренные наукан-

ские»: ситкунагмит (ситк,унаг,миит) и тугрaгмит (тугрaгмиит). Хотя ситкунагмит считались «коренным» кланом, нам удалось записать воспоминания о происхождении их предков из района Мечигменского залива, от так называемых масиг,миит. Это объясняет раннее появление ситкунагмит в Наукане (вероятно в XVIII в.) и их поселение на южной (обращенной к югу) стороне поселка.

Бывшие переселенцы из Мамрохпака – кланы мамрохпагмит (мамруах,паг,-миит) и кыкогмит (кыкуаг,миит) – обосновались на северной стороне. Рядом, тоже на северной стороне был участок клана имтугмит (имтугмиит); они считались «первооснователями» поселка и соответственно «хозяевами» науканской земли. На северной стороне находился и участок небольшого клана уярагмит (уйаг,агмиит), который тоже считался «местным», но мог происходить либо с мыса Пээк (наук. Уйаг,аак), либо из другого места севернее Наукана (Краусс 2004:339). По генеалогиям прослеживаются отдельные люди, относившиеся к вымершему к началу XX в. клану сагрaгмит (сагрaгмиит), но его размещение на территории поселка осталось неизвестным.

В этой системе неясно лишь положение клана нунагмит (нунагмиит), которых науканские старейшины обычно называли в составе своего племени. Все, кто известен в рассказах и генеалогиях под этим названием, были потомками последних жителей Нунака, переселившихся в Наукан в конце XIX в. Эта небольшая группа из 3–4 семей, видимо, прочно сохраняла память о своем селении и подчеркивала свое отличие от остальных науканцев. Обособленность нунакцев сохранилась в памяти нувукахмит; вспоминались также близкие отношения нунагмит с имакликскими эскимосами, например, в рассказе о последнем жителе Нунака Юпыни, который умер в Наукане в 1929 г.:

Юпыни был женат первым браком на ратмановской эскимоске Урияк. «На лето из Имаклика в Нунак приехал вельбот тренироваться в танцах, и в нем была Урияк. Он ее себе оставил. Хотя он был патриот Нунака и мог бы найти себе какую-нибудь из своего рода, он женился на ней. Привык во всем выделяться». После смерти Урияк Юпыни взял себе вторую жену, уже в Нунаке, Йилянгу. «Йилянга жила в Нунаке. Переехала в Наукан, стала маюрэгми. С Юпыни они ездили туда-сюда, жили и в Наукане, и в Нунаке...

Эскимосы нунагмитские очень любили чукчей... Они по-науканski говорили хорошо, но некоторые слова произносить не умели и тогда говорили по-чукотски. Когда переехали в Наукан, то стали считать себя науканцами, но, подвыпивши, всегда кричали, что они нунагмит. Раньше, когда Нунак был, они не называли себя науканцами».

(Альпын 1976 – запись М. Членова.)

Потомки этих последних нунакцев поселились в Наукане на южной стороне среди своих свойственников из других кланов. В 1930-е гг. часть их переселилась на о. Ратманова (см. ниже). Очевидно, как самые поздние поселенцы, нунагмит не успели образовать свой клан внутри нувукахмит со своим участком-«кварталом» в поселке, но также не слились с кланами маюрэгмит или кыпынгугмит, составленными из ранних жителей Нунака.

Численность кланов

Сведения о численности кланов и их соотношении в поселке можно получить по материалам обследования 1937 г., где имеется список имен глав 64 семей в Наукане (Материалы 1938). В 1975–1976 гг. по нашей просьбе несколько старейшин назвали кланы глав семей. Суммируя эти данные, которые мы сверили с составленными нами генеалогическими таблицами (родословными), можно сказать, что самыми большими («сильными») по численности были кланы маюрэгмит (15 семей, около 80 человек), ситкунагмит (10 семей, 55 человек) и мамрохпагмит (10 семей, 55 человек). Кланы имтугмит (8 семей, 40 человек), уярагмит (6 семей, 30 человек) и тугрaгмит (5 семей, 20 человек) были средними по размеру, а самыми маленькими были кланы кыкогмит, кыпынгугмит и нунагмит (по 3-4 семьи, 15–20 человек).

Можно определить численность кланов другим способом – по числу выставляемых ими промысловых бригад. По рассказам старейшин, около 1930 г. в Наукане было 15–17 бригад и примерно 90–100 мужчин-охотников (из 350 жителей поселка). Четыре полные бригады выходили из самого крупного клана маюрэгмит, что дает цифру в 20-25 мужчин-охотников или около 80–100 человек всех членов клана. Очевидно, с ними же охотились члены клана нунагмит. По три бригады давали кланы ситкунагмит и мамрохпагмит, что предполагает как минимум 12–15 мужчин (всего 50–60 человек). По две неполные бригады (8–10 охотников) могли выставить более мелкие кланы: уярагмит и имтугмит, которых насчитывалось примерно по 40-50 человек в каждом. Одну полную бригаду давали тугрaгмит, имевшие 6-8 охотников (30–40 человек). Наконец, малочисленные кыпынгугмит (4 охотника, 20 человек), хотя и имели свой вельбот, уже не могли сами вести промысел. После смерти в 1934 г. их бригадира Каюна оставшиеся мужчины-кыпынгугмит разошлись по чужим бригадам. Вероятно, столь же маленьким был клан кыкогмит, у которого не было своей бригады. Как видно, эти подсчеты размеров кланов в 1920–1930-е гг. близко совпадают.

К концу 1930-х гг. число охотников в Наукане сократилось до 80–85 человек; они составляли 9 колхозных бригад, по сведению Хульхугье смешанные по клановому составу (Крупник 2000:221). Еще одна науканская бригада охотилась в поселке Имаклик на о. Ратманова (см. ниже).

Историческое происхождение науканских кланов («родов»)

Организующей силой клана является его связь с конкретной территорией – внутри центрального поселка или за его пределами. Предполагается, что клан сохраняет память о своей «родине» – территории, где жили его члены до переселения в главный поселок племени. Память об этой «древней территории» часто закреплена в имени клана, оформленном локальным суффиксом -миит. Одновременно с этим за кланом закреплялось место в центральном поселке племени. Часто имя клана образовывалось по имени холма или другой части местного рельефа. Но нередко имя давалось по названию одной из древних землянок центрального поселка, которая тогда становилась символом клана – местом жительства предков. Поэтому многие кланы в Наукане имели разные типы названий, отражавших эти разные линии территориальной идентификации.

Остатки последней общинной землянки в Наукане. А.С. Форштейн. 1929 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ И-115-58)

Например, кланы мамрохпагмит и кыкогмит на северной стороне считались родственными, «близкими». Первое название, очевидно, восходит к поселку Мамрохпак, откуда члены клана переселились в Наукан (см. выше). Второе название образовано от имени большой землянки (наук. кайги) Кыкок, Кыкуак, стоявшей на принадлежавшем клану участке в Наукане, выше территории «коренного» клана имтугмит. Можно представить ход событий следующим образом. Жители Мамрохпака переселялись в Наукан не единовременно, а постепенно. Первые из них обосновались здесь, когда азиатские эскимосы еще жили в землянках, то есть до начала – середины XIX века. Эта первая группа поселилась на участке Кыкок, откуда пошло название большой землянки, а потом и всего клана. Более поздние переселенцы могли жить в семейных ярангах и не присоединяться к землянке своих сородичей. Поэтому их не называли ‘кыкогмит’, а звали ‘мамрохпагмит’ («люди из Мамрохпака»). Позднее это различие сгладилось, и многие старейшины в 1970-е гг. часто давали разные названия одной и той же группе.

Похоже, видимо, развивались события и на южной стороне Наукана. Ранние переселенцы в Наукан из Нунака или других поселков с южной стороны построили там две большие землянки – Кыпынгук (Кыпынн,уг,) и Алихпак (Алих,пак), по именам которых стали называться кланы «кыпынгугмит» и «алихпагмит» (алих,пагмиит). Эти последние известны уже только по преданиям и фольклорным текстам (Меновщиков 1987: 38–55), но никаких имен людей из клана алихпагмит к середнине XX в. уже не помнили. Очевидно, этот клан угас в XIX в. Более поздние пришельцы из Нунака, жившие в односемейных наземных жилищах, заселили участок Майуг,йак, (от наук. майуг,- подниматься, взбираться вверх) и стали называться маюрэгмит (‘живущие в Майюгьяке,). Наконец, самые поздние жители Нунака так полностью и не вписались в структуру племени нувукахмит и остались со своим старым именем «нунагмит».

Принадлежность к клану

В 1970-е гг. мы составили подробные генеалогические таблицы практически для всех азиатских эскимосов, которые охватывали время от конца XIX в. до современности. Родственные связи в этих таблицах (родословных) были сгруппированы по патрилинейному признаку в большие многопоколенные семьи, поскольку филиация по отцу у азиатских эскимосов была повсеместно преобладающей. Но были случаи, когда клановая принадлежность тех или иных людей оказывалась неясной – например, когда биологический или социальный отец ребенка был неизвестен и ребенок включался в клан матери или своих приемных родителей.

Интересно, что среди науканцев число таких «неясных» случаев клановой принадлежности было больше, чем у всех других групп азиатских эскимосов вместе взятых. На наших глазах науканские старейшины горячо спорили о том, к какому клану принадлежал тот или иной человек. Показателен следующий рассказ:

Эскимос Кайкатегин. А.С. Форштейн. 1929 г. (МАЭ И-115-21)

«Кайкатегын был сам по себе (по клану. – *Прим. авт.*) маюрэгми, но остался сиротой, и его взял на воспитание Рельтын, кыпынгугми. Но сам Кайкатегын себя считал маюрэгми по матери Гуальнгагун. А отец его, Маматингак, был кыпынгугми, но жил среди маюрэгмит и называл себя маюрэгми... Кайкатегын считал себя в равной степени (! – *Прим. авт.*) и кыпынгугми, и маюрэгми. Чтобы не обижать Рельтына, он говорил, что он кыпынгугми, а наедине с собой считал маюрэгми... Здесь надо было знать, в каких отношениях находились роды между собой. Если враждовали, то дети выбирали тот род, кого больше любили».

(Альпын 1976 – запись М. Членова.)

Приключения Кайкатегына на этом не окончились:

«Кайкатегын входил в бригаду ситкунагмит. Туда его вовлек Кергытагын. Кайкатегын был ему зять. До того как он женился на его сестре Етнгеун, он охотился с Ыйаиным, маюрэгми. Но оттого что он перешел в бригаду ситкунагмит, не значит, что он сам стал ситкунагми».

(Альпын 1976 – запись М. Членова.)

Эту позицию не разделила другая, не менее сведущая информантка :

«Когда Кайкатегын женился, то стал с ними ездить на вельботе, с ситкунагмит. И, конечно, сам тоже стал считаться ситкунагми».

(Имаклик 1976 – запись М. Членова.)

Такая неясность клановой принадлежности одного человека – неординарное явление, даже для науканцев. При этом большинство старейшин все же настаивало на том, что принадлежность к клану всегда определялась по отцу, хотя из этого правила явно были исключения. Показателен диалог со старой науканкой:

« – Как раньше считалось, если отец маюрэгми, а мать ситкунагми, кто дети будут ?

– По отцу считается.

– Бывает так, чтобы по матери род брали?

– Если отец умер, то звали по матери».

(Имаклик 1976 – запись М. Членова.)

Высказывание такого рода было бы невозможным в устах чаплинцев или других южных эскимосов, не допускавших мысли о возможности «выбора» клана.

Создается впечатление, что филиация у науканцев была не унилинейной (т.е. по одной линии), а амбилинейной, то есть принадлежность к какой-либо группе могла прослеживаться как по отцовской, так и по материнской линиям. Приведем цитату из беседы с пожилой науканкой Альпын:

«Раньше выбирали род, когда были молодыми, в четырнадцать-пятнадцать лет. Выбирали сами юноши и девушки, когда они могли понять, кто лучше, а кто хуже из родителей. Я сама уважала свою мать и могла бы быть по ней нунагми. Но отец был очень добрый, человечный, и ему это было бы обидно. Поэтому я выбрала уярагмит. Очень уважала отца, не могла себе позволить взглянуть на него даже... В семьях, где соблюдали запреты, где было невежество, детям вообще не говорили, кто они... И там вырастали люди, не знавшие, к какому роду они относятся. Но в селе всегда были старые люди, которые знали, куда кого отнести. Например, Етын, Аминак или другие. Специально такого объявления не делалось, так как молодые этим обычно не интересовались. Это им было неприлично. А старик какой-нибудь мог спросить вдруг: кем ты хочешь быть? И если человек сам не выбрал род, то ему старики определяли».

(Альпын 1976 – запись М. Членова.)

Немалую роль играл, видимо, и выбор места, где селился молодой человек, после того как ставил свою первую ярангу.

«Отыгыргын остался нунагми, потому что он не поселился со всеми прочими маюрэгмит, а жил отдельно на другой, правой стороне Наукана. Поселился там первым Тахтак, его отец. Поставили они там ынлю, маленькую землянку из дерева. Туда Тахтак поехал, чтобы жить рядом с Гухонгой, своей сестрой. Она вышла замуж за мамрохпагми и жила там, где они. Не стал Отыгыргын маюрэгми, потому что крепко помнил отца».

(Альпын 1976 – запись М. Членова.)

У этой же рассказчицы мы спросили, должен ли был человек в случае перемены или выбора «рода» поставить свою ярангу с теми, кого он выбрал, или же мог оставаться на старом месте. На это последовал следующий ответ:

«Необязательно было переселяться к тем, кого выбирал. Так вот получилось

с Киугьен. Она чистая ситкунагми, но жила с мужем среди уярагмит. Жила и после смерти мужа, и ее никто не гнал. А если бы ее сын Боря выбрал ситкунагмит по матери, то к нему бы отнеслись так, что он не пожалел отца. Выбор зависел от воспитания матери, какое она привьет отношение к отцу, к его роду. Если бы Киугьен воспитывала сына как ситкунагми, то уярагмит их выжили бы, и они вынуждены были бы переехать в Ситкунак... Но Киугьен симпатизировала уярагмит. Они были бедные, но достойные. Она же из богатого рода вышла за бедного уярагми. Боря рос в духе почитания отца. Он никогда бы не согласился охотиться с ситкунагмит, он их вообще не любил, не приглашал, мало разговаривал».

(Альпын 1976 – запись М. Членова.)

Но то, что Альпын называла «почитанием отца» или «достойным материнским воспитанием», сути не меняло: обычно науканцы наследовали клан по отцу. И все же такого строгого установления в их социальном кодексе не было. Мы уже писали выше, что лингвистически и социально Наукан был как бы «промежуточным звеном» между южными чаплиноязычными эскимосами и своими родственниками, аляскинскими юпиками на Американском континенте. То, что нам удалось записать о традиционной социальной организации науканцев, рисует структуры, похожие на чаплинские патрилинейные кланы, но одновременно с элементами социальных систем аляскинских эскимосов, с их билинейными группами и общинными мужскими домами. Поэтому исключить влияния аляскинских эскимосов на науканцев никак нельзя.

Науканское «заселение» Большого Диомида: 1935–1948

Единственное расширение науканской земли в первой половине XX в. происходило на восток, в сторону моря. Здесь науканцы закрепили свои давние исторические связи с островом Большой Диомид (Ратманова, Имаак,лъик,) фактически созданием здесь своего поселения. Скорее всего, первые науканские семьи, особенно жители Нунака, могли селиться здесь и до XX в. Но в описываемое нами время остров стал фактически, а затем и административно частью науканской территории.

Причиной этого стал массовый выезд исконных жителей Большого Диомида на соседний американский остров Крузенштерна (Малый Диомид, Ингалик, Элик). К концу XIX в. население обоих островов резко сократилось в результате эпидемий и миграции жителей в поселки континентальной части Аляски (Krupnik 1994). На острове Ратманова (Большом Диомиде) оставалось 97 человек. в двух поселках – Имаклик и Кунга (Кугнэн – Патканов 1912:130), а на острове Крузенштерна (Малом Диомиде) – 85 человек (Ray 1983:209). Ни один из поселков не мог существовать как устойчивая община и имел шанс выжить, только увеличив свое население за счет принятия новых членов.

Более счастливым в этом смысле оказалось поселение на американском острове, которое смогло восстановиться за счет мигрантов с Большого Диомида. Кун,амит, «люди из Кунги», первыми переселились на соседний остров, где составили заметную часть его населения (Krupnik 1994). Произошло это, очевидно, между 1905 и 1915 гг.

С уходом жителей Кунги все население Большого Диомида осталось в поселке Имаклик (Имаак,лъик,) на южном берегу острова. Два события сыграли решающую роль в его дальнейшей судьбе: открытие школы на американском острове около 1915 г. и установление советского административного и пограничного контроля на Чукотке после 1924 г. Уже в 1923 г. на Большом Диомиде осталось только 42 человека (Материалы по статистике 1925, XXVIII); все дети учились в американской школе на соседнем острове. Попытки советских властей ограничить торговлю с американскими шхунами привели к переезду новых семей на Малый Диомид. В результате население советского острова сократилось до 15 человек, а американского выросло до 130 человек.

На Большом Диомиде остались только две полные семьи, одну из которых возглавлял коренной житель острова по имени Агаегык. К концу 1930-х гг. население о. Ратманова вновь возросло до 5-7 семей (25–30 человек), из которых три были образованы взрослыми дочерями Агаегыка и их науканскими мужьями. Заметная группа науканцев появилась на острове после 1937 или 1938 г., в основном члены клана нунагмит. Но в 1940 г. самостоятельный Диомидовский сельский совет был ликвидирован и территория о. Ратманова официально вошла в состав Науканского сельсовета. К тому времени на острове численно преобладали науканцы, и все значимые социальные роли в поселке Имаклик – продавца, учителя, бригадира, охотников – были заняты ими. Науканские мужчины составили единственную бригаду, которая вела промысел вместе с охотниками науканского колхоза «Ленинский путь».

Науканское поселение на о. Ратманова просуществовало 10–12 лет. В 1948 г., когда на советско-американской границе в Беринговом проливе началась «холодная война», и были прекращены поездки эскимосов к своим родственникам (Krauss 1994), жители эскимосского поселка на южной стороне острова были вывезены в Наукан. С этого времени его единственными обитателями остались советские пограничники и метеорологи. Горстка бывших диомидовцев рассеялась среди науканцев и вместе с ними прошла их трагический путь, отмеченный двумя последующими переселениями 1958 и 1977 гг. (см. ниже). В настоящее время на Чукотке живы несколько человек, помнящих о науканском поселении на острове Ратманова. Но сейчас там остались лишь каменные кладки от фундаментов эскимосских домов и заброшенное кладбище на сопке над поселком.

3. Прощание с Науканом: 1953–1958

Все жители Чукотки, чьи родные поселки были закрыты и кто был переселен в сложные десятилетия 1950–1960-х гг., пережили расставание с родными местами очень тяжело. Но история Наукана даже на этом фоне примечательна. Антрополог Борис Шишло назвал ликвидацию Наукана в 1958 г. «концом народа» (Chichlo 1981). Закрытие поселка затронуло в этом случае не просто группу односельчан, но фактически целый маленький народ, упорно сохранявший свою этническую, языковую и культурную независимость.

В ностальгических воспоминаниях его бывших жителей Наукан представлялся особым миром. Здесь жили смелые и гордые люди, преданные своим

обычаям и языку (Леонова 2008; 2014; Писигин 2001; Теплилик и др. 2008) и сопротивлявшиеся попыткам заставить их следовать чужим указаниям. Наукан дольше других береговых поселков восточной Чукотки позволял себе некоторую фронду по отношению к советской власти. Здесь еще в 1930-е гг. сохранялись индивидуальные очаги оппозиции новым порядкам вроде своеобразного религиозного движения с элементами миссионерского христианства и традиционного шаманизма (Головко, Швайцер 2006; Schweitzer, Golovko 2007). Из архивных данных и рассказов науканцев в 1970-е гг. мы узнали о трагической судьбе местного активиста Ипека, жертвы сталинских репрессий в 1930-е гг.; высланном шамане Нунегниляне; «перебежчике» Мимылькае, который застрелил председателя Науканского сельсовета и убежал на американский остров Малый Диомид; комсомольце Пенекеине, расстрелянном в 1936 г. «по приговору суда». Бурные события тех лет не миновали небольшой национальный поселок на далекой окраине советского государства.

Но в 1940-е гг. эти события были позади. Наукан стал обычным национальным колхозом Чукотки, с атрибутами советской жизни той эпохи и включенностью его жителей в строительство «нового общества». Так, во всяком случае, это следует из сохранившихся документов и описаний того времени (Смоляк 1957:19–20, 26) и воспоминаний самих науканцев (Леонова 2014).

С разворачиванием на Чукотке в 1950-е гг. программы экономической концентрации и модернизации (Krupnik, Chlenov 2013, 267–272) национальные лидеры поселка были поставлены перед фактом будущих изменений в соответствии с планами развития, предлагаемыми областными властями. Условием этого было слияние в один колхоз и один сельский совет с чукчами-оленеводами, что было тогда обычной практикой (Kerttula 2000). Поначалу такая идея более крупного благоустроенного поселка с многоотраслевым хозяйством, где традиционный морской промысел дополнялся бы оленеводством, всех устраивала. На собрании жителей Наукана в 1957 г. один из науканских лидеров – Умка заявил следующее:

«Перспективные планы колхоза составлены неудовлетворительно, ничего не строится. С 1928 года наш колхоз медленно развивался. Я думаю, если так будем оставаться с одной отраслью хозяйства (морским промыслом. – *Прим авт.*), колхоз вперед не пойдет. Поэтому, я думаю, надо нам приобрести оленей». (Протоколы Науканского исполкома 1957:73.)

Из сохранившихся протоколов собраний жителей Наукана в 1952–1955 гг. видно, что люди видели свое будущее в основном как продолжение настоящего. Новая жизнь должна была строиться на той же хозяйственной основе и протекать среди соседей-односельчан и одновременно соплеменников. А если придется объединяться с оленеводами-чукчами, так они по-прежнему будут в тундре, а эскимосы на берегу. Если же кто-то из чукчей переедет в поселок, то главенствующая роль все равно останется за эскимосами. Нигде в протоколах науканских собраний не высказано опасений по этому поводу. Создание большого приморско-оленеводческого колхоза мыслилось как продолжение традиционного партнерства между береговыми и тундровыми жителями.

Но такое будущее, плавно переходившее из настоящего, должно было быть обеспечено большим количеством материальных благ. В 1940-е и 1950-е гг. береговые поселки Чукотки быстро модернизировались. Росло количество деревянных домиков, обшитых досками и толем. Прежние яранги, крытые моржовыми шкурами, приобретали более солидный облик. В них ставились железные печи, стенки обклеивались газетами, а внутреннее убранство обставлялось по модели европейской комнаты (Леонтьев 1973: 98-99; Смоляк 1957:26-27). Как и другие жители Чукотки, науканцы хотели благоустроенного жилья, лучшего снабжения и новых удобств.

Но у областного начальства были другие планы: оно хотело переселить науканцев из их скалистого «гнезда» на более удобное для строительства место. Таким был выбран участок бывшего чукотского поселка Дежнёво, который эскимосы называли Кенгискук (по-чукотски Кэнискун), с южной равнинной стороны массива мыса Дежнёва. Здесь еще в начале XX в. существовала торговая фактория, а в 1920-е гг. размещалась одна из первых на Чукотке пограничных застав, где в 1924 г. арестовали путешественника Кнуда Расмуссена (см. выше). Аргументы начальства для многих звучали убедительно. На общем собрании жителей Наукана в 1957 г. заместитель председателя Чукотского окрисполкома Скворцов убеждал науканцев покинуть родные места:

«Большинство населения вашего поселка еще живут в ярангах, холодных, сырых. И мы не случайно поднимаем вопрос о строительстве. Но нам надо подумать (!), где строить, когда строить. Ведь на этой скале стоит 49 домиков, да к ним и печки надо. Бетона надо примерно 4,5 тонны поднимать на себе. Без техники вам очень тяжело будет. Правильно ставится вопрос о переселении поселка, но надо подобрать место, где легче строить (?!). Старое место, где вы сейчас живете, хорошее место для охоты на морского зверя. И оно не потеряется – здесь можно будет оставить базу для охоты. Есть колхозы, которые выходят на охоту за 50-60 километров. Поэтому сейчас надо решить вопрос о строительстве окончательно и найти место для него. Правильно бывает, когда люди привыкают, где родились и выросли, но надо думать и о дальнейшем развитии колхоза. Ведь такое место, где вы сейчас живете, влияет на здоровье человека, особенно ребятишек, которым надо ходить в школу». (Науканский исполком 1957:73-74.)

Неудивительно, что образ обещанного властями поселка из новеньких стандартных домиков, пусть и перенесенных на несколько километров в сторону от родных скал, был привлекательным. И если первые предложения властей покинуть Наукан в начале 1950-х гг. наткнулись на решительный отказ, то уже в 1952 г. общее собрание жителей поддержало решение о переезде в Дежнёво. Конечно, решение о переселении далось нелегко. Кенгискук для эскимосов был «чукотской землей». Этнически и хозяйственно этот поселок всегда тяготел к Уэлену. К тому же его жители-чукчи (в 1950 г. их было 72 человека) незадолго до этого покинули свое место и переселились в Уэлен – вероятно, также под давлением властей.

Идея поселиться на чужой земле, несомненно, вызвала у науканцев чувство протеста и отторжения. Но оно не высказывалось открыто, а передавалось иными средствами.

«Хотели вначале Наукан перенести в Кенгискук. Это не получилось, потому что они (науканцы. – *Прим. авт.*) отказались. Сказали, что там грязно. На собрании они говорили все – встанут и говорят, что не хотят они туда. Там, мол, грязно». (Нина Акукын 1987).

Но деваться было некуда. Другие участки в пределах науканской земли были еще менее приспособлены для строительства современного поселка. Вопрос о переселении в другие места в то время даже не обсуждался. Но прошли три года, как жители Наукана согласились на переезд в Дежнёво, а новых домиков в Дежнёве все не было. Трудно сказать, намеренно ли было прекращено строительство в Наукане и Дежнёве между 1955 и 1957 гг. или это было следствием бюрократической волокиты. Так или иначе, в соседних поселках вовсю строились дома, а в Наукане все застыло. Люди нервничали и ждали чего-то нового, как следует из протокола собрания жителей Наукана в 1957 г.:

«Общее собрание граждан села Наукан решило:

1. Решение общего собрания граждан села Наукан от 1952 года оставить в силе, строительство новых домиков произвести в Дежнёве и просить Чукотский райсовет депутатов ходатайствовать об ускорении завоза новых домиков в Дежнёв.

<...> 5. Обязать сельский совет создать комиссию для обследования остро нуждающихся колхозных семей и добиться через правление колхоза оказания помощи в капитальном ремонте жилых яранг на зиму 1957/1958 г.

6. Просить Райсовет депутатов трудящихся решить вопрос о приобретении оленей и подсказать, где их купить колхозу «Ленинский путь».

Председатель собрания: Умка

Секретарь собрания: Тулюкак». (Науканский сельсовет 1957:75.)

Судя по этому решению, жители Наукана не очень верили в реальность предстоящих перемен и намеревались, отремонтировав свои яранги, еще долго жить на скалистом мысу Дежнёва. Но судьба распорядилась иначе. Скорее всего, к 1957 г. окружные власти уже разработали иной проект. Принятый с муками план переезда в Дежнёво внезапно был отброшен и непонятным образом заменен на другой. Науканцам предстояло переселиться за 60 км от дома в чукотский поселок Нунямо.

Трудно сказать, почему власти вдруг выбрали новый план. Скорее всего, сыграли роль стереотипы патерналистской политики. Во-первых, государственные реформы 1950-х гг. предписывали не просто переносить поселки с места на место, а именно «укрупнять» их, то есть создавать большие многонациональные села с комплексной экономикой. Во-вторых, Нунямо располагался близко от районного центра Лаврентия, на другой стороне одноименной бухты. Здесь науканцы всегда были бы на глазах у начальства. Г.А. Меновщиков упоминает и о частном обстоятельстве, поразительно похожем на такую же легенду о том, как другой эскимосский поселок, Старое Чаплино (Унгазик), был переведен в бухту Ткачен:

«Случилось так, что грузовой пароход из-за шторма на море не смог выгрузить в Наукане разборные домики. Снабженцы отказались в то злополучное

лето повторить операцию по выгрузке, а местные власти не воспротивились решению пароходства... Науканцев с их немудреным имуществом перевезли в чукотский поселок Нунямо, который по размерам и числу жителей был в несколько раз меньше Наукана. Так в 1958 году науканцы лишились своей родной земли и в буквальном смысле слова оказались на чужбине». (Меновщиков 1988:2.)

Так или иначе, решение принятое далекими начальниками, стало реализовываться. Переселение в Нунямо было стремительным и плохо подготовленным; казалось, что власти спешили любой ценой провести эту акцию, пока сами эскимосы не опомнились. Переезд был проведен за неполных два месяца в июне–июле 1958 г. Уже 20 ноября 1958 г. Чукотский райисполком принял решение о ликвидации Науканского сельского совета, и через месяц это решение утвердили окружные власти (Чукотский окрисполком 1950-1959:207; Чукотский райисполком 1950-1959:64). Еще раньше был ликвидирован отдельный науканский колхоз «Ленинский путь», а его бывшая территория была присоединена к Уэленскому сельскому совету. Так Наукан и окружающие его скалы превратились в свободный участок для охотников из чукотских селений Уэлен и Инчоун.

Бывшие жители Наукана вспоминали эти дни с содроганием:

«Перевозкой занимался сельский совет, правление. Даже не помню, кто был у нас тогда начальником. Совсем в голове у меня этого нет. Многих отправляли на барже, на катере. А мы 12 июля уехали на вельботе. На бригаде Ченкау мы уехали, нунямским вельботом. Ченкау был бригадиром. За нами пришли и ихние вельботы, и науканские. У нас вся семья поехала: я, Наргынгаун с детьми, моих двое... А я не помню, кто еще с нами был. Я всю дорогу потому что плакала, как плакать стала на берегу, так я ни на кого не смотрела, только назад, назад смотрела – и все. Мне никого не надо было, не разговаривала ни с кем». (Нина Акукын 1987.)

Поселок был оставлен в спешке, фактически брошен:

«Мы жили в Наукане в домике, не в яранге. И домики, или у кого яранги – все-все так осталось. Много вещей осталось – бочки, всякие кастрюли, все-все оставили. Керосинки всякие. Ну жили мы как жили, все не соберешь... Каждый у себя перед отъездом как-то прощался с Науканом. Что-то делали, как мы прощались... Не знаю! Такая спешка была, упаковывались. На могилы прощаться не ходили. Покормили своих предков из дому. И все...» (Нина Акукын 1987.)

Наукан был в буквальном смысле заброшен и на многие годы был доступен только для немногочисленных туристов, проезжих моряков и гидрографов, научных экспедиций. Обещания начальства сохранить старый поселок как охотничью базу для науканцев не были выполнены. Вскоре после переселения пограничный режим на советской стороне Берингова пролива был усилен. Наукан вошел в разряд «необитаемых» участков побережья, непосредственно примыкающих к границе. Доступ туда из отдаленных поселков, в том числе из Нунямо, где оказались бывшие науканцы, был закрыт.

Нунямо: 1958–1976

Переселение в Нунямо мало соответствовало тому образу светлого благоустроенного поселка, которое рисовали науканцам представители администрации. На новом месте ничего не было готово к приему переселенцев. Нунямские чукчи составляли старую береговую общину морских охотников, которые с конца XVIII в. контактировали с путешественниками, торговцами и китобоями, посещавшими удобную бухту Лаврентия. Их традиционные хозяйственные и родственные связи шли не на север, к Берингову проливу, а на юг – на противоположный берег бухты Лаврентия, где находилось старинное чукотское селение Яндагай. Оно тоже было закрыто в том же 1958 г., а его жители перевезены в соседнее село Аккани. С началом строительства Чукотской культбазы в бухте Лаврентия и переводом туда администрации Чукотского района в 1940 г. район бухты стал главным центром советской администрации в северной части Чукотки. Нунямо оказалось «пригородом», сельской периферией этого очага.

Отношения двух общин, науканских эскимосов и нунямских чукчей, были до того нейтральными: две группы редко соприкасались и не имели регулярных связей. И вдруг им надо было жить одной общиной из двух частей, с разным языком, разным видением мира, разными традициями. Понятно, что такое объединение было травмой для науканцев, покинувших родные места; но не меньшей была травма и для коренных жителей Нунямо. Им предстояло принять переселенцев и разделить свои небогатые ресурсы на гораздо большее количество людей. В 1950 г. в Наукане проживало 293 человека, а в Нунямо только 134. Обстановку тех дней характеризуют следующие воспоминания:

«Разгрузились мы в Нунямо с вельбота на берегу, некуда было нам подниматься. Потом нам освободили дом, в котором стали вместе жить, хозяева в другой дом перешли. Мы в незаконченные дома, в общем, приехали. Штукатурки нет, без печки. И завезли нас, знаешь, какими семьями! Мы не одни поселились, а в одном, интернациональном, как говорится, коллективе, все вместе. Жили мы: наша семья, Гулъгкугви семья, Наргынгаун с детьми; семья Имекана; Аятегин с Инхилин двое и еще Готхыргына больного нам поселили. Вот так стали жить в одном доме, в одной комнате. Что мы делали в первый вечер, как приехали? Ничего не делали. Сначала нас определяли, куда работать. Я начала работать тоже в колхозе. Стройка же шла. Мы таскали доски по бригадам, глину размешивали, штукатурку готовили – все делали. Воду тоже таскали – такую работу мы начали делать. А потом меня уже взяли поваром в колхозный садик». (Нина Акукын 1987.)

Г.А. Меновщиков (1988:2) добавляет:

«Дома коренных жителей Нунямо располагались на небольшом сухом холме. Места для науканцев на этом холме не оказалось, и их дома поставили на болотистой низменности между старым поселком и подножием горы с ледником, от которого в летние месяцы текли ручьи талой воды. Ходить от дома к дому и на работу приходилось по мостикам из досок и камней. Жилищные и материальные условия жизни становились невыносимыми, и среди науканцев возникло вполне обоснованное недовольство».

Эскимосы быстро осознали, что оказались обмануты. Правда, жителям Наукана разрешалось переезжать не в Нунямо, а в другие поселки, если у них была такая возможность. Например, председатель Науканского совета Утоюк одним из последних оставался в Наукане, а затем переехал в Уэлен. Семья Нынлутегина, знаменитого науканского охотника и танцора из клана имтугмит, хозяев поселка, поехала в Лорино. Многие семьи двинулись к родственникам в районный центр Лаврентия. Другие подались в Пинакуль на Мечигменскую морзверобойную станцию (см. ниже). Три науканские семьи переселились в Провидения, еще три семьи двинулись дальше на запад в Сиреники. Это было началом целой эпохи миграций науканских эскимосов, занявшей два поколения.

Но все же реакцией большинства было как-то обустроиться в Нунямо и ждать чудесного спасения. В те первые годы жизни в Нунямо таким спасением стала казаться расположенная неподалеку морзверобойная станция, Мечигменская МЗС в Пинакуле. Здесь, на северном берегу бухты Лаврентия, возник небольшой смешанный поселок из русских, чукчей и науканцев (всего около 130 человек), которые занимались обслуживанием небольших шхун, колхозных вельботов, обработкой добытых морских животных. Многим науканцам тогда казалось, что на этой «ничьей» земле они могли бы собраться снова и, кто знает, даже построить свой поселок-мечту, что рисовалась им в Наукане.

Так маленькая струйка науканских семей потекла в Пинакуль. Но всем это было трудно сделать. Внутренние переезды в советское время были крайне затруднены, тем более в приграничной зоне Чукотского полуострова. Пограничный режим, система прописки обеспечивали контроль властей над населением, в данном случае над эскимосами, пытавшимися найти место на собственной земле.

Чтобы собраться вместе, науканцам нужно было не только разрешение властей, но и их финансовая помощь. Надо было тратить средства, намного превышающие личные накопления самих эскимосов. И все же один из науканцев рискнул обратиться к властям с просьбой: разрешить им уехать из Нунямо и помочь собраться в Пинакуле, чтобы исправить ошибку, допущенную при переселении 1958 г. Это был молодой учитель Тасян Теин, впоследствии первый из эскимосов ставший профессиональным этнографом и археологом. В 1967 г. Теин написал обращение на имя тогдашнего председателя Магаданского облисполкома И.П. Чистякова, которое подписали несколько десятков бывших жителей Наукана, осевших в Пинакуле.

Одобрить инициативу Теина и разрешить науканцам собраться в Пинакуле означало для магаданских властей не просто признать собственную ошибку. В их глазах это подрывало всю государственную политику «концентрации». Чистяков был лично ответственным за программу преобразований северных народностей Магаданской области, и на его совести лежало множество закрытых национальных поселков чукчей, эвенов, эскимосов, чуванцев и юкагиров. Поддержка просьбы Теина означала для областного «губернатора» признание того, что политика, которую он проводил, имела вполне реальные негативные последствия.

Поэтому государственная машина предпочла в очередной раз обрушиться на науканцев. В Пинакуль была направлена комиссия, которая обвинила Теи-

на и других авторов письма в «буржуазном национализме» (Меновщиков 1988; Огрызко 2013). В порыве отчаяния двое пожилых науканцев покончили жизнь самоубийством. Власти завели уголовное дело; Теин не был осужден, но его сослали учительствовать на далекий остров Врангеля. Ему еще повезло: пробыв свой срок на острове, он вернулся в Магадан и работал в музее, потом стал археологом в научном институте. В 1970-е гг. он смог вернуться в Наукан как профессиональный археолог и начать здесь раскопки старинных жилищ в поисках предметов древней культуры (Теин 1977).

Но в 1967 г. инициатива Теина обернулась для науканцев еще одной тяжелой травмой. После нее любые попытки вернуться в Наукан были надолго оставлены, и заброшенный поселок постепенно превратился в полном смысле слова в археологический объект, предмет обследования для заезжих путешественников и ученых. Мы сами впервые увидели это удивительное место через 13 лет после выселения, летом 1971 г. Благодаря сохранявшейся тогда полярной станции для обслуживания навигации в Беринговом проливе здесь еще теплилась жизнь. Русские полярники поддерживали свой дом около знаменитого памятника Семёну Дежнёву. Заброшенные домики, яранги, полуземлянки еще хранили отпечаток своих ушедших хозяев. Когда мы снова посетили Наукан в 1981 г., мало что напоминало, что здесь недавно жили люди. Исчезли груды мусора, обнажились каменные фундаменты яранг и побелевшие столбы из китовых челюстей на краю обрыва. Полярная станция была тоже заброшена, и ее здания медленно разрушались.

Большинству бывших жителей Наукана и их потомкам после 1958 г. так и не удалось вновь побывать в Наукане. Исключением стали члены нескольких

Развалины домов в Наукане. С.А. Богословский. 1981 г.

Байдарные сушила из челюстей кита в Наукане. С.А. Богословский. 1981 г.

семей науканцев, которые поселились в соседнем Уэлене. В 1980-е гг. одна из них – Люда Тулюкак, увезенная из Наукана маленькой девочкой, стала считаться своего рода «хозяйкой Наукана». Она регулярно посещала поселок в летние месяцы, поддерживала порядок в единственной жилой комнате на полярной станции, смотрела за старыми могилами. Целое десятилетие ее действия были единственным символом эскимосского присутствия в разрушенном Наукане.

Наукан. 2016 г.

Остается добавить, что даже само название «Наукан» в 1980-е гг. стало постепенно исчезать из памяти местных жителей – уэленских и инчоунских чукчей и редких русских туристов. Бывший поселок чаще называли по-русски «Дежнёв» по бюсту знаменитого мореплавателя, поставленному в середине 1950-х гг. в ознаменование 300-летия его плавания по Берингову проливу. Этот памятник с маяком, а также крест, установленный в 1910 г. командой русского судна «Шилка», похоже, единственное, что сохранялось в порядке до начала визитов в Наукан туристов и немногочисленных коренных жителей в 1990-е гг.

Благодарность

Эта статья – знак нашей глубокой признательности всем науканцам, которые делились с нами знаниями о своем народе. Мы также благодарны нашим коллегам К.А. Днепровскому и М.М. Бронштейну за приглашение изложить результаты нашего изучения истории науканцев в специальной статье. М.М. Бронштейн (Москва), Н.Б. Вахтин (С-Петербург), М. Краусс (Фэрбенкс, Аляска) и В.Г. Леонова (Анадырь) сделали ценные замечания по тексту. Все науканские географические и клановые названия в тексте приведены в соответствии с последним словарем науканского языка (Головко и др. 2004: Краусс 2004). Е.А. Михайлова (Музей антропологии и этнографии РАН, С.-Петербург), К.А. Днепровский (Государственный музей Востока, Москва), Стивен Лоринг (Смитсоновский Институт, Вашингтон) и Е.С. Богословская (Москва) любезно предоставили фотографии для иллюстраций; А. Яшин составил карту племенной территории науканцев. Спасибо всем!

Использованная литература

Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. 1982 «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука.

Атлас. 1964. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв. (Сост. А.Е. Ефимов, М.И. Белов, О.М. Медушевская). М.: Наука.

Вдовин И.С. 1954. История изучения палеоазиатских языков. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР.

Вдовин И.С. 1965. Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л.: Наука.

Головко Е.В., Добриева Е.А., Джейкобсон С., Краусс М. (Сост.) 2004. Словарь языка науканских эскимосов. Фэрбенкс: Центр Изучения Языков Коренного Населения Аляски.

Головко Е.В., Швайцер П. 2001. Память о войне: конструирование внешнего конфликта в культуре этнических общностей Берингова пролива // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. (Ред. А.К. Байбурин). СПб.: Европейский университет. С. 26–37.

Головко Е.В., Швайцер П. 2006. Эскимосские «попы» поселка Наукан: об одном случае revitalization movement на Чукотке // Сны богородицы. Исследования по антропологии религии. (Ред. З.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 102–115.

Гондатти Н.Л. 1898. Поездка из села Маркова на реке Анадыре в бухту Провидения //Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Т.4, №1. С. 1–42. Хабаровск.

Долгих Б.О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в 17 веке //Труды Института этнографии АН СССР. Т. 55. М.: Издательство Академии наук СССР.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней. 1989. (Общ. ред. Н.Н. Диков). М.: Мысль.

Итоги переписи. 1929. Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края 1926-1927 гг. Благовещенск.

Караев Ф.И. 1923. Докладная записка уполномоченного по Чукотскому уезду Караева // Гос. Архив РСФСР Дальнего Востока, Томск. ф. 2330, оп. 1, д. 5.

Краусс М. 2004. Названия мест (Топонимы) // Словарь языка науканских эскимосов. (Ред. Е.В. Головко, Е.А. Добриева, С. Джейкобсон, М. Краусс). Фэрбенкс: Центр Изучения Языков Коренного Населения Аляски. С. 319–369.

Крупник И.И. 1983. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотке и Аляски. (Ред. В.П. Алексеев). М.: Наука. С.65–95.

Крупник И.И. (сост.). 2000. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик: записи 1975–1990 гг. (Ред. Л.И.Айнана). М.: Институт наследия.

Крупник И.И., Членов М.А. 1979. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография, № 2. С.19–29.

Леонова В.Г. 2008. Память о Наукане // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. (Ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривощеков, И.И. Крупник). М.: Институт наследия – ГЕОС. С.156–161.

Леонова В.Г. 2014. Наукан и науканцы. Нувук,ак, ынкам нувук,ах,мит. Владивосток: Дальпресс.

Леонтьев В.В. 1973. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958-1970 гг.). Новосибирск: Наука.

Материалы Чукотской земэкспедиции Наркомзема РСФСР о хозяйственно-экономическом обследовании Чукотского района. 1938 (Рукопись). Гос. архив Чукотского автономного округа. Анадырь, ф. 3, оп. 1, д.7.

Материалы по статистике Камчатской губернии. 1925. Хабаровск.

Меновщиков Г.А. 1962 О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов. Из полевых наблюдений // Советская этнография, № 6. С. 29–34.

Меновщиков Г.А. 1972. Местные названия на карте Чукотки. Краткий топонимический словарь. Магадан: Магаданское книжное издательство.

Меновщиков Г.А. 1975. Язык науканских эскимосов. Л.: Наука.

Меновщиков Г.А. 1987. Материалы и исследования по языку и фольклору науканских эскимосов. Л.: Наука.

Меновщиков Г.А. 1988 Судьба Наукана // Магаданская правда, № 251 (15929). 23.07. С. 2.

Науканский исполком. 1958. Исполком Науканского совета депутатов трудящихся. Протоколы заседаний 1954–1958 гг. // Государственный архив Чукотского района. С. Лаврентия: папка «Науканский исполком».

Нефедкин А.К. 2003. Военное дело чукчей. Середина XVII – начало XX в. СПб.: Петербургское востоковедение.

Огрызко В. 2013. Пропавший археолог: Тасян Теин // Мир Севера, № 1 (83). С. 55–59.

Патканов С.К. 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Записки Императорского Русского географического общества. Отделение статистики. Т.XI. вып. 1-3. СПб.

Писигин В. 2001. Письма с Чукотки. // Октябрь, № 3. www.magazines.russ.ru/october/2001/3/pisigin.html

Сведения. 1945. Сведения о численности и составе населения Чукотского района на 1942-1945 годы // Гос. архив Чукотского округа. Анадырь: Фонд Р-26, оп. 1, дело 3.

Сергеев Д.А. 1962. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов // Советская этнография, № 6. С. 35–42.

Смоляк А.В. 1957. Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района // Сибирский этнографический сборник, II. М.-Л. С. 3-37.

Советы. 1979. Советы Северо-Востока СССР (1928–1940 гг.). Сборник документов. Часть 1. Магадан: Магаданское книжное издательство.

Теин Т.С. 1977. Эскимосское селение Наукан – историко-этнографический памятник // Памятники истории и культуры Магаданской области. № 2. Магадан: Магаданское книжное издательство. С. 25-29.

Теин Т.С. 1981. Шаманы сибирских эскимосов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX–начала XX вв.). – Л.: Наука. С. 218–232.

Теплилик Е., Энмынкау Н., Ненлюмкина З. 2008. Слово о моем Наукане // Анадырь, Региональная общественная организация «Инуитский приполярный совет, Чукотка». Препринт (архив И.И. Крупника).

Титова З.Д. (сост., ред.). 1978. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. Магадан: Магаданское книжное издательство.

Членов М.А. К характеристике социальной организации азиатских эскимосов // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973 (доклады советской делегации).

Членов М.А. 1988. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. (Ред. В.А. Тишков). М.: Наука. С.64–75.

Членов М.А., Крупник И.И. 1983. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–X1X вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. (Язык и этнос). Л.: Наука. С. 129–139.

Членов М.А., Крупник И.И. 2012.«Новая земля»: история последней миграции азиатских эскимосов (1920 – 1935) // Вехи на мысах. К 80-летию члена-корреспондента РАН С.А.Арутюнова. М., 2012.

Чукотская инспекция. 1948. Чукотская районная инспекция госстатистики. Основные показатели развития народного хозяйства и культуры района за 1944–1948 гг. // Государственный Архив Чукотского автономного округа, Анадырь. Ф. 26, оп. 1, д. 7.

Чукотский окрисполком. 1950–1959. Протоколы заседаний Окрисполкома ЧНО, июль–декабрь 1958 г. // Государственный Архив Чукотского автономного округа, Анадырь. Ф. Р-1, оп. 1, д. 167.

Чукотский окрисполком. 1952. Протоколы заседаний окрисполкома ЧНО, июль-декабрь 1952 // Государственный Архив Чукотского автономного округа, Анадырь. Ф. Р-1, оп. 1, д. 167

Чукотский райисполком. 1958. Решение Чукотского райисполкома об упразднении Науканского сельского совета // Государственный Архив Чукотского автономного округа, Анадырь. Ф. Р-1, оп. 166, д. 223. 1.

Шнакенбург Н.Б. 1939 Эскимосы // Рукопись. Архив Музея антропологии и этнографии РАН, СПб, Фонд К-I, оп. 1, №. 557.

Bogoras W. 1904–1909. The Chukchee. Material Culture. Religion. Social Organization. // Memoirs of the American Museum of Natural History XI, Pts. I–III. – New York: American Museum of Natural History.

Chlenov, Michael. 2006. The "Uelenski Language" and Its Position among Native Languages of the Chukchi Peninsula // Alaska Journal of Anthropology. Vol. 4. N. 1–2. P. 74–91.

Chichlo B. 1981. Les Nevuqaghmiit ou la fin d'une ethnie // Etudes/Inuit/Studies/ Vol. 5, no. 2. Pp. 29-47.

Kerttula A. 2000. Antler on the Sea. The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East. Ithaca: Cornell University Press.

Kingston D.M. 2000. Siberian Songs and Siberian Kin: Indirect Assertions of King Islander Dominance in the Bering Strait Region // Arctic Anthropology. Vol. 37(2):38–51.

Krause A. To the Chukchi Peninsula and to the Tlingit Indians 1881/1882: Journals and Letters by Aurel and Arthur Krause // The Rasmuson Library. Historical Translation Series. Vol. VIII. – Fairbanks: University of Alaska Press.

Krauss M. 1980. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future // Alaska Native Language Center Research Paper 4. Fairbanks: University of Alaska.

Krauss M. 1985a. Sirenikski and Naukanski // M. Krauss, ed. Yupik Eskimo Prosodic Systems: Descriptive and Comparative Studies / Alaska Native Language Center Research Paper 7. Fairbanks: University of Alaska. Pp. 175–190.

Krauss M. 1985b. Introduction // M. Krauss, ed. Yupik Eskimo Prosodic Systems: Descriptive and Comparative Studies. /Alaska Native Language Center Research Papers 7. Pp. 1-6.

Krauss M. 1985c. Sirenikski and Naukanski // Ibidem. Pp.175-190.

Krauss M. 1994. Crossroads? A Twentieth-Century History of Contacts across the Bering Strait // W.Fitzhugh and V.Chaussonnet, eds. Anthropology of the North Pacific Rim. – Washington and London: Smithsonian Institution Press. Pp. 365-379.

Krauss M.2005. Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island–Point Hope Connection // Études/Inuit/Studies. Vol. 29, N. 1–2. Pp. 163–186.

Krupnik I. 1987. Bowhead vs Gray Whale in Chukotka Aboriginal Whaling // Arctic Vol. 40(1):16-32.

Krupnik I. 1994. "Siberians" in Alaska: The Siberian Eskimo Contribution to Alaskan Population Recoveries, 1880-1940 // Études/Inuit/Studies. Vol. 18(1-2):49-80.

Krupnik I. 2004. The Whole Story of Our Land: Ethnographic Landscapes in Gambell, St. Lawrence Island, Alaska // Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations. I. Krupnik, R. Mason, and T. Horton, eds. /Contributions to Circumpolar Anthropology 6. Washington, DC: Arctic Studies Center. Pp. 203–227.

Krupnik, Chlenov 2007. The End of "Eskimo Land": Yupik Relocations in Chukotka, 1958–1959 // Études/Inuit/Studies Vol. 31(1-2):59–81.

Krupnik I. Chlenov M. 2013.Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press.

Nelson, E.W. 1983. The Eskimo about Bering Strait. Washington, DC: Smithsonian

Institution Press. (Originally published 1899, in Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology, 1896–1897. Washington, DC: Government Printing Office. Pp. 3–518.)

Rasmussen, K.1927. Across Arctic America. Narrative of the Fifth Thule Expedition. New York–London: G.P.Putnam's Sons.

Ray, D.J. 1975. The Eskimos of Bering Strait, 1650-1898. Seattle and London: University of Washington Press.

Ray D.J. 1983. Ethnohistory in the Arctic. The Bering Strait Eskimo // Alaska History Series 23 /R.Pierce (ed.). – Kingston. The Limestone Press.

Schweizer P., Golovko E. 1995. Contacts across Bering Strait, 1898–1948 / Unpublished report prepared for the US National Park Service under the project "Traveling between Continents." Fairbanks, Alaska.

Schweitzer P., Golovko E. 2007. The "Priests" of East Cape: A Religious Movement on the Chukchi Peninsula during the 1920s and 1930s // Études/Inuit/Studies Vol. 31(1-2): 39–58.

Senungetuk V., Tiulana P. 1987. Place for Winter: Paul Tiulana's Story. Anchorage: SIRI Foundation.

Sheppard W.T. 2009. Assault on Qawiaraq: Siberian–Alaskan Warfare in Historical and Cultural Context // Chasing the Dark: Perspectives on Place, History and Alaska Native Land Claims. K. L. Pratt, ed. Anchorage: US Bureau of Indian Affairs. Pp. 46–63.

Woodbury, A.C. 1984. Eskimo and Aleut Languages // Arctic/ David Damas, ed. / Handbook of North American Indians, Vol. 5. Washington, DC: Smithsonian Institution. Pp. 49–63.

На байдаре. Наукан. 1940-е гг. Архив Т.Ю. Ачиргиной

В.Г. Леонова
Чукотский институт развития образования и повышения квалификации (Анадырь)

Рассказы о Наукане

Я попросил водителя остановиться, заглушить мотор и выключить фары. Затем вышел из уазика, но отойти дальше чем на двадцать шагов не решился… Я ничего не увидел, потому что вокруг не оказалось ничего, что можно было бы видеть. И не слышал ничего, так как неоткуда и не из чего было взяться даже малейшему шороху. Где-то за моей спиной должны быть невидимые сейчас сопки. Огромный материк – Евразия, начинаясь здесь, заканчивается на побережье Атлантики, а прямо передо мной должна быть кромка Берингова моря и сразу за морем – Тихий океан…. Это значит, что земная твердь, обрываясь в километре от меня, проявится лишь у берегов Антарктиды! Такого владычества природы над собой я не ощущал никогда!

Валерий Писигин "Посолонь"

Исключительное географическое положение на стыке двух континентов и двух океанов превратило регион Берингова пролива в своеобразный миграционный коридор и перекресток миграционных путей наземных и морских организмов из различных областей Земли, а также в один из главных очагов формиро-

вания холодостойких видов флоры и фауны. Богатство природы и удобные для промысла места концентрации китов, моржей, тюленей, птиц и рыб с давних времен привлекали в этот регион племена охотников. По Берингийскому мосту, а затем через Берингов пролив в течение тысячелетий проходили сложные переселения древних людей.

Людмила Богословская, Юрий Веденин
«Российская "Берингия": международные и национальные аспекты проектирования»

Берингов пролив и его берега – перекресток континентов и океанов, народов и культур. Уникальность этого ареала неоднократно описана в научной и художественной литературе. Данный материал посвящен небольшой народности, с незапамятных времен поселившейся на одном из побережий Берингова пролива, близ мыса Дежнёва, в селе Наукан (Нувук,ак,), – науканским эскимосам.

Уже почти 60 лет в Наукане никто не живет, однако на Чукотке часто вспоминают это село, считают его таинственным местом. На протяжении столетий ураганные ветры сменялись в этом краю затишьями, пасмурные дни приходили на смену солнечным, год за годом люди стремились обустроить свой быт, совершенствовали свое мастерство в охоте, изготовлении одежды и снаряжения. Старшие всегда беспокоились о будущем своих детей, растили их так, чтобы они ценили умение трудиться. Никакие природные невзгоды не смогли уничтожить поселок, но перед советской властью Наукан не устоял, его закрыли в 1958 гг. Когда жители покидали родину, многие не могли сдержать слезы, вельботы подолгу кружили у берега, как будто что-то мешало оторваться им от родных скал. Этот насильственный переезд тяжело переживали науканцы. Он обернулся утратой не только обжитого места, но также потерей языка и традиционного образа жизни.

Сменились поколения, наступило другое время, не стало Наукана, но остался дух, который и современных науканских эскимосов заставляет помнить, откуда они. По-разному сложились судьбы людей, но, поселяясь в разных местах, науканцы передавали знания о своей родине тем, с кем оказывались рядом.

Для науканцев и их потомков Наукан и сейчас особое, священное место, родина их предков. С каждым годом науканцев становится все меньше, и поэтому тем важнее воссоздать картину повседневной жизни этого древнего села, которое когда-то процветало, имело свой уклад, свой порядок, свой устоявшийся за многие годы ритм. В книге "Наукан и науканцы" [Леонова 2014] предпринята попытка сделать это. В сборнике представлены воспоминания эскимосов, которые жили в селе Наукан до 1958 г., т.е. до его закрытия советской властью. Запись науканцев осуществлялась в 1997 г. По материалам этого издания подготовлена данная статья.

Окрестности старинного селения – это местами отвесные, но живописные скалы; суровый береговой пейзаж оживляет шум прибоя и гомон птичьего базара. Село расположено на крутом склоне. Чтобы поставить ярангу, жители

Дети Наукана. 1920-е гг. Университет Аляски (Фэрбенкс), Архив Аляски и полярных регионов, коллекция К.В. Скарборо

У яранги. Наукан. 1950-е гг. Архив Т.Ю. Ачиргиной

должны были разровнять площадку, принести много камней, выложить основание. Для этого служили тяжелые валуны, раскиданные в округе. Делать всё приходилось вручную: валуны таскали на себе, зимой только можно было воспользоваться собачьей упряжкой. Камни использовали и для укрепления основания яранги, а каркасом жилища служили челюсти и ребра гренландского кита и «плавник» – принесенные морем стволы деревьев. Науканская яранга – стационарное сооружение в отличие от кочевых сборно-разборных жилищ чукчей-оленеводов. Но внутри так же, как в чукотской яранге, имелся меховой полог – спальня, и холодная часть, где готовили пищу, хранили заготовки и продукты. На покрытие дома шли шкуры моржа, обработанные специальным образом.

В Наукане были распространены как яранги, так и полуземлянки – жилища, построенные по принципу яранги, но частично врытые в землю; в более позднее время появились деревянные домики. Известный этнограф и археолог науканец Тасян Теин так описывает полуземлянку: “Боковые и заднюю стены обкладывали двойной кладкой камней, промежутки между камнями заполняли утрамбованной землей. Часть пространства перед задней стеной углублялась, вдоль стен устанавливались нары для сна. Каркасом служили челюсти и ребра гренландских китов или деревянные брусья, которые покрывались сверху тонким слоем дерна. Потолок имел наклон к выходу вниз. В потолке оставляли отверстие, затянутое высушенной пленкой от желудка либо от кишок моржа или лахтака. Деревянная труба служила для вентиляции помещения. В деревянном полу в некоторых поселениях (Аляска, остров Малый Диомид) делали круглый люк для входа и выхода. Длинный коридор с низким потолком, пристроенный к землянке, был наполовину врыт в землю. Те землянки, где много людей умерло, жильцы покидали. По верованиям эскимосов, там поселялся нечистый дух. Потом эти землянки разрушали.

Вообще полуподземные жилища служили людям долгие годы, в них могли жить представители не одного поколения. Главное преимущество землянки перед ярангой – прочность, долговечность, да и материал для строительства всегда под руками. Второе важное преимущество – землянке не страшны любые ураганные ветры.<….> Семейные землянки в Наукане назывались ынлу, общественные – к,айги, яранга – мантыг,ак,. В семейных проживало от шести до девяти человек. Кроме детей и их родителей тут могли жить престарелые родственники по мужской и женской линии. Большие землянки – к,айги – предназначались для многолюдных мероприятий. В них проходили праздники и состязания. На вечера приглашались старики-повествователи, которые рассказывали предания, мифы, легенды о прошлой жизни эскимосов” [Леонова 2014: 140-141].

Зимой из-за крутого наклона местности в Наукане возникала угроза быть сброшенным порывом ветра с обрыва в море. Поэтому приходилось в пургу привязывать к ногам к,ин,иягыт – железные кошки. Особенности ландшафта, суровый климат, ограниченное количество материалов и сырья заставляло науканцев создавать различные приспособления, позволяющие им выживать в этих экстремально тяжелых условиях. Жители Наукана были бесстрашными

охотниками на морских зверей – гренландского и серого кита, моржа, нерпу. Море было для них родной стихией, не просто местом для охоты и добычи пищи, а частью души эскимоса. Поэтому к добытому зверю науканцы относились как к одухотворенному существу, поэтому у них существовали многочисленные обряды, которые строго соблюдались.

Рассказывают жители Наукана

Из рассказа Елизаветы Добриевой:

“Когда приезжаешь на старые места, обязательно надо в первую очередь провести обряд кормления духов этих мест, то есть задобрить их, попросить, чтобы они помогали. И никогда об этом не забывать. Так как любое место, будь это дом, сопка, река, скала, море, оставленное селение – все имеет своих духов. Кормя их, задабриваешь, просишь о помощи, чтобы духи не любопытствовали, не приносили зла” [Леонова 2014:38].

Из рассказа Бориса Тнауна:

“Я первый раз добыл нерпу из мелкашки деда. Дед меня заставил самому принести добычу к яранге, я очень обрадовался, что добыл нерпу, и думал, что бабушка сварит мясо и мы вкусно поедим. А дед заставил отдать нерпу старику Ытаину. Мне так жалко было отдавать эту нерпу, что я чуть не заплакал. Есть такой обряд. Впервые добывшего нерпу мальчика около яранги перекидывают через плечо несколько раз на эту нерпу. Если в яранге нет старика, это делает бабушка. Считалось, что этот ритуал поможет стать удачливым охотником» [Леонова 2014:84].

В Наукане имелась спортивная площадка, снабженная камнями разной величины. Зимой жители села с азартом играли в «эскимосский футбол», в «эскимосский хоккей». Была у них и особая игра с мячом “Мамы и сыновья”, в которую играли на сугробе после того, как охотник добывал из лунки на припае первую в этом сезоне нерпу. Весной из талых вод, стекающих с гор, жители делали запруду, в которой ребята играли в морских охотников. Летом дети увлеченно жонглировали округлыми камешками, спускаясь и поднимаясь по горным тропинкам.

Очень популярны были спортивные соревнования между двумя сторонами села, разделенного горной речкой. Ранняя закалка и тренировки мальчиков, их выносливость, сноровка, крепкое здоровье были жизненно важны, так как являлись залогом успешной охоты будущего мужчины. Вообще, человек в те времена должен был быть подготовлен к ежедневному тяжелому физическому труду. В опасных условиях добыв морского зверя, например гренландского кита, охотники должны были вытащить его на берег, разделать, перенести мясо в специальные ямы для хранения. За короткое лето, используя хорошую погоду, требовалось заготовить питание на долгую зиму. Поэтому науканцы все делали сообща, дружно. В такие напряженные периоды каждый – и ребенок, и старик – вносил свою лепту в общий труд.

Из рассказа Михала Анкауна:

“Я родился и вырос в Наукане, и там я научился охотиться. На нашей стороне был ах,пак,уг,вик – круглая спортивная площадка. На ней всегда занимались спортом: поднимали тяжести – толчками поднимали большие камни над головой. Будили рано, отправляли узнать, какая погода, для этого и зимой, и летом заставляли обегать ярангу босиком. За это время я должен был зафиксировать состояние погоды: откуда дует ветер, где какие облака. У меня был свой спортивный снаряд – камень округлой формы, очень тяжелый. Ийяйын заставлял меня заниматься спортом. Ночью меня отправляли с камнем на плече в тундру.

Каждую весну мы добывали очень много морского зверя. Когда в начале лета идет интенсивное прохождение морского зверя, мы набьем моржей, везем на берег, выгрузимся и опять возвращаемся на охоту, иногда, таким образом, по трое-пятеро суток не спали, пока шел зверь. От недосыпа у многих охотников глаза краснели и слезились. Туши добытых животных мы выгружали прямо на припай. Затем с припая на берег мы перетаскивали с помощью собачьей упряжки. И я тоже участвовал в перетаскивании добычи с припая на берег. На склонах обрыва до самого берега в начале лета оставалось много снега, в них выкапывали углубления, в которые складывали добычу, поэтому мясо сразу не портилось. Эти снежники находились правее места К,аяг,вик,, а К,аяг,вик – место в устье реки. Правее этого К,аяг,вика под обрывом рыли траншеи. А когда снежники начинали таять, добычу переносили в мясные ямы – ыгат”.

Танцует Анкаун. Лаврентия. 1970-е гг. Лаврентьевский краеведческий музей

Трудности закалили характер науканцев, не заставили их утратить жизнерадостное мироощущение. Жизнь Наукана была очень насыщенной, наполненной различными событиями, в которых все жители маленького села принимали живое участие. Неотъемлемой частью этой жизни были праздники и танцы. Не было науканца, который не любил бы танцевать, и в селе были свои любимые солисты, умевшие танцевать особенно искусно. Очень ценили науканцы юмор, поэтому игры, состязания, праздники, даже работа всегда сопровождались шутками и смехом. Не случайно в Наукане была традиция танцевать шуточные танцы. Так, например, хорошо известен танец “Брат и сестра”. Он исполняется с переодеванием мужчины в женский, а женщины – в мужской костюм. Иногда в танцах использовались маски. В танце изображали повседневный труд, повадки зверей и птиц, а также высмеивали, пародировали ленивых и жадных.

Из воспоминаний Изабеллы Автоновой:

«Самым любимым досугом науканцев были национальные танцы “Полъаси”. Песни и танцы сочиняли Умка, Нутетеин, Синаник и другие. Танцевальное искусство эскимосов – любимый вид отдыха в любое время года. Танцы всегда проходили зрелищно, массово. Каждый танец исполнялся эмоционально, артистично, с особым задором и темпераментом. Для танцев шили нарядную одежду. До сих пор аляскинские эскимосы танцуют в специальных танцевальных длинных перчатках, расшитых орнаментом с погремушками из кости (к,алг,иг,огыт), в нарядных торбасах, украшенных узором, отороченных мехом росомахи (камыхсик,ат). Танцевальные перчатки с погремушками надевали мужчины. Женщины – просто красивые перчатки с узором.

Национальные танцы подразделялись на несколько видов.

Саялъык,– сидячие женские обрядовые танцы. Группа танцев саялъык исполнялась во время праздника Полъа. Женщины садились друг за другом, вытянув одну и поджав к животу другую ногу. На голову надевали кожаную полоску из мандарки, красиво расшитую узором, украшенную чаячьими перьями. Мужчины-певцы с большими бубнами, на которых были натянуты специально обработанные моржовые желудки, садились на низкие скамейки или на пол. Мужчины, играя на бубнах, пели, а женщины танцевали. Каждый танец исполнялся два раза – сначала спокойно, второй раз – в полную силу, но в такт мелодии.

Саютыт – коллективные или сольные танцы стоя. Это могли быть парные танцы. Например, двое мужчин танцевали танец “Охотник и белый медведь”, его в свое время исполняли Нутетеин и Синаник,. Мог танцевать один мужчина: например, “Полет чайки против ветра” неподражаемо танцевал Нутетеин. Могли танцевать мужчина с женщиной или сразу несколько человек. Каждый танец имеет свое название и мелодию.

Полъасилъык, – национальные эскимосские танцы.

Тух,умин – вольный мужской танец.

Путураг,ун – вольный женский танец» Леонова [2014:186-187].

Науканки в национальной одежде. Наукан. 1940-е гг. Архив Т.Ю. Ачиргиной

В книге “Наукан и науканцы”, из которой приведено большинство включенных в статью рассказов, описывается в основном жизнь села в 1940–1950-х гг., однако представленные в ней материалы позволяют получить информацию о более раннем периоде в истории Наукана, о культурных традициях, сформированных предшествующими поколениями. Изучение этих традиций, сохранение памяти о Наукане – важная и более чем актуальная задача. Выселение науканцев из родного села

Науканский ансамбль. Нунямо. 1960-е гг. Архив автора

привело к фактическому исчезновению особой этнической группы, особого эскимосского этноса, однако еще и сегодня на Чукотке живут люди, которые с гордостью называют себя «науканскими эскимосами».

Основания гордиться своим народом у этих людей, несомненно, есть, и свою статью я хочу закончить напоминанием о том вкладе, который внесли науканцы в культуру Чукотки, в культуру России уже после того, как их заставили покинуть родное село. Маргарита Глухих (Млаткын) руководила ансамблем «Белый парус», была знаменитой мастерицей декоративно-прикладного искусства, заслуженным работником культуры Российской Федерации. Нина Энмынкау – журналист окружного радио и тоже заслуженный работник культуры РФ. Зоя Ненмлюмкина – известная поэтесса. Яков Таг,ёк и Нутетеин стояли у истоков создания эскимосского репертуара ансамбля «Эргырон». Акукын – основатель ансамбля «Атасикун» в Анадыре. Василий Иванович Ёмрон был заслуженным учителем РСФСР. Тасян Теин, как уже отмечалось, стал ученым, внес заметный вклад в отечественную эскимологию. Косторезов Хухутана и Ёмрыкаина приняли в Союза художников СССР, они стали заслуженными художниками России, лауреатами премии имени Репина. Работы этих резчиков и граверов по клыку моржа находятся сегодня в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Петербурге, в Государственном музее Востока в Москве, в Музейном центре "Наследие Чукотки" в Анадыре, в музее Уэленской косторезной мастерской. Благодаря Хухутану, Ёмрыкаину, многим другим науканским народным художникам старинное косторезное искусство морских зверобоев Чукотки, известное в наши дни всему миру, сохранилось и получило дальнейшее развитие.

Использованная литература

Леонова В.Г. 1982. Наукан и науканцы: рассказы науканских эскимосов. Владивосток: Дальпресс.

Закладка шурфа в Наукане. Июль 2016 г.

К.А. Днепровский, Н.В. Лопатин
Государственный музей Востока [Москва]
Институт археологии РАН [Москва]

Археологические находки на территории Наукана

Планомерных археологических работ с исследованием раскопками сколько-нибудь значительных площадей на территории поселения Наукан никогда не производилось. Это объяснятся труднодоступностью памятника, а также его размерами. Кроме того, «современное» эскимосское поселение, существовавшее до 1958 г., вряд ли могло заинтересовать археологов. Однако вопрос о времени возникновении поселка Наукан, о первых его поселенцах всегда интересовал исследователей. В литературе бытуют самые различные даты возникновения поселка – от нескольких сотен до нескольких тысяч лет.

В непосредственной близости от Наукана, в пределах десятка километров от него к северу и к югу, в районе мыса Дежнёва располагались хорошо известные в археологической науке памятники. Это комплексный объект археологического наследия Эквен, состоящий из могильника и поселения [Арутюнов, Сергеев 1975; Арутюнов, Сергеев 1983; Бронштейн, Днепровский, Сухорукова 2007], Уэленский могильник и Уэленское поселение [Руденко 1947; Арутюнов, Сергеев 1969], древнее поселение Кунискак на месте закрытого поселка Дежнёва [Гусев 1995].

Все перечисленные памятники имеют слои, содержащие материал древнеберингоморской культуры (периоды I-III) – самого раннего периода существования древнеэскимосской культуры морских зверобоев на Чукотке. Естествен-

но было бы предположить, что и в урочище Наукан существовало поселение, датированное древнеберингоморским временем – первыми веками нашей эры.

Но обратимся к фактам.

Единственные известные до настоящего времени археологические находки из Наукана опубликованы в монографии С.И. Руденко [Руденко 1947], которому принадлежит честь первых научных археологических исследований на Чукотке. Летом 1945 г. известный отечественный археолог С.И. Руденко провел сбор подъемного материала и заложил серию рекогносцировочных шурфов в различных пунктах чукотского побережья Берингова пролива. В монографию наряду с рисунками находок и описанием древнеэскимосских поселений в Уэлене, Наукане, Яндагае, бухте Проведения, Сиреникаx, Энмелене был включен обширный раздел, в котором С.И. Руденко сопоставил собранные им материалы с данными зарубежных исследователей, проводивших с 1920-х годов систематические раскопки древнеэскимосских памятников Аляски. Проанализировав обширный корпус источников и современную ему научную литературу, С.И. Руденко не только достаточно полно охарактеризовал древнеэскимосскую культуру Чукотки, но и предложил ее четкую археологическую периодизацию, которая в известной степени сохраняет свою значимость и в наши дни. Данная культура, с точки зрения исследователя, представляла собой единую часть древнеэскимосской культурной традиции, распространенной на обширной территории Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Эта монография давно стала библиографической редкостью, поэтому приводим несколько выдержек из текста С.И. Руденко о его работах в Наукане, а также воспроизводим рисунки артефактов из науканской археологической коллекции [Руденко 1947:табл. 10-11], собранной в 1945 году (рис. 1).

«На месте современного поселка Наукан эскимосы живут сравнительно недавно. Раньше они жили ближе к мысу Дежнёва. Этим, по-видимому, и объясняется, что ни в коллекции Расмуссена (в 1924 г. в Наукане Расмуссеном была приобретена коллекция, состоящая из 168 предметов, опубликованная Матиассеном как коллекция с мыса Восточного), ни в нашем собрании из Наукана, нет вещей ни древнеберингоморских, ни бирниркских типов».

Коллекция, обозначенная как «Район мыса Дежнёва», опубликована С.И. Руденко в монографии [Руденко 1947:табл. 7-9], содержит поворотные наконечники гарпунов древнеберингоморских типов с гравированным характерным орнаментом ДБК, головку гарпунного древка и «крылатый предмет» раннего древнеберингоморского времени. Руденко четко отделяет коллекцию «района мыса Дежнёва» от коллекции, собранной им непосредственно в Наукане. Он считает, что коллекция с древнеберингоморскими предметами происходит из поселка Дежнёва, расположенного в нескольких километрах к юго-западу от Наукана. «Ранее на месте поселка Дежнёва существовало эскимосское поселение Энмиттаун».

«При ремонте школы в Наукане в центре поселка была сделана значительных размеров выемка земли, давшая разрез культурного слоя мощностью около 1 м. Расчистка небольшой площадки этого культурного слоя дала некоторое количество костей моржа, нерпы и лахтака, а также различные предметы, по-

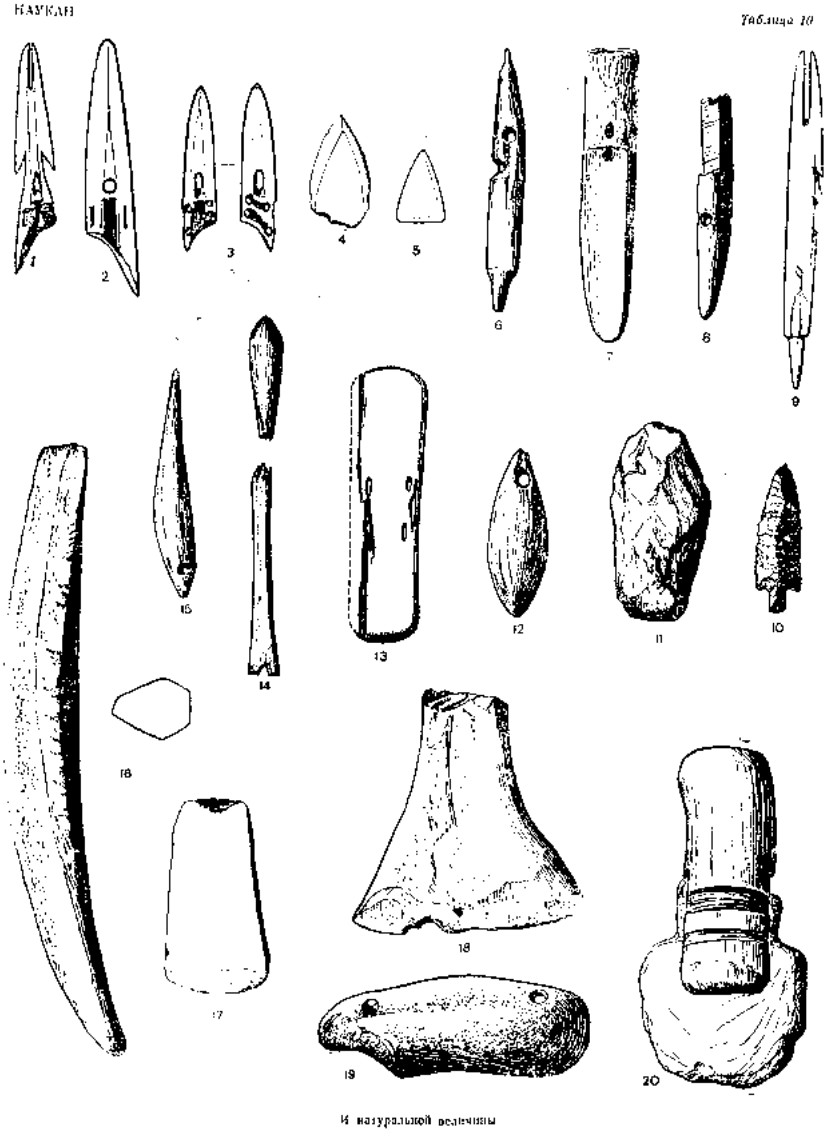


Рис. 1. Находки в Наукане С.И. Руденко. 1945 г.

зволяющие определить характер культурного слоя и время прежних обитателей Наукана» [Руденко 1947:30].

Приведя подробное описание найденных им предметов из зачистки культурного слоя в Наукане, а также нескольких предметов, приобретенных им в поселке, С.И. Руденко делает однозначный вывод:

«Не говоря уже о вещах приобретенных, весь комплекс предметов из раскопок в Наукане указывает на позднее заселение той площадки, где в настоящее

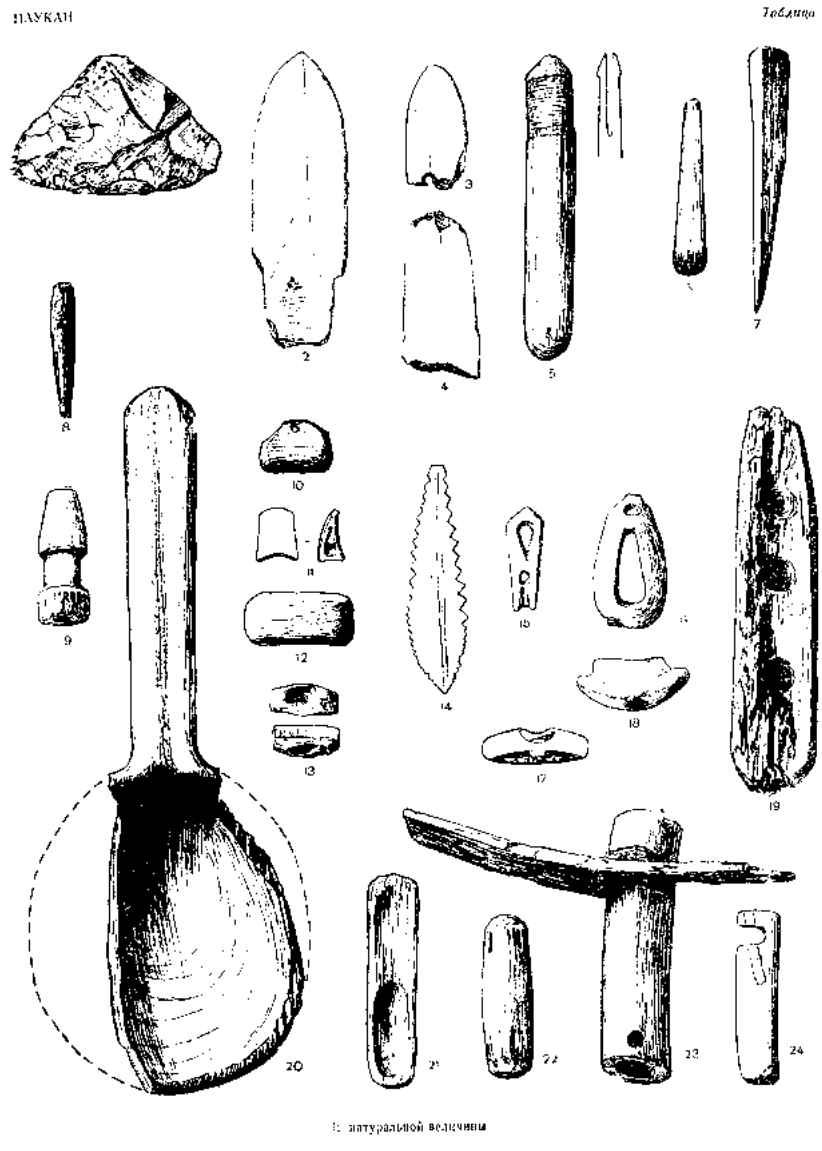


Рис. 2. Находки в Наукане С.И. Руденко. 1945 г.

время расположено современное эскимосское поселение. Время это, по-видимому, синхронно времени раскопанного в Уэлене жилища, – поздний пунук и частично протоисторический период до оживленных торговых сношений с русскими» [Руденко 1947:33].

Летом 2016 г. при составлении топографического плана, определении границ объекта культурного наследия многослойного памятника Наукан и выде-

лении охранной зоны памятника нами было произведено археологическое визуальное обследование территории поселка. Большая часть площади поселка, расположенная на склоне к северу и югу от ручья Куик, плотно застроенная ярангами с каменными цоколями, мясными ямами и строениями советского времени, никакого древнего подъемного материала не дала. Площади, свободные от построек, скальных выходов и каменных кладок, сильно задернованы и покрыты обильной травянистой растительностью.

Особое внимание было уделено упомянутому в монографии С.И. Руденко месту возле сохранившихся после разборки школы нижних венцов здания и примыкающей к школе с востока и юго-востока территории. К югу от школы склон к морю более пологий, чем в остальных местах. По верху этой впадины расположены мясные ямы. Внизу, на несколько метров выше пляжа, стоят три сохранившиеся челюстных кости кита – остатки вешалов для хранения кожаных байдар. Относительно пологий склон к морю с южной экспозицией изобилует норами мелких землеройных животных. Здесь хорошо прослеживается сползающий вниз по склону почвенный материал темного, почти черного цвета, находящийся явно в перемещенном состоянии. Нами были произведены небольшие зачистки этих осыпей по всему склону от самого верха до уровня расположения вешалов. Наряду с попадавшими в мусор костями морских млекопитающих (морж, нерпа), фрагментами фаянсовой посуды, кирпича, стекла и фрагментов кровельного железа, дерева и др. явно советского времени в осыпи обнаружены явно перемещенные изделия из клыка моржа позднепунукского периода, а также фрагменты керамики.

В целях обнаружения сохранившегося культурного слоя в 7 м к востоку от юго-восточного угла фундамента разобранной школы был заложен шурф размерами 1 х 1, 5 м, глубиной до 1 м, ориентированный по линии север–юг. Стратиграфия шурфа не представительна: темный, почти черный однородный слой с камнями разной величины. Верхние два штыка содержали кирпичи и стекла, но уже на втором штыке обнаружены фрагменты керамики и кости животных, небольшое количество которых находилось до уровня остановки раскопок: на глубине 80–90 см от поверхности пошли многолетнемерзлые слои – вечная мерзлота. На глубине около 40–50 см обнаружено каменное орудие. В целом характер слоя, содержащего артефакты, производит впечатление перемешанного. Видимо, при строительстве школы на склоне выравнивалась площадка не только под фундаментом, но и вокруг здания.

Описание немногочисленных артефактов, обнаруженных нами в 2016 г. в осыпях на склоне, а также в шурфе возле школы в Наукане, приводится по категориям и в порядке, предложенном С.И. Руденко в описании его науканской коллекции.

Предметы охоты и рыболовства

К предметам, относящимся к охотничьему снаряжению морских зверобоев, относится фрагмент колка гарпуна, вытянутой стержневидной формы, сужающийся к концу. Относительно большой диаметр части колка, которая вставлялась во втулку (закрытое гнездо) на наконечнике гарпуна, свидетельствует о

Рис. 3. Находки в Наукане. 2016 г.

крупных размерах самого поворотного наконечника, характерного для гарпунов позднепунукского времени (рис. 3: 6).

Передняя часть наконечника копья изготовлена из о.р. моржа с заостренным концом линзовидного сечения и шлифованной поверхностью. Черешковая часть наконечника утрачена (рис. 3: 3). Такие наконечники копий бытовали у эскимосов на протяжении всего времени существования культуры.

Бола для ловли птиц из клыка моржа в виде конуса со скошенным основанием и отверстием сверху (рис. 3: 5) также характерна для всех периодов развития древнеэскимосской культуры.

Составная часть универсального крюка-багра из клыка моржа в виде слегка изогнутого округлого в сечении стержня на массивном основании в виде вытянутого треугольника с двумя поперечными отверстиями. Эта часть составного крюка привязывалась при помощи отверстий к древку (рис. 3: 1).

Средняя часть ромбовидного в сечении наконечника стрелы или дротика из сланца со шлифованной поверхностью (рис. 3: 12).

Различные орудия и инструменты

Кирка-мотыга из клыка моржа, точнее, ее рабочая часть, которая крепилась в деревянной рукояти. Мотыга имеет уплощенное острие и обух со следами сколов. В центре – перехват в виде поперечных насечек для крепления к рукояти (рис. 3: 7). Это одно из массовых и распространенных орудий у древних эскимосов, используемое для земляных работ и «добывания съедобных кореньев» [Руденко 1947:31]. По-видимому, в качестве мотыги использовалось и орудие с уплощенным лезвием и поперечными насечками из о.р. моржа (рис. 3: 8).

Костяная рукоять крупного женского ножа-уляка с горбатой изогнутой спинкой, продольной прорезью для пальцев и узким пазом для крепления лезвия. Ширина паза свидетельствует о том, что, вероятнее всего, рукоять могла использоваться для железного, а не каменного лезвия (рис. 3: 2).

Фрагмент шлифованного орудия из сланца (рис.3: 10).

Каменное изделие, возможно, заготовка наконечника стрелы листовидной формы, обработанное с двух сторон сколами по всей поверхности. Технология обработки камня сколами и ретушью доживает у эскимосов до очень позднего времени (рис. 3: 4).

Часть клыка моржа с характерными следами разрезания вдоль для получения заготовки нужной формы. Для разрезания (разделки) клыка использовались каменные, а позднее железные орудия (рис. 3: 9).

Поперечный срез клыка моржа (рис. 3: 11).

Керамика

С.И. Руденко, собравший коллекцию древних артефактов в Наукане, не мог не обнаружить такой самый массовый археологический материал, как фрагменты керамических сосудов. Среди подъемного материала и находок в шурфе 2016 г. керамика численно превышает все другие предметы. Так же обстоят дела и на поселениях Эквен и Пайпельгак более раннего (древнеберингоморского и бирниркского времени). Керамический материал является одним из важнейших

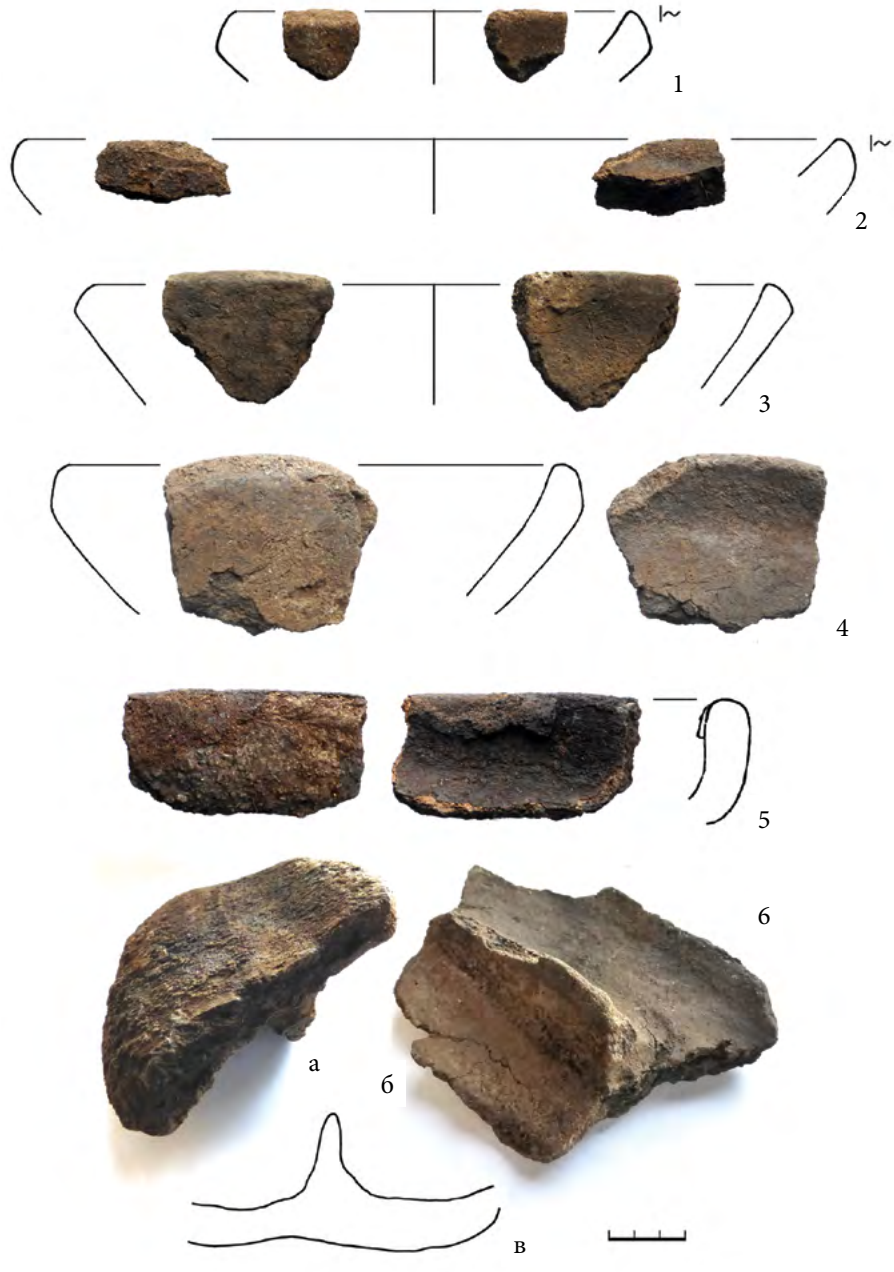


Рис. 4. Керамика из Наукана. Фрагменты мисок и жирников. 1–5 – слева фотография черепка снаружи, справа – изнутри; 6 – фотографии и профиль обломка жирника

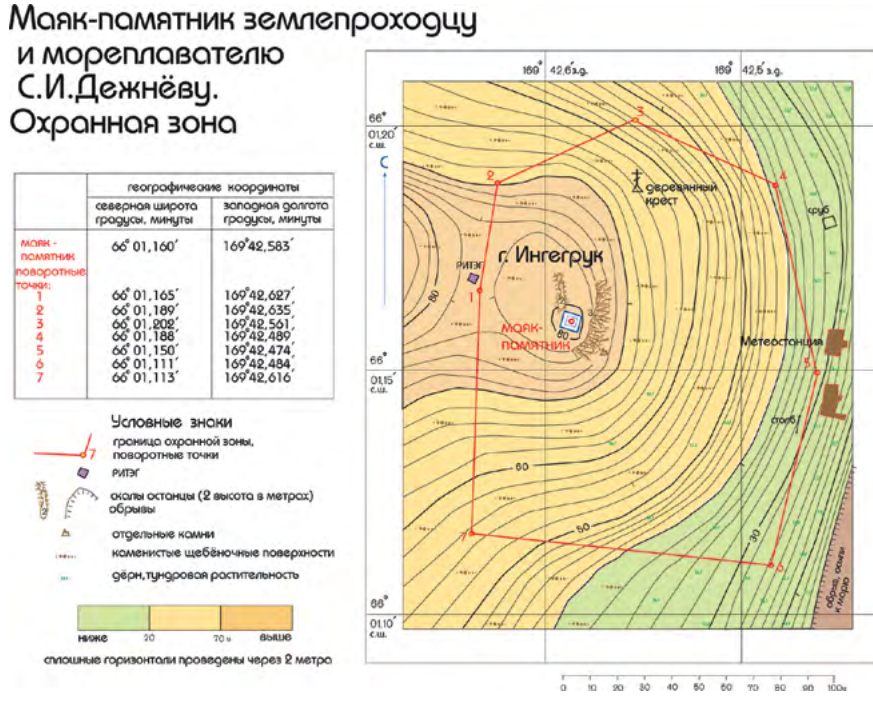
Рис. 5. Керамика из Наукана. Фрагменты котелков и глубоких мисок. Слева фотография черепка снаружи, справа – изнутри

его в острог, выдержав по дороге стычку с тунгусами, в которой был ранен. В 1642 г. Дежнёв и Михаил Стадухин предприняли поход на реку Оймякон. Дежнёв был ранен в стычке с «ламутскими тунгусами», но собрал ясак и, отослав его в Якутск, спустился со Стадухиным на Индигирку и прошел на восток до реки Алазеи. По дороге отряд Дежнёва соединился с отрядом Дмитрия Зыряна, а затем к ним подошел и Стадухин, который прибыл на Колыму морем. В 1644 г. в устье Колымы был основан Нижнеколымский острог. В 1645 г. Стадухин и Зырян двинулись с ясаком в Якутск, оставив в Нижнеколымске Дежнёва с 13 казаками. Впоследствии Дмитрий Зырян вернулся к Дежнёву, которому пришлось отбивать нападение на Колымск племени юкагиров. В бою Дежнёв был вновь ранен – стрелой в голову.

20 июня 1648 г. Дежнёв и приказчик устюжских купцов Усовых Федот Алексеевич Попов с отрядом в 90 человек на шести кочах (поморских ладьях, имевших дополнительную обшивку корпуса по ватерлинии. – *Прим. ред.*) двинулись вверх по Колыме и вышли в Восточно-Сибирское море. Еще один коч – Герасима Анкудинова шел вместе со всем караваном, но предводитель отряда состоял в напряженных отношениях с Дежнёвым.

Целью экспедиции был сбор «рыбьего зуба» (моржового клыка) и ясака и приведение «под высокую царскую руку» новых племен и территорий. Плавание с самого начала оказалось неудачным – три коча потерялись при выходе в море, а в августе 1648 г. затонул еще один. Тем не менее Дежнёв и Попов двига-

Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока. Д.Ю. Широков. 2013 г.



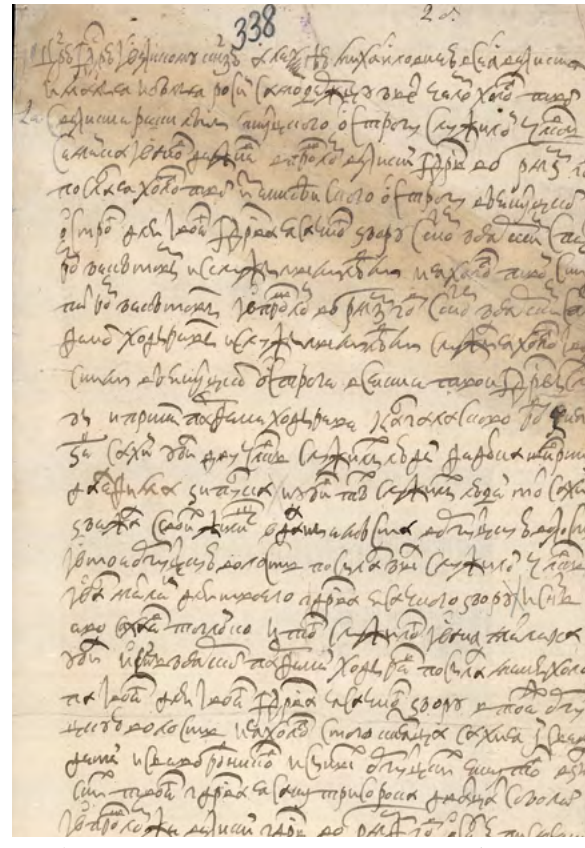
лись далее на восток, прошли Большой Каменный Нос (ныне – мыс Дежнёва) и вышли из Северного Ледовитого в Тихий океан. Вскоре после этого Ф.А. Попов был ранен в бою с чукчами, а затем шторм разнес суда Дежнёва и Попова «без вести». Коч Дежнёва, на котором было 25 человек, носило по морю и выбросило где-то южнее устья реки Анадырь. Начались странствования С.И. Дежнёва и его товарищей по суше.

Они шли «холодны и голодны, наги и босы» вверх по Анадырю, и от первоначального отряда к зиме осталось только 12 человек. На Анадыре Дежнёв и его товарищи зимовали, а летом, построив новый коч, двинулись вверх по реке, где встретили анаулов (анаулы – одна из юкагирских родоплеменных групп. – *Прим. ред.*), которых тут же обложили ясаком. Анаулы пытались сопротивляться, в бою Дежнёв был тяжело ранен, но сопротивление удалось подавить, и глава отряда выжил. Зиму 1649—1650 гг. казаки провели в Анадырском остроге, выстроенном ими в среднем течении реки. В апреле 1650 г. в Анадырский острог пришел сухим путем отряд атаманов Михаила Стадухина и Семёна Моторы. Совместно с Дежнёвым, Стадухин и Мотора на протяжении двух лет совершали походы на чукчей, добывая ясак и «рыбий зуб». Дежнёву удалось обнаружить огромное лежбище на реке Анадырь, где он в течение четырех лет добыл для казны 239 пудов «рыбьего зуба». Служба Дежнёва в Анадырском остроге, проходившая в боях и лишениях, продолжалась до 1659 г., когда он сдал острог Курбату Иванову и еще два года промышлял «рыбий зуб» в свою пользу. В 1662 г. Дежнёв возвратился в Якутский острог, где составил челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой так описывал свои походы:

«А я холоп твой, пошед из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои государевы службы и твой государев ясак збирал на великой реке Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах – на Яне, и на Оемоконе, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Ковыме, и на Анандыре реках — без твоего государева денежного и хлебного жалованья, своими подъемы. И будучи же на тех твоих государевых службах в те многие годы всякую нужу и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну приимал — двадцать один год. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, своим государевым денежным и хлебным жалованием за те прошлые годы, а за мое службишко и за кровь и за раны и за многое терпенье пожалуй, государь, меня, холопа своего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, Бог известит».

Заслуги Дежнёва были велики, и он получил почетное поручение – доставить в Москву гигантскую «костяную казну», собранную в первую очередь его усилиями. Общая стоимость «рыбьего зуба», привезенного атаманом в столицу, составила огромную по тем временам сумму – 17 340 рублей. Сам же Дежнёв за свою службу получил жалованье в размере 38 рублей и 67 ½ копейки деньгами и 97 аршин сукна. За лично добытую им кость Дежнёв получил из казны всего 500 рублей. Также за заслуги Дежнёв был пожалован в чин казачьего атамана с окладом 9 рублей деньгами, 7 четвертей ржи, 4 четверти овса и 2 ¼ пуда соли в год.

В 1666 г. Дежнёв вернулся в Якутск, однако, о его службе известий не сохранилось. Вероятно, преклонный возраст уже не позволял ему совершать далекие походы и сражаться с «немирными иноземцами». Однако он не только оставался на службе, но и пользовался особым доверием властей. В 1670 г. Дежнёв получил ответственное поручение – доставить в Москву соболиную казну, которое успешно исполнил, прибыв в столицу 25 декабря 1671 г. В Москве Дежнёв и умер в 1673 г. [Визе 1948:566–577; Белов 1948, 1973].



Челобитная С.И. Дежнёва. 1662 г. Российский государственный архив древних актов

Плавание из Колымы к Анадырю С.И. Дежнёв описал в двух отписках и четырех челобитных 1655, 1662, 1664, 1665 и 1666 гг. Эти документы, доказывающие приоритет Дежнёва в открытии Берингова пролива, хранились в архиве Якутской воеводской избы, где были обнаружены выдающимся археографом и историком Г.-Ф. Миллером в 1736 г. Считается, что ранее об экспедиции Дежнёва ничего не было известно. Между тем о походе казаков на Северо-Восток и открытии им пролива между Евразией и Америкой содержатся сведения в трудах жившего в России философа и публициста Ю. Крыжанича «История Сибири» (1680) и голландского географа Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1692). Однако имя Дежнёва этим авторам не было известно. Вероятно, сведения С.И. Дежнёва были учтены и при составлении русских чертежей Сибири (например, карты Семёна Годунова в 1667—1668 гг.), где показано море, омывающее Чукотский полуостров [Белов 1949:459–471].

В 1736 г. Г.-Ф. Миллер обнаружил в архиве Якутской воеводской избы отписки Дежнёва и опубликовал их в «Примечаниях к Санкт-Петербургским Ведомостям» (1742) и сборнике «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» (Январь. СПб., 1758). В 1890 г. архивист Н.Н. Оглоблин нашел в Московском архиве Министерства юстиции (ныне – Российский государственный

архив древних актов) еще четыре челобитные Дежнёва, которые опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» [Оглоблин 1890:250–306]. Эта публикация способствовала привлечению интереса к личности Семёна Дежнёва и напрямую повлияла на процесс увековечения на Чукотке памяти о нем.

Увековечение памяти Семёна Дежнёва на Чукотке

Впервые идея о наименовании Большого Каменного Носа – он также именовался в документах XVIII—XIX вв. Чукотский Нос, Необходимый Нос, Восточный мыс (последнее название дано Д. Куком) – именем Семёна Ивановича Дежнёва была высказана знаменитым полярным путешественником шведом Н.-А.-Э. Норденшельдом, который в 1878—1879 гг. впервые прошел на пароходе «Вега» Северным морским путем. В 1898 г. по инициативе Русского географического общества в ознаменование 250-летия плавания Дежнёва Восточный мыс получил имя великого землепроходца.

Дальнейшая история увековечения памяти Дежнёва на Чукотке и создания первоначального мемориала прослежена А. Першиным на основании документов из Центрального военно-морского архива [Першин 2004]. Инициатива в этом принадлежала Приамурскому отделу Русского географического общества, стремившегося таким образом отметить 50-летний юбилей присоединения Приамурья к Российской империи. В феврале 1898 г. отдел объявил конкурс на памятник С.И. Дежнёву; памятник планировалось открыть 16 мая в Хабаровске, в день юбилейного празднования. Среди тех, кто откликнулся на призыв Приамурского отдела, был знаток местной истории и художник генерал-майор М.С. Латернер[1]. Он лично составил художественный проект, но остался недоволен монументом и посчитал необходимым ознакомиться с природой того края, где проходила эпопея Дежнёва для более достоверного изображения его подвига на барельефах, которыми планировалось украсить боковые стороны памятника. Благодаря содействию командования Владивостокского порта Латернеру удалось совершить путешествие к мысу Дежнёва. Решение о памятнике отложили до возвращения Латернера из путешествия. Однако предпринятое плавание не только не разрешило художественных затруднений Летернера, но и привело его к мысли о необходимости сооружения памятника Дежнёву не в Хабаровске, а непосредственно на самом мысе Дежнёва. Более того, Латернер предполагал, что памятник должен был представлять собой полезное для мореходства сооружение – а именно маяк, – однако, реализация этой идеи произошла уже независимо от Латернера и спустя почти полвека после его путешествия.

Таким образом, идея возведения памятника С.И. Дежнёву в Хабаровске не получила своего дальнейшего развития, зато предложенный Латернером вариант размещения монумента оказался востребован.

В 1910 г. приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер[2] предпринял плавание на военном транспорте «Шилка», которым командовал капитан II ранга А.Н. Пелль[3]. Целью плавания было «обозрение отдаленных владений» Приамурского края. В пути Унтербергер высказал мысль о том, что путешествие должно ознаменоваться сооружением памятника Дежнёву там, где он совершил

свое плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий. По мысли генерал-губернатора таким памятником должен был стать большой деревянный крест, в чем нельзя не видеть символического значения – на Руси издревле кресты являлись также и указателями, то есть своеобразными маяками.

Бронзовый бюст С.И. Дежнёва. 2016 г.

На пути следования к мысу Дежнёва «Шилка» зашла в Императорскую Гавань (ныне – Советская Гавань, город в Хабаровском крае), где на борт были погружены 20 огромных лесин лиственницы и прямо на судне началось под наблюдением лейтенанта М.И. Жеденева «приготовление отдельных частей памятника». 30 августа судно подошло к эскимосскому поселку Наукан (в отчете Унтербергера – Нунукан), расположенному в 6,5 км к юго-западу от мыса Дежнёва. В 200 м от северной границы поселения, на естественной возвышенности, известной как гора Ингегрук, было решено возвести крест. На самом мысе Дежнёва монумент поставить не представлялось возможным – этому мешали крутые скальные берега, да и к берегу в этом месте «Шилка» не могла подойти из-за льдов. Совместными усилиями команды транспорта и жителей Наукана, бревна были выгружены и подняты на берег. Генерал Унтербергер описывает эти события следующим образом:

«“Шилка” встала на якорь недалеко от берега, и вскоре на нее прибыл на байдаре один из торгующих чукч Напасак, пользующийся особым влиянием в селении. Через него были заказаны три байдары в помощь нам при выгрузке и доставке на берег отдельных частей креста. Байдары вскоре прибыли, и спущенные в воду брусья были отбуксированы к берегу. Место для постановки креста было выбрано вблизи селения на отдельной возвышенности, около 300 фут над уровнем моря, на которой выступала внаружу скала из серого мрамора.

Медная табличка с креста 1910 г.

Составные части креста были собраны в г. Петропавловске. Крест, около 7 саж. высоты, состоял из двойных лиственничных брусьев, скрепленных железными хомутами с насаженными по концам железными бугелями. Доставка креста на высоту, хотя и в разобранном виде, составляла значительные трудности. Горы спускались к берегу крутым обрывом и для втаскивания одного 3-х саж. 4-х вершк. бруса приходилось назначать от 30—40 человек. Кроме деревянных частей, на место работы подтаскивались железные части, проволочный трос, переносная кузница, наковальни, уголь, цемент и др. В подноске и подтаскивании много помогали чукчи, причем обратил на себя внимание по силе один, который, перекинувши через плечо бухту проволочного троса весом около 7 пуд., внес ее до верху, не останавливаясь. Команда и офицеры транспорта работали без устали, стремясь скорее закончить работу, боясь, что при перемене ветра берег затрет льдом и прекратится сообщение с судном. Работа на второй день еще не была окончена, между тем лед шел по морю все гуще и гуще, и гнало уже целые ледяные поля с намерзшими на них глыбами до 5 саж. высотою» [Унтербергер 1912:286].

Ухудшившаяся ледовая обстановка заставила экипаж «Шилки» поднять якорь и отойти в более спокойное место – бухту, в которой находился Дежнёвский пост (к западу от Наукана, обогнув мыс Пээк). 1 сентября «Шилка» вернулась к Наукану, и тогда был установлен 15-метровый крест. На 1 м он был заглублен в землю и возвышался над землей высотою почти в 14 м (6,5 сажени).

Прикрепленная к нему медная табличка гласила:

ПАМЯТИ ДЕЖНЕВА

Крест сей воздвигнут в присутствии Приамурского Генерал-Губернатора Генерала Унтербергера командою военного транспорта «Шилка» под руководством командира капитана 2 ранга Пелля и офицеров судна

1 сентября 1910 г.

Мореплаватели приглашаются поддерживать этот памятник.

IN MEMORY OF DESHNEFF

This cross has been created in presence of the Governor- General of the Amour Provinces General Unterberger by the crew of H.J.R.B.M. slip «Shilka» under the conduct of commander Pell and ship's officers.

1 September 1910

Navigators are requested to keep this monument order and repair.

По окончании работ моряки разъяснили жителям Наукана значение памятника и поручили им «смотреть за ним». За помощь в установке науканцы были награждены табаком, чаем, сахаром, им также достались оставшийся лесной материал, железо и проволока [Унтербергер 1912:289].

Крест-памятник был уничтожен в 1928 г. [РГАЭ Ф.9570. Д.610:306]

Восстановление памяти о Дежнёве и новый памятник

В 1943 г. деревянный крест с прежней табличкой восстановил учитель Уэленской школы, писатель Николай Иванович Максимов (1911–1993). В 1939 г. он переехал на Чукотку и начал работать учителем, а затем – директором школы в Уэлене. В 1942–1945 гг. был редактором газеты «Советский Уэлен», где опубликованы его первые произведения. В 1945 г. Максимов переехал в Порт-Артур, где преподавал в школе для советских военнослужащих, а затем переселился в Хабаровск. Там Максимов не забыл о Чукотке – писал роман «Поиски счастья», действие которого происходит на берегах Берингова пролива (завершен в 1952 г. и представлялся на Сталинскую премию, но не получил ее), и обращался в различные инстанции по поводу создания нового, советского памятника Дежнёву на мысе Дежнёва. Свою инициативу Максимов проявил или активизировал в 1948 г. – в год 300-летнего юбилея плавания Семёна Дежнёва.

Дежнёвский мемориал. 1950–1960-е гг.

Науканцы у памятника С.И. Дежнёву. 1950-е гг.

Итогом обращений Максимова стало постановление Совета министров СССР № 4670 от 17 декабря 1948 г., которое обязало Главное управление Северного морского пути построить в 1949 г. памятник С. Дежнёву на мысе Дежнёва и «разрешило» этой же организации выплатить 3000 рублей премии учителю Н.И. Максимову «за инициативу по розыску и восстановлению временного памятника Дежнёву» [Известия ВГО Т.81:363]. Надо сказать, что история креста 1910 г. отражена и в романе Максимова «Поиски счастья», но в духе времени инициатива возведения памятника приписана гардемарину Ивану Тугаринову – помору и русскому патриоту, а вовсе не Унтербергеру, немцу и царскому генералу.

В интернет-энциклопедии «Википедия» говорится, что идея установки памятника Семёну Дежнёву на названном в честь него мысе принадлежит писателю, этнографу и географу Сергею Николаевичу Маркову (1906—1979)[Марков]. С.Н. Марков был репрессирован, участвовал в Великой Отечественной войне, путешествовал, жил в Петропавловске-Камчатском, Новосибирске, Архангельске. Он много занимался исследованием русских путешествий в Тихом океане, написал книги о Н.Н. Миклухо-Маклае, Н.М. Пржевальском, освоении Аляски. В 1948 г. вышла его книга о Семёне Дежнёве, в которой высказывается мысль о необходимости поставить памятник землепроходцу на мысе Дежнёва. Скорее всего, Марков и Максимов пришли к этой идее независимо друг от друга, но именно Максимов, а не Марков приложил усилия для ее реализации. По крайней мере, в архивах не сохранилось свидетельств о том, что Марков как-то продвигал свое предложение по инстанциям.

Максимов, напротив, не остановился, добившись постановления Совета министров. 13 февраля 1953 г. он обращается в Совет министров, указывая, что ГУСМП так и не построило памятник Дежнёву. Это письмо было переправлено

Гидрографы прикрепляют табличку 1910 г. к новому кресту. 1970-е гг.

5 марта 1953 г. и.о. начальника ГУСМП В.Ф. Бурханову с просьбой сообщить о положении дел как Максимову, так и в Совмин СССР [РГАЭ Д.610:305–306]. Ответ ГУСМП показывает, что, вероятнее всего, за другими делами этого обширного ведомства проект памятника был если не забыт, то, по крайней мере, отодвинут в сторону.

«Ввиду недостаточности ежегодно выделяемых средств на нижелимитное строительство Главсевморпути не смогло до 1953 года приступить к строительству памятника Дежнёву.

В текущем году на строительство памятника выделены 300 тыс. рублей, ведутся переговоры с Управлением художественного фонда СССР о заключении договора на гранитно-бронзовые работы памятника-обелиска С.И. Дежнёву.

Окончание строительства памятника С.И. Дежнёву предусматривается в 1954 г.» – таков был ответ В.Ф. Бурханова Максимову [РГАЭ Д.610:308]. С этого времени процесс сооружения памятника ускорился.

В строительной документации ГУСМП встречаются эпизодические упоминания о возведении памятника Дежнёву, чем занималось Провиденское управление треста «Арктикстрой». По документам 1954 г. сметная стоимость всего памятника была оценена в 1 млн 700 тыс. рублей. Для сравнения: больница на 35 коек в Диксоне стоила 709 тыс., баня-прачечная там же – 600 тыс., 24-квартирный дом в Мурманске – 1 млн 786 тыс., баня в Якутске на 50 человек – 1 млн 747 тыс. [РГАЭ Д.3564:82]. Согласно изученной документации в 1954 г. на памятник было выделено 400 тыс. руб., в 1955 г. – 69 тыс., в 1956 г. – 313,2 тыс. [РГАЭ Д.2702:28, Д.2746:172]. Таким образом, общая сумма оказывается значительно ниже сметы – была ли она полностью исполнена или удалось обойтись суммой 782 тыс. – не вполне ясно. Возможно, часть финансовой документации не сохранилась или пока не выявлена. Список строившихся объектов, закон-

ченных в 1956 г., включает в себя и памятник С.И. Дежнёву. При этом указано, что состояние объекта «хорошее» [РГАЭ Ф.9570. Д.2746:172].

В памяти науканских эскимосов сохранились воспоминания о возведении памятника С.И. Дежнёву.

Яков Тагъёк вспоминал:

«Под новый памятник проводили взрывные работы, выравнивали площадки …. Науканцы подняли с берега бюст С. Дежнёва с помощью двух шестов, к которым привязали его лахтачьими ремнями. Когда бюст поднимали наверх, почти все науканцы спустились на берег. Они взвалили его на плечи и подняли по склону горы наверх. Одни на плечах несли, другие помогали с помощью ремней тянуть вверх. Бюст очень тяжелый. Он весит около полтонны» [Леонова 2014:31].

Существуют разноречивые сведения об авторах монумента. В одних изданиях автором указывается инженер Б.К. Семененко, в других – художник В. Семёнов, скульптор З. Бажанова, архитектор Н. Чекмотаев, инженеры В. Яныкин, В. Тышев и Е. Морозов [Диков 1960:169–170; Белов 1977; Василевский 1977; Першин 2004]. Прояснить этот вопрос могли бы архивные свидетельства, однако пока проектная документация на памятник не обнаружена.

Из предполагаемых авторов памятника наиболее известна скульптор и керамист Зинаида Васильевна Баженова (1905—1977) – она являлась одним из авторов фонтана «Дружба народов» на ВДНХ (1951). Ею выполнены различные формы для отливки фарфоровых скульптур на Ленинградском и Дулевском фарфоровых заводах [Ростовцева 1961]. Мягкие линии и некоторая декоративность, свойственные творчеству З.В. Бажановой, просматриваются в стилистике бюста Семёна Дежнёва на памятнике-маяке.

Установка нового креста. 1970-е гг.

Кроме того, необходимо отметить, что медная табличка с датой «1955», установленная на заднем фасаде памятника-маяка, не может быть принята для дати-

ровки памятника: судя по документам, годы его изготовления 1954—1956 гг.

В документах Науканского сельсовета за 1950-е гг. строительство памятника-маяка не нашло своего отражения. Он упоминается только один раз в довольно своеобразном контексте. 20 мая 1955 г. на IV сессии Науканского сельсовета рассматривались итоги «медицинской экспедиции», в ходе которой было установлено, что санитария в поселке развита слабо. В результате сельсовет принял следующее решение: «Поручить зав. школы тов. Емрон договорится с маяком о предоставлении бани каждый 10 день для мытья школьникам, и исполкому необходимо договориться с маяком в отношении помывки всего населения» [ГА ЧАО:50]. Это свидетельство показывает, что в 1955 г. маяк уже существовал и действовал. При нем жили служащие и содержали баню. Вероятно, сама конструкция была выстроена, но отделка не завершена. Не исключено также, что строительство маяка еще продолжалось, но при нем уже имелась баня.

Наукан. Июль-август 1989 г.

Согласно документам, находящимся в архиве Департамента образования, культуры и молодежной политики Чукотского автономного округа, в 1975 г. на памятнике-маяке были проведены реставрационные работы, а затем в 1980—2010-е гг. он неоднократно подвергался косметическому ремонту.

В 2013 г. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока под руководством К.А. Днепровского обследовала памятник с целью подготовки охранной документации, составила план окружающей местности и акты, характеризующие современное состояние монумента. К настоящему времени памятник содержит многочисленные утраты, обветшал и требует комплексной научной реставрации. При этом состояние памятника удовлетворительное, не аварийное.

Как ни странно, после строительства нового памятника деревянный крест 1943 г. остался. Он виден на фотографиях конца 1950-х гг. Крест упоминается как существующий в публикации 1977 г. Возможно, в 1970-е гг. один деревянный крест сменил другой. Он простоял до конца 1980-х гг., и первоначальная табличка была прикреплена к этому кресту. Затем, в 1990-е гг., крест рухнул. В 2002 г. биолог А. Кочнев обнаружил табличку 1910 г., лежащую на склоне ниже памятника-маяка. Не имея возможности забрать эту реликвию для передачи ее в музей, А. Кочнев спрятал табличку в одном из зданий метеостанции [Кочнев][4]. Впоследствии табличка была утрачена окончательно. Ее поиски, произведенные тем же А. Кочневым в 2015 г., а летом 2016 г. сотрудниками Чукотской экспедиции К.А. Днепровского, оказались безрезультатными. Возможно, к настоящему времени табличка покинула мыс Дежнёва и находится в частных руках.

Новый крест был изготовлен омскими мастерами В. Эссеном и В. Карпенко в 1998 г. и установлен жителями Уэлена в 2003 г. под руководством омичей С. Гришмановского и Р. Бондарева. Освящал этот крест настоятель церкви Св. Михаила Архангела села Лаврентия священник Леонид Цапок [Смышляев][5]. Спустя некоторое время и этот крест обрушился и в настоящее время лежит ниже по склону горы Ингегрук. На смену этому памятнику тогда же в 2000-е гг. был поставлен деревянный крест высотой 3,2 м, находящийся ниже на склоне горы к северо-востоку от памятника-маяка.

* * *

Наукан. 2013 г.

История монументов С.И. Дежнёву на мысе Дежнёва насчитывает более 100 лет. В непосредственной близости от остатков эскимосского поселка Наукан образовалась ценная историческая территория. Находящиеся здесь памятники (крест, памятник-маяк, здания метеостанции, могила мальчика Э. Рудича, сына учительницы науканской школы, умершего в 1942 г.), а также сама топонимика этого места напоминают об участии европейцев, в первую очередь русских в освоении Чукотки. Если Наукан является памятником традиционной культуры эскимосов, напоминает о тысячелетней истории освоения этой территории морскими арктическими зверобоями, то памятник-маяк – свидетельство русского присутствия на Чукотке и вместе с тем – памятник эпохи активного развития Северного морского пути в XX столетии.

Приложение 1

Описание П.Ф. Унтербергером установки памятника С.И. Дежнёву в 1910 г.

Во избежание риска быть задержанными туманом при подходе к берегу решили бухту Св. Лаврентия оставить в стороне и прямо направиться к п. Дежнёва. Но через несколько часов хода туман усилился, и мы простояли на якоре до рассвета следующего дня, когда, при разъяснившейся погоде, открылся левый мыс Берингова пролива. Оказалось, что мы находились ближе к посту, чем предполагали. Через два часа бросили якорь против Дежнёвского поста в одной мили от берега. Был ясный солнечный день, но кругом нас было много шуги, а бухта перед постом оказалась сплошь забитой льдом. Отправившаяся к посту десятка принуждена была вернуться, так как ей не удалось пробиться к берегу.

Дежнёвская станция Северо-Восточного Сибирского общества состояла из нескольких жилых построек и складов. Около них были и помещения торгующего американца. Вблизи на пригорье расположилось 7 чукотских яранг. На берегу видно было движение людей, но и им не удалось на байдарах или вельботах добраться до судна. На очищение бухты от льда можно было рассчитывать лишь при перемене ветра, а так как это трудно было определить вперед, то транспорт снялся с якоря и направился к с. Нунукан, находящемуся вблизи м. Дежнёва, где и предполагалось воздвигнуть приготовленный крест в память казака Дежнёва.

С. Нунукан, одно из самых больших чукотских стойбищ, живописно расположено на крутых склонах горных массивов западного берега Берингова пролива. Яранг в нем насчитывается около 60. Благодаря благоприятному для нас направлению ветра, берег перед селением был чист от льда, и только в расстоянии около мили шла полоса льдин, мили полторы в поперечнике, направлявшаяся течением в пролив, и вскоре на нее прибыл на байдаре один из торгующих чукч Напасак, пользующийся особым влиянием в селении. Через него были заказаны три байдары в помощь нам при выгрузке и доставке на берег отдельных частей креста. Байдары вскоре прибыли, и спущенные в воду брусья были отбуксированы к берегу. Место для постановки креста было выбрано вблизи селения на отдельной возвышенности, около 300 фут над уровнем моря, на которой выступала внаружу скала из серого мрамора. Составные части креста были собраны в г. Петропавловске. Крест, около 7 саж. высоты, состоял из двойных лиственничных брусьев, скрепленных железными хомутами с насаженными по концам железными бугелями. Доставка креста на высоту, хотя и в разобранном виде, составляла значительные трудности. Горы спускались к берегу крутым обрывом и для втаскивания одного 3-х саж. 4-х вершк. бруса приходилось назначать от 30—40 человек. Кроме деревянных частей, на место работы подтаскивались железные части, проволочный трос, переносная кузница, наковальни, уголь, цемент и др. В подноске и подтаскивании много помогали чукчи, причем обратил на себя внимание по силе один, который, перекинувши через плечо бухту проволочного троса весом около 7 пуд., внес ее до верху, не останавливаясь. Команда и офицеры транспорта работали без устали, стремясь скорее закончить работу, боясь, что при перемене ветра берег затрет льдом и

прекратится сообщение с судном. Работа на второй день еще не была окончена, между тем лед шел по морю все гуще и гуще, и гнало уже целые ледяные поля с намерзшими на них глыбами до 5 саж. высотою. Из опасения быть сорванным с якоря транспорту приходилось сниматься и обходить надвигающиеся большие ледяные поля. Остаться еще вторую ночь пред Нунуканом командир «Шилки» не решился и вечером 31 августа снял с берега всех офицеров и команду и отправился к п. Дежнёва, где судно, зайдя за скалистый мыс, оказалось в безопасности. В случае изменения погоды к худшему было решено работу бросить, в надежде, что ее окончит на следующий год другое судно, которое отправилось бы в эти воды для охраны наших промыслов.

Во время работ по сборке креста было осмотрено с. Нунукан, состоявшее из двух частей, между которыми протекал ручей, впадающий каскадами в море.

Чтобы попадать из одной части селения в другую, приходилось карабкаться по узким тропинкам и большим камням. Сообщение между отдельными ярангами, расположенными террасами по крутому каменистому склону горы, было также крайне неудобное. Для образования площадки под ярангу приходилось складывать из валунов полукруглые опорные стенки. Вид стойбища напоминает аулы Кавказа. Яранги были просторные, и по всей утвари и запасам моржового мяса и оленьих окороков можно было заключить, что селение зажиточное. Встречались даже американские камбузы взамен примитивных очагов для приготовления пищи. Снаружи виднелись рамы с растянутыми моржовыми шкурами для сушки. Для обтяжки байдар шкуры разрезаются по всей плоскости на две и тогда уже просушиваются. Между ярангами стояло много деревянных домиков американской постройки, которые, впрочем, не служили для жилья, а лишь для склада имущества и товаров. Зайдя в один из таких складов, чукчи Напасака, застали там сложенными различные товары для торговли, а именно разную пушнину, китовый ус, сахар, чай, табак, фаянсовую посуду, мануфактурный товар и др. Были даже американские кресла. Селение это ведет самые оживленные сношения с американцами, и шхуны последних постоянно появляются здесь. При приближении к Нунукану такая шхуна была замечена у берега; завидевши военное судно, она немедленно снялась и намеревалась, прокрадываясь вдоль берега, уйти. Ее остановили холостым выстрелом, и тогда она повернула и подошла к «Шилке». Шхуна оказалась «Hazel», хорошо известная на Чукотском полуострове своей торговлей спиртом. Ее обыскали, но, не найдя спирта, отпустили. По-видимому, она успела уже свезти его на берег, так как в Нунукане было встречено вскоре потом несколько пьяных чукч, заявивших, впрочем, что недавно приходивший в Дежнёв почтовый пароход Добровольного флота Чинг-то-фу много привез спиртных напитков, и показывали бутылку с русской этикеткой.

В Нунукане живут айваны и говорят не по-чукотски, а по-эскимосски. Многие из них объясняются и по-английски, по-русски же только некоторые. Народ рослый, женщины и девицы с белыми лицами, и многие из них очень недурны.

Вокруг селения разбросаны могилы чукчей, на которых лежат моржовые черепа и разная домашняя утварь.

Лесной растительности на окружающих селение горах, высотою около 2000 фут — никакой. Выкидного леса, по отсутствию вблизи больших рек почти

вовсе нет. Травяной покров довольно сильный. Еще в сентябре было собрано много крупных незабудок с сильным медовым запахом, которые при переменной воде держались свежими целую неделю.

Из Нунукана можно было, так как день был ясный, разглядеть мыс Принца Валлийского на Американском берегу и совершенно ясно видеть остров Рахманова (Большой Диомид), за которым проходить граница между Россией и Северо-Американскими Штатами.

На о. Рахманове большое чукотское селение. Во время стоянки «Шилки» около Нунукана туда прибыла байдара с чукчами с о. Рахманова. Чукчи эти говорили по-английски и на вопросы, чьими подданными они себя считают, определенно ответили «We belong to Russia» (мы принадлежим России).

Факт тот, что они говорят по-английски, доказывает их частое сношение с американцами. Между тем русские суда туда вовсе не заходят; следовало бы нашим охранным судам поручать заходить на о. Рахманов и поддерживать связь с населением острова, выясняя их нужды, дабы администрация области могла их посильно удовлетворять.

1 сентября «Шилка» вновь вернулась к Нунукану, и в этот день удалось водрузить собранный уже за день перед тем крест. Нижней своей частью он зарыт в землю, возвышаясь над уровнем земли около 6 ½ саж. Для большей прочности он был обложен крупными камнями на цементе, образуя площадку, на которую вели каменные ступени. Вокруг креста зарыты деревянные столбы с рымами, за которые закреплены идущие с оконечностей креста оттяжки из проволочного троса, дабы придать кресту большую устойчивость при ветрах, дующих здесь, в зимнее время, с особенною силою. Крест остался невыкрашенным, так как лес на него употребленный не вполне еще высох.

Ближайшее руководство по сооружению и установке креста находилось в руках старшего офицера лейтенанта Жеденова, а помощником его был механик транспорта Орлов. Это первый монумент, воздвигнутый отважному казаку Семёну Дежнёву. На кресте прикреплена медная доска с соответствующей надписью.

Чукчам было подтверждено, чтобы они смотрели за памятником и берегли его. Когда им разъясняли его значение, то они тщательно справлялись, огибал ли Дежнёв мыс около Берингова пролива с Азиатского материка или с Американского, а затем заучивали старательно его фамилию.

За свою помощь по постановке памятника чукчи щедро были награждены табаком, сахаром и чаем, и кроме того, им был подарен весь оставшийся лесной материал, проволока и железо.

По возвращении офицеров и команды, после постановки памятника, на транспорт генерал-губернатор поздравил их с окончанием достойного славных русских моряков дела, при исполнении которого каждый внес свою долю посильного труда для увековечения деяния Семёна Дежнёва, первого русского морехода, вышедшего из Ледовитого океана в Тихий. Да будет ему вечная память!

Затем генералом Унтербергером была провозглашена здравица за обожаемого государя императора, за его славу и величие и за благоденствие Великой России.

Перекатами по волнам и льдинам Ледовитого океана раздалось могучее ура офицеров и команды «Шилки», и загремел салют в 31 выстрел. Тотчас потом корабль снялся с якоря и, лавируя между льдинами, подошел к п. Дежнёва. [Унтербергер 1912:285-289]

Приложение 2

Переписка по вопросу об установке памятника-маяка С.И. Дежнёву. 1953 г.

№ 1. Письмо управляющего делами Совета министров СССР М.Т. Помазнева и.о. начальника Главного управления Северного морского пути В.Ф. Бурханову об установке памятника С.И. Дежнёву. 5 марта 1953 г.

5.03.1953 г.
Управление делами
Совета министров
№ 60-1
Главсевморпути при Совете
Министров СССР
тов. Бурханову В.Ф.

Направляется на Ваше рассмотрение письмо т. Максимова о сооружении памятника С.И. Дежнёву на мысе Дежнёва.

О результатах рассмотрения прошу сообщить т. Максимову и в Совет министров СССР.

Приложение: Копия письма т. Максимова 13 февраля 1953 г. на одном листе.

Управляющий делами
Совета министров СССР (М. Помазнев)

№ 2. Письмо писателя Н.И. Максимова в Совет министров СССР об установке памятника С.И. Дежнёву

Совету министров СССР

К вопросу об установлении на Чукотке памятника С.И. Дежнёву

Своим Постановлением от 17 декабря 1948 года за № 4670 Совет министров СССР обязал Главное управление Северного морского пути соорудить в 1949

году на мысе Дежнёва памятник С.И. Дежнёву. Однако Постановление это не выполнено до сегодняшнего дня, и на мысе Дежнёва по-прежнему стоит старый крест с мемориальной доской, установленный в 1910 году, разрушенный в 1928 году и вновь восстановленный мною в 1943 году.

Постановление Совета министров СССР за № 4670 опубликовано в Известиях Всесоюзного географического общества за 1949 г. (Том 81, вып. 3, стр. 363). За инициативу по розыску и восстановлению временного памятника С.И. Дежнёву этим же Постановлением Правительства я был премирован.

В связи с вышеизложенным считаю, что дело мною не доведено до конца – это и побуждает меня обратить внимание Совета министров СССР то, что его Постановление остается невыполненным.

Н. Максимов
13/II.1953 г.
Хабаровск, Союз писателей

№ 3. Письмо и.о. начальника Главного управления Северного морского пути В.Ф. Бурханова управляющему делами Совета министров М.Т. Помазневу об установке памятника С.И. Дежнёву. 14 марта 1953 г.

М.Т. Помазневу
14.03.1953 г.
В Совет министров СССР

Совет министров СССР Постановлением от 17 декабря 1948 г. № 4670 обязал Главсевморпуть соорудить в 1949 году на мысе Дежнёва памятник С.И. Дежнёву.

Во исполнение указанного Постановления Правительства, Главсевморпути разработало техническую документацию на строительство памятника-маяка и уточнило место строительства.

В проекте плана на капитальное строительство на 1951 год Главсевморпути предусмотрело средства на сооружение памятника, но при рассмотрении в Госплане эти работы были исключены.

Ввиду недостаточности ассигнований на нижелимитное строительство, выделенных Главсевморпути на 1952 год, эти работы также включены не были, и только в плане капитального строительства на 1953 год предусмотрено на строительство 300 тысяч рублей, в связи с чем Главсевморпути просит Совет министров СССР разрешить окончить сооружение памятника С.И. Дежнёву в 1954 году.

И.о. начальника Главсевморпути при Совете министров СССР
В. Бурханов

№ 4. Письмо и.о. начальника Главного управления Северного морского пути В.Ф. Бурханова писателю Н.И. Максимову по вопросу об установке памятника С.И. Дежнёву. 19 марта 1953 г.

Г. Хабаровск Приморского края
Союз писателей
Максимову Н.М.[6]

По Вашему письму от 13 февраля с.г. в Совет министров СССР о строительстве памятника С.И. Дежнёву сообщаю.

Ввиду недостаточности ежегодно выделяемых средств на нижелимитное строительство, Главсевморпути не смогло до 1953 года приступить к строительству памятника С.И. Дежнёву.

В текущем году на строительство памятника выделено 300 тыс. рублей и ведутся переговоры с Управлением художественного фонда СССР о заключении договора на гранитно-бронзовые работы памятника-обелиска С.И. Дежнёву.

Окончание строительства памятника С.И. Дежнёву предусматривается в 1954 году.

И.о. начальника Главсевморпути В.Ф. Бурханов

РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 610. Лл. 305—308, 312.

Примечания:

1. Михаил Сергеевич Латернер (1857–после 1922) – генерал-майор (с 1906), участник русско-турецкой войны. С 1891 г. – военный следователь, а с 1897 г. помощник прокурора Приамурского военно-окружного суда, с 1905 г. – военный судья Сибирского, а с 1905 г. – Приамурского военно-окружного суда. С 1911 г. – в отставке. В годы Гражданской войны – в белых войсках Восточного фронта. Известен как художник и авторитет в области искусства, с 1900 г. – секретарь Владивостокского общества поощрения изящных искусств.

2. Павел Фёдорович Унтербергер (1842, Симбирск – 1921, Ремплин, Германия) инженер-генерал (1906), военный губернатор Приморской области (1888–1897), нижегородский губернатор (1897–1905), войсковой атаман Уссурийского казачьего войска, приамурский генерал-губернатор (1905–1910). С 1910 г. – член Государственного совета. Автор описаний Приморской области (1900) и Приамурья (1912). Умер в эмиграции в Германии.

3. Александр Николаевич Пелль (1874 – после 1933) – капитан I ранга (1915), участник русско-японской войны. В 1910–1912 гг. командовал транспортами «Шилка» и «Алеут». С июля по сентябрь 1918 г. командовал Сибирской флотилией. После революции остался в Советской России, преподавал. В 1931 г. арестован, умер в лагере.

4. Эту информацию Анатолий Кочнев подтвердил при личной встрече в июле 2016 г.

5. Так в тексте здесь и далее. – *Прим. авт.*

6. Так в документе, хотя, правильно было бы: Н.И.

Использованная литература

Белов М.И. 1948. Семён Дежнев. М.: Изд-во Главсевморпути.

Белов М.И. 1949. Историческое плавание Семёна Дежнева // Известия ВГО. Т. 81. Вып. 5. М.–Л. С. 459–471.

Белов М.И. 1973. Подвиг Семёна Дежнева. М.

Белов М.И. 1977. Список памятных знаков и памятников освоения Советской Арктики // По следам полярных экспедиций. М.

Василевский Б.А. 1977. Хождение к Семёну Дежневу // Памятники Отечества. Кн. 3. М.

Визе С.Ю. 1948. Семён Дежнев (К 300-й годовщине открытия Берингова пролива) // Известия Всесоюзного географического общества (ВГО). Том 80. Вып. 6. М. С. 566–577.

Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Р-176. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

Диков Н.Н. 1960. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории. Магадан.

Известия Всесоюзного географического общества (ВГО). Том 81. Вып. 5. М.

Кочнев – Живой журнал А. Кочнева. Затерянные среди туристов – 5: Медная реликвия // Электронный ресурс: http://panzer-bjorn.livejournal.com/34808.html?thread=1068792.

Леонова В.Г. 2014. Наукан и науканцы. Владивосток: Дальпресс.

Марков С.Н. // электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Марков,_Сергей_Николаевич.

Оглоблин Н.Н. 1890. Семён Дежнев (1638–1671 гг.) (Новые данные и пересмотр старых) // Журнал Министерства народного просвещения. № 11. С. 250–306.

Першин А. 2004. Доброе дело командора Пелля // Живописная Россия. № 17.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570. Оп. 2. Д. 610, 2702, 2746, 3564.

Ростовцева Г.А. 1961. Зинаида Васильевна Баженова [Скульптор]. М.

Смышляев А.А. Молитва о Чукотке. Мы в Арктику несли российский флаг… // электронный ресурс: http://prihodtemir.prihod.ru/tvorchestvo_a._a._smyshljaeva/view/id/1146893

Унтербергер П.Ф. 1912. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. 13 / Под ред. В. В. Морачевского. СПб. С. 222, 286–291.

Татьяна Печетегина. Гравированный клык «Первые учителя Чукотки» (фрагмент). Уэлен. 1983 г. Музейный Центр «Наследие Чукотки»

Б.А. Василевский
Писатель (Москва)

Дорога в Наукан

Полвека тому назад довелось мне жить и учительствовать в Уэлене. Приехав туда по окончании филфака МГУ в 1964 году, я понял, как мне повезло – этот небольшой чукотско-эскимосский поселок оказался именно тем местом, куда я хотел попасть, и именно таким, как я его себе представлял. Еще больше повезло мне в том, что рядом с Уэленом оказался такой поселок, как Наукан. С каких-то пор в воспоминании я стал больше любить Наукан, чем Уэлен. До оконечности мыса Дежнёва, крайней восточной точки страны, от поселка километров двадцать. Я не раз бывал там, в этом обезлюдевшем селении на обрывах Берингова пролива, и с первого взгляда полюбил это место, как и дорогу к нему – вернее, путь, потому что никакой дороги, даже тропинки малой там нет. Сразу за поселком – сопка, по склону которой поднимаешься долго, часа два, и долго, оборотясь, можешь видеть Уэлен, стоящий на узкой галечной косе, в окружении лагуны и моря. Постепенно скрываются домики, ближайшие к сопке, остается только полярная станция в дальнем конце поселка, потом и она пропадает. За сопкой – распадок и крутая стена другой, еще более высокой горы… Кочковатый, зеленый, как и лежащая внизу тундра, местами сочащий-

ся водой склон перемежается черными осыпями громадных камней, глубоко между ними виднеется иногда лед, который до зимы, наверное, и не растает. К концу подъема уже порядочно устаешь, однако не останавливаешься, не отдыхаешь, не смотришь по сторонам, чтобы сделать это не торопясь, как следует, на самой вершине. Увенчивают ее кекуры, останцы, каменные столбы, подобные башням древней крепости, уцелевшим под соединенным натиском солнца, дождя, мороза, ветра. Вот сюда, на самую высшую точку мыса Дежнёва, ради открывающегося с нее вида ты и стремился.

«А через тот Камень ходу день; а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское», – говорится в пояснениях к старинной карте. Оба моря, то есть оба океана – Северный Ледовитый и Тихий. И не только два океана – к западу простирается слегка всхолмленная равнина тундры, замыкающаяся далеко на горизонте цепью гор. Тундра поблескивает множеством ручьев и речек, сверху они напоминают нарисованные детской рукой деревья с ветвями, отягощенными плодами озер. Впереди же, на востоке, между двумя понижающимися сопками, словно в кубке прозрачном, светится ярко-синий треуголь-

Уэлен. 1960-е гг.

ник Берингова пролива. А в ясную летнюю ночь, при невысоком поостывшем солнце, когда не струится от земли, не дрожит и не размывает даль нагревшийся воздух и все предметы видятся особенно отчетливо и выпукло, еще дальше можно различить такие же, как и вокруг тебя, горы с остатками снега – оконечность другого материка, мыс Принца Уэльского, Аляску. С этой сопки не торопишься уходить: внезапно очень хорошо представляешь себе весь лежащий за твоей спиной материк, потом и другой, напротив, и вот уже не два океана и два материка, но разом созерцаешь всю Землю, чувствуя, что не просто на вершине стоишь, а на одной из немногих, самых примечательных вершин мира.

Отсюда до «крайней точки» еще два – два с половиной часа ходу. Пересекаешь небольшую глубокую долину, поднимаешься на последний перевал, и открываются перед тобой каменные обрывы мыса Дежнёва и вся ширь Берингова пролива с высоким скалистым островом посередине. «А против того Носу есть два острова...» – писал Дежнёв в своей отписке. Да, их два, Большой Диомид, он

же остров Ратманова, и Малый Диомид, или остров Крузенштерна, но отсюда, с берега, хорошо виден только Большой, Малый же самым краешком выглядывает из-за него, так что если не знаешь, что он есть, то и не отличишь на таком расстоянии. Снежные вершины Аляски по-прежнему видны чуть левее островов, и ловишь себя на мысли, что Дежнёв тоже поднимался на этот берег, не мог не подняться, а следовательно, обязательно заметил бы Новую Землю – «чаятельной берегъ Северной Америки», как надписал позже М. Ломоносов на своей карте, – когда бы оказался в проливе в разгар лета, в такие вот редкие и недолгие погожие дни. Но он только в конце июня, раньше льды не позволяли, вышел семью кочами из устья Ковымы-реки, два с половиной месяца плыл вдоль побережья Студеного моря, терпя «морские розбои», то есть крушения, и теряя кочи, и лишь в сентябре три судна достигли оконечности Большого Каменного Носа. А в эту пору здесь начинаются штормы, дует северяк, и несущийся по ветру дождь мешается с туманом и снегом. Осенью скалы Берингова пролива заставляют вспомнить описание их, данное российским путешественником в начале XIX века: «Место сие представляет ужаснейшее зрелище: черные, страшно друг на друга упирающиеся утесы, между коими особенно отличается один, имеющий совершенно вид пирамиды, вселяют какое-то чувство содрогания. Сие сокрушение страшных утесов заставляет человека размышлять о великих превращениях, которые некогда в природе здесь последовали...» Ну а сейчас пролив зеркально гладок, редкие разбросанные льдины недвижны и кажутся влитыми в его поверхность, очертания скал действительно причудливые и резкие, смягчены в рассеянном свете белой ночи, и крики птиц: морских уток, бакланов, топорков, летящих над самой водой, – не нарушают, а еще более подчеркивают царящие здесь тишину и покой.

Теперь вниз, где уже виднеются маяк и крест. Возле них также обязательно останавливаешься, обходишь кругом, читаешь надписи. На потемневшей медной доске, прикрепленной к высокому деревянному кресту, на двух языках, русском и английском, написано:

ПАМЯТИ ДЕЖНЁВА
Крест сей воздвигнутъ въ присутствии
Приамурского Генералгубернатора
Генерала Унтербергеръ
командою военного транспорта «Жилка»
под руководством
командира капитана II ранга Пелль
и офицеров судна.
1 сентября 1910 года
Мореплаватели приглашаются поддерживать
этот памятникъ.

Крест установили после того, как в 1898 году, в связи с 250-летием открытия Северо-Восточного прохода, по ходатайству Русского географического общества мыс Восточный был переименован в мыс Дежнёва.

Рядом, в нескольких метрах, и маяк, сооруженный в 1956 году Главным управлением Северного морского пути (автор проекта инженер Б.К. Семененко). В этом месте склона выходит наружу твердая скальная порода – массивная эта глыба служит маяку естественным основанием. Немногие ступеньки ведут на квадратную площадку. По углам ее, как водится, – тумбы, между которыми провисли тяжелые цепи. Башня маяка начинается четырехугольным, слегка сужающимся цоколем, на нем – четырехугольная же пирамида, заканчивающаяся на высоте шестнадцати метров огороженной площадкой с фонарем-прожектором. Над прожектором – тонкий, со звездочкой шпиль.

Б. Василевский и радист Науканской метеостанции Г. Акимов. Наукан. 1966 г.

Вход в башню прикрывается обычно стальной дверью, но даже ее мощные петли не выдержали бурь. Заглядываешь внутрь и видишь: уходят вверх и теряются в темноте колодца вделанные в стену скобы-ступени.

На восточной, обращенной к проливу стороне башни, прямо над цоколем – бронзовый бюст уже немолодого бородатого землепроходца с простыми и сильными чертами русского помора. Взгляд его, как и положено, устремлен «встречь солнцу». Внизу, на чугунной доске слова:

Самый восточный памятник в стране
Семён Иванович
Дежнёв
Родился около 1605 г.
Умер в 1672 г.

На другой ее стороне:

С.И. Дежнёв
В 1648 году первым из мореплавателей
открыл пролив между Азией и Америкой
и морской путь вокруг
Северо-Восточной Азии.

Этот маяк – самый восточный памятник в стране. Немного ниже его, на узком карнизе над морем были домики станции, где жили и работали несколько

Возвращение с охоты. Уэлен. 1950-е гг. Музейный Центр «Наследие Чукотки»

поселок Нунямо теперь тоже, как когда-то и Наукан, опустел. Местные власти, в их вечном недоумении, что делать дальше с чукчами и эскимосами, выручило тогда начинание общегосударственного масштаба – насчет «неперспективных» поселков и деревень. Тут же и в Чукотском районе составлен был свой план – «закрытия» таких поселков: предполагалось прекратить там всякое производство и строительство, а жителей собрать в два-три пункта. Вот с Нунямо и начали. Но чем занять нунямцев, бывших науканцев, в райцентре? Тогда придумали так: в «нунямском доме» оставили только стариков и детей, а тех, кто способен трудиться, отправили за шестьдесят километров, в поселок Лорино, где еще поддерживался исконный морзверобойный промысел. То есть пошло уже не разделение племени, а разделение семей. «Бедные люди!» – помню, только и сказал сопровождавший меня тогда по поселку местный журналист.

Я тогда, вернувшись, написал об этой ситуации, – не конкретно с науканцами, а с «неперспективными поселками» вообще – большой очерк «Прощание с Уэленом». Объяснял там, в частности, что эти немногие, редкие, на сто, на двести километров друг от друга, поселки – не только обжитое, освоенное побережье – это, помимо всего, великая древность, это следы многотысячелетнего пути человека в его проникновении все дальше на Север, с теми лишениями и трудностями, с теми поражениями и победами, о которых мы, цивилизованные люди, и подозревать-то теперь никогда не сумеем! И что по одному этому уже необходимо их сохранить!..

Очерк был напечатан в «Дружбе народов», и после один знакомый работник окружкома говорил мне, что эта публикация помогла им отстоять некоторые поселки. Однако не обольщаюсь: когда это у нас всякие гуманные призывы помогали что-либо отстоять? И – от кого, от каких врагов?..

Известный мне науканский народ как народ уже исчез, развеялся. Остались отдельные, сами по себе, «бедные люди». И язык, особенный науканский диалект эскимосского языка, тоже потерян, исчез, или, во всяком случае, неизбежно скоро исчезнет. Хотя бы потому, что с кем они, науканцы, рассеявшись, будут на нем говорить?.. Останется разве лишь в книге доктора филологических наук Г.А. Меновщикова «Язык эскимосов Берингова пролива» (Л.: Наука, 1980. – Тираж 800 экз.)…

Тут, конечно, может быть вопрос: в мире, в стране, в обществе такие катаклизмы, потрясения, все рушится, переворачивается, а он – со своими несколькими десятками эскимосов? – и казалось бы, спрашивающий будет прав. Но и… совершенно неправ! Да ведь это прекрасно, что «не здесь» творится и движется история, с ее бесконечными вывертами, – это такой мог бы быть

В Уэлен пришел «генгруз». В.В. Леонтьев. 1950-е гг. Музейный Центр «Наследие Чукотки»

шанс! Ведь эти эскимосы и другие подобные им народы отлично вписались в свой суровый ландшафт, заняли свою, по выражению Льва Гумилева, «экологическую нишу», продержались в ней не одну тысячу лет и могли бы существовать и дальше, до бесконечности. «Но, – как написал тот же Л. Гумилев, – если в эту систему вторгается новая чужая этническая целостность, то она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет его обитателей».

Как это происходит в современности? Это в прежние, грубые, нецивилизованные века было просто: покорить силой, объясачить, выгрести пушнину, «заморный зуб», и прочее ценное, взамен плеснуть «огненной воды». Если не

Председатель колхоза «Герой труда» Л. Караваев. Уэлен. 1960 г. Музейный Центр «Наследие Чукотки»

дают и сопротивляются – убить. Но в наше, трижды просвещенное время приходится действовать деликатнее, тоньше. Сначала надо объявить, что все мы – «единая, дружная семья народов», «воодушевлены одной высокой целью», потом навязаться со своим языком, своей культурой, своей историей, с ее далекими даже от нас князьями и царями, междоусобицами, войнами и революциями, потом с генсеками, президентами, «дальнейшим улучшением», «реформами», «прогрессом», «цивилизацией». Вовлечь эти народы в свою историю. А история – она, как известно, не только история зарождения, усиления и расцвета, но и неизбежно всегда – история упадка и гибели… И нам бы, раз уж мы такие цивилизованные, уважить бы эти народы, победившие самую непобедимую вещь на свете – время, оставить бы их в покое и, может быть, даже поучиться у них! Глядя издали… Но беда всякой цивилизации (смотри опять же историю) – всегда в ней самой, в ее неспособности остановиться,

Бригадир строителей Тымневакат. Уэлен. 1968 г. Музейный Центр «Наследие Чукотки»

Сергей Тегрылькут. «Танцы журавлей». Моржовый клык. Лорино. 1987 г. Государственный музей Востока

между художниками, представлявшими две совершенно разные культуры: культуру полярных морских зверобоев и оленеводов – чукчей и эскимосов, и культуру, в основе которой лежали духовные ценности русского и других европейских народов.

«Уэленская школа», «уэленский феномен», получили, как уже говорилось, широкое признание на Чукотке. Столь же высокую оценку дали этому художественному явлению специалисты – искусствоведы, этнографы, культурологи Москвы, Ленинграда, Магадана, Хабаровска. Во второй половине XX в. работы косторезов Уэлена, изделия вышивальщиц Уэленской мастерской часто экспонировались на художественных выставках в самых крупных городах нашей страны, в зарубежных странах, их охотно приобретали областные, краевые, столичные музеи. Большинство чукотских и эскимосских резчиков и граверов были приняты в Союз художников, многие из них получили звания «заслуженных художников Российской Федерации». Можно привести массу других примеров, свидетельствующих о том, какое большое значение придавалось художественным промыслам уэленцев всего три-четыре десятилетия назад, но сейчас важнее сказать о другом.

Какой видится нам ситуация в современном народном искусстве Чукотки? Каково нынешнее положение Уэленской косторезной мастерской? Как складываются судьбы художников Уэлена – резчиков и граверов по кости, мастериц, создающих меховые мозаики и вышивки подшейным оленьим волосом?

Если вновь не вдаваться в детали, если говорить о главном, многое вызывает у нас тревогу. На Чукотке изготавливают сейчас большое число изделий из кости, меха, кожи. Их продают на праздниках, их можно увидеть в Интернете. Этот факт, казалось бы, должен вызывать чувство радости, но как только внимательно всмотришься в подобные предметы, испытываешь иное чувство.

Лидия Теютина. «Выбор невесты». Моржовый клык. Уэлен. 2009 г. Государственный музей Востока

Лидия Теютина, Александр Вакатгиргин. «Нападение волков на оленя». Моржовый клык. Уэлен. 2008 г. Государственный музей Востока

Большинство изделий, называемых их авторами «художественными», таковыми не являются.

Есть у «проблемы качества» в современных художественных ремеслах Чукотки еще одна сторона. Долгое время резьбой по кости занимались в Чукотском автономном округе только жители его северо-востока. В наши дни косторезы работают в Анадыре, Провидения, Эгвекиноте, Билибино. Появление у косторезного искусства Чукотки «новых адресов» можно только приветствовать, тем более что среди новых художников есть, безусловно, хорошие мастера. Но всегда ли авторские изделия даже самых талантливых из них отвечают тем особым художественным принципам, что складывались в искусстве коренных северян в течение столетий? Иными словами, есть ли надежда, что в будущей книге «Шедевры искусства Чукотки», где будут собраны действительно выдающиеся произведения подлинно национального изобразительного творчества ее народов, окажутся хотя бы некоторые из этих работ?

Этот важный вопрос должен быть задан сегодня не только «новым художникам», но и также резчикам и граверам Уэлена. Создаваемые ими скульптурные и графические композиции, в частности, те, что мы каждый год видим на выставках-ярмарках в Москве, не всегда соответствуют высоким критериям, которым неизменно отвечали работы их предшественников, их учителей. Однако, оценивая творчество современных уэленских художников в целом, мы можем уверенно говорить о том, что в нем еще сохраняются многие черты традиционного чукотского и эскимосского искусства резьбы и гравировки по кости.

Как долго мастера «уэленской школы» смогут удерживать столь высокую планку? Ответить на это нелегко. С одной стороны, в последние годы ушли из жизни замечательные резчики и граверы Галина Иргутегина, Иван Сейгутегин, Лидия Теютина, Валерий Ныпевги. С другой стороны, и сегодня продолжает работать заслуженный художник РФ Татьяна Печетегина – представительница целой династии резчиков и граверов, создававших Уэленскую мастерскую. По-прежнему работают в Уэлене Александр Игнатовский, Станислав Нуневен-

тин, Максим и Марина Эргиро, Сергей Комиссаров. Высокие награды получили в 2014 году на Всероссийском конкурсе косторезного искусства произведения Андрея Сейгутегина и Игоря Гырголя. Приходит в мастерскую и молодежь, что, безусловно, имеет огромное значение, поскольку, если у нынешних мастеров не будет учеников, промысел неизбежно угаснет.

Размышляя о будущем «уэленского феномена», мы, безусловно, помним о том, что многое зависит здесь от того, как будут решаться организационные, хозяйственные, финансовые проблемы, связанные с работой Уэленской мастерской, с обеспечением художников качественным сырьем, с достойной оплатой их труда. Когда почти пятнадцать лет назад, в 2002 г., в Анадыре проходила научно-практическая конференция «Косторезное искусство и музеи Чукотки (история, перспективы)», авторы этой статьи высказывали свои предложения по этому поводу. Мы говорили, что народные художники и работники культуры должны объединить свои усилия и убедить администрацию округа в необходимости поддерживать художественные промыслы. Мы говорили, что крайне необходимо обеспечить передачу знаний от поколения к поколению и, в частности, с раннего возраста обучать детей и подростков основам национальной художественной культуры. Мы ратовали за возрождение творческих семинаров, чтобы народные мастера и искусствоведы могли, как прежде, обмениваться мнениями и вместе искать ответы на сложные вопросы, которые ставит перед нами жизнь. Мы рассказали о том, как в Канаде совместно работают художники-инуиты и культурологи, о том, как успешно реализуется в этой стране программа «Художники в школах».

Эскимосский мяч. Кожа, подшейный олений волос. Уэлен (?), Наукан (?). 1950-е гг. Государственный музей Востока

Многое из того, о чем говорилось на конференции 2002 г., остается актуальным и сегодня. Изменения к лучшему за прошедшие годы, безусловно, произошли, и тем не менее мы вновь считаем своим долгом обратиться с призывом ко всем, кому дорого будущее искусства Чукотки, не оставлять без поддержки народных художников Уэлена. Мы обращаемся к губернатору Чукотского автономного округа, к Правительству Чукотки, к ее депутатам с настоятельной просьбой разработать специальную программу, направленную на поддержку Уэленской косторезной мастерской. Мы предлагаем вновь воссоздать ее филиалы в Лорино, в Инчоуне, в Нешкане, так, как это было в 1980-х гг. Мы просим открыть филиалы УКМ в других национальных поселках, и, может быть, непосредственно в Анадыре. Предлагаем также, учитывая тесную взаимосвязь всех видов традиционного искусства чукчей и эскимосов, восстановить в Уэленской косторезной мастерской цех по работе с мягкими материалами.

Говоря о создании программы по комплексной поддержке народных художественных промыслов Уэлена, мы исходим, в частности, из того, что на нынешней конференции обсуждается вопрос о включении Наукана в существующий в ЮНЕСКО Список памятников всемирного наследия. Косторезное искусство уэленцев, сохранившиеся в Уэлене традиции создания художественных изделий из кожи и меха – это тоже, без сомнения, культурное наследие высочайшего, всемирного уровня. Кроме того, Уэлен и Наукан связаны друг с другом самым тесным образом. На протяжении столетий люди, населявшие эти селения, вместе охотились, вместе торговали, вместе устраивали праздники. «Уэленский феномен» был создан не только собственно уэленцами. В 1930-50-х гг. науканские резчики по кости работали по таким же, как в Уэлене, программам. После того как в 1958 г. науканцев выселили из родного поселка, несколько эскимосских семей перебрались в Уэлен, и прославленный науканский резчик Хухутан стал одним из ведущих художников Уэленской косторезной мастерской. В 1970-1980-х гг. в УКМ плодотворно работал другой науканец, исключительно одаренный гравер Ёмрыкаин. В наши дни в поселке Лаврентия живет и работает в традициях «уэленской школы» резчик и гравер Александр Эйнетегин, родители которого тоже были науканцами.

Мы могли бы привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что жители Наукана и жители Уэлена внесли равноценный вклад в создание художественных промыслов на северо-восточной оконечности Чукотки, что в будущей книге о шедеврах ее искусства творчество уэленцев и творчество науканцев будет освещено на одних и тех же страницах. Поэтому сегодня нам представляется вполне оправданным говорить о том, что в окрестностях мыса Дежнёва существует особая «историко-культурная территория», где сосредоточены чрезвычайно ценные памятники старины, где поныне развиваются традиционные художественные ремесла. Если этой части Чукотского автономного округа будет придан подобный статус, легче станет привлечь внимание федеральных органов власти к сохранившимся здесь «объектам истории и культуры», к творчеству современных уэленских художников, ко всем проживающим здесь людям – наследникам древней и самобытной культурной традиции, одним из проявлений которой является «уэленский феномен».

Мария Кокорахтына, Дмитрий Эйнес. Сумочка для швейных принадлежностей. Кожа, мех, моржовый клык. Уэлен. 1982 г. Частное собрание

Юго-восток Чукотского полуострова

Географическое положение Провиденского района обусловило специфические черты его климата, природы и истории. Многообразен животный и растительный мир этого ареала. Именно здесь обнаружены стоянки людей, населявших Чукотку в древнем каменном веке. В неолите именно в этих краях существовала высокоразвитая китобойная культура, один из памятников которой, «Китовая аллея» получил мировую известность. Не случайно и то, что коренные жители побережий и континентальной тундры на юго-востоке Чукотского полуострова до сих пор сохраняют хозяйственные занятия своих предков – морской зверобойный промысел и оленеводство. Дополнительное своеобразие культурной ситуации, существующей в Провиденском районе, придают морские круизы, благодаря которым здесь бывает значительно больше туристов, чем где-либо еще в нашем округе. О том, как работники культуры и сотрудники Национального парка «Берингия» встречают гостей, как ведут наблюдения за состоянием исторических памятников, за флорой и фауной ареала, рассказывают директор Музея Берингийского наследия Т.М. Загребина и главный хранитель музея И.А. Загребин.

Музей Берингийского наследия. Провидения

Т.М. и И.А. Загребины
Музей Берингийского наследия (Провидения)

Музейная деятельность как источник формирования культурного пространства Провиденского городского округа

Проблемы туризма

Одним из показателей успешной работы музея считается его посещение не менее чем 50% жителей данной территории. Изменения численности посетителей в ту или иную сторону зависят от интенсивности туристического сезона в летний период, от количества организуемых музеем временных выставок, от возможности осуществления музейными работниками других видов деятельности. По нашим наблюдениям, увеличение числа людей, приходящих в Провиденский музей, происходит каждый год за счет мероприятий, проводимых нами вне здания музея, а также благодаря разрабатываемым его сотрудниками новым образовательным программам.

Особенности географического положения поселка Провидения обусловили тот факт, что среди посетителей нашего музея есть не только постоянные жители нашей страны, но также иностранные туристы. Количество последних может значительно варьироваться. Приведем некоторые цифры за последние пять лет. Если в 2010–2012 гг. число «внешних туристов» составляло 150–250 человек в год, то в 2013–2015 гг. оно увеличилось до 450–599 человек.

Иностранные туристы прибывают в наш поселок главным образом на борту круизных судов. Так, в 2015 г. туристические теплоходы посещали порт Провидения шесть раз. Это были следующие круизные суда:

Silver Discoverer – 20 и 25 августа, основная часть – туристы из США и Канады.

Le Austral – 22 августа, туристы в основном из Франции.

Bremen – 7 и 10 сентября, туристы из Германии.

Le Soleal – 17 сентября, туристы из Франции.

Российским агентом иностранных туристических компаний был, как и в прежние годы, один туроператор – компания «Пасифик Нетворк» (г. Петропавловск-Камчатский). Суда заходили в порт Провидения для оформления пограничного и таможенного контроля во время круизов по Берингову морю, по трассе Северного морского пути, а также по Тихоокеанскому побережью Азии. Наиболее интересный круиз совершал теплоход Bremen, для которого бухта Провидения была конечным пунктом в путешествии из Тромсе (Норвегия) и Мурманска (Россия) по Северному морскому пути. Отметим также, что круизное судно Le Soleal посетило наш порт в 2015 г. впервые.

Все туристы, сходившие в поселке Провидения на берег, посетили Музей Берингийского наследия и ознакомились с его постоянной экспозицией и временными выставками. Экскурсионное обслуживание иностранных посетителей проводилось на английском языке. В целом их число увеличилось по сравнению с 2014 г. на 147 человек и составило 599 человек, что превысило соответствующий показатель за все время, начиная с 2000 г. Количество «внешних туристов» могло быть, однако, еще больше, если бы в наш порт пришло круизное судно «Капитан Хромов» компании Heritage Expedition (Новая Зеландия), осуществлявшее в прежние годы чисто «чукотские» круизы, но в 2015 г. оно в порт Провидения, к сожалению, не заходило.

Наш опыт работы в минувшем году выявил еще одну проблему. В круизе на судне Silver Discoverer, выполнявшем рейс из Нома (Аляска) вдоль Тихоокеанского побережья России (Чукотка, Камчатка, Курильские острова, о. Сахалин) и далее в Японию, была группа российских туристов. Для них оказалось легче совершить перелет из Москвы в Ном и начать круиз с территории США, чем

Поселок Новое Чаплино. Провиденский район

сесть на теплоход в порту Провидения. Причина этому – сложная транспортная схема: невозможно заказать и купить билеты в летний период из Анадыря в Провидения, а также нельзя найти информацию в Интернете о рейсах местных авиалиний. Только этими негативными обстоятельствами можно объяснить тот факт, что за весь 2015 г. в п. Провидения и Провиденском районе, где расположены уникальные природные объекты и памятники культуры, побывала только одна туристическая группа из центральных районов страны.

Экскурсионное обслуживание иностранных гостей является, безусловно, важным направлением в нашей музейной деятельности, но вопреки распространенной точке зрения «внешний туризм» не дает значительного прироста числа посетителей музея. Свидетельствуют об этом следующие цифры. В 2012 г. Провиденский музей посетило 150 иностранцев и 2397 россиян. В 2013 г. иностранных туристов было 580, а «внутренних туристов» 2661 человек. В 2014 г. это соотношение было таким: 462 и 2573. В 2015 г., как уже отмечалось, в музее побывало 599 «внешних туристов», число же наших соотечественников, приходивших в музей, составило 2904 человека.

Приведенные числа позволяют сделать еще один важный вывод. Сопоставляя сведения о количестве «внутренних посетителей» за последние несколько лет, нетрудно заметить, что их количество остается примерно на одном уровне, а если и возрастает, то медленно. Одно из препятствий, мешающих росту потока российских туристов, названо выше – транспортная проблема. Решить ее без содействия окружных органов власти Провиденский музей, разумеется, не в состоянии. Однако у нас есть возможности, что тоже уже было отмечено, сделать музей более интересным для наших земляков. Сменяющие друг друга временные выставки, различные культурные мероприятия вне стен музея, постоянно обновляющиеся образовательные программы – таковы основные пути привлечения в музей местных жителей. Материалы для осуществления подобных проектов в Провиденском музее, конечно же, есть. Больше того, с каждым годом количество их возрастает, так как музей ведет большую собирательскую и исследовательскую работу. Эта работа связана в первую очередь с охраной окружающей среды. Экологические проблемы волнуют в наши дни всех, и работа музея в этом направлении не может не вызывать интереса у жителей Провиденского района. Остановимся подробнее на том, что сделано нашим музеем в этой области только за один 2015 гг.

Музей и охрана окружающей среды

Как и в предыдущие годы, сотрудники Музея Берингийского наследия поддерживали в 2015 г. тесные контакты с научным отделом Национального парка «Берингия». Мы совершали совместные поездки по территории юго-востока Чукотского полуострова, совместно изучали природу, обменивались информацией об охране окружающей среды нашего региона.

С особым вниманием музей вел наблюдения за особенностями природы в окрестностях бухты Провидения. За прошедший год мы осуществили 49 «выходов в природу». Их целями были наблюдение за формированием ледового и снежного покровов, за состоянием льда в бухте Эмма. Мы фотографировали

растения, животных, ландшафты, изучали особенности восстановления растительности в местах, испытавших негативное антропогенное воздействие, в том числе на территории, где в прошлом располагался пограничный отряд, где ремонтировалась теплотрасса.

Проводились нами также регулярные фенологические наблюдения. Мы вели их преимущественно на так называемых «модельных участках»: на мысах Лихачева, Пузино, Чуфан, на склоне горы Портовая, в бухте Хед, в урочищах Ясная Поляна, Цветок, Урелики, Средние Озера.

Кроме краткосрочных «выходов в природу» был проведен ряд выездов на более удаленные от Провидения территории – в оставленные людьми поселения Кивак и Курупкырат, на мыс Мертенса, на холм Ульхум и Чаплинские горячие ключи. Состоялись поездки на мыс Чаплина и в урочище Униирамкыт, в ходе которых наряду с фенологическими наблюдениями и изучением растительности морских побережий, а также мест произрастания редких растений («Подистера Макоуна») мы провели осмотр памятников археологии и этнографии. С этим важным направлением в работе музея – изучение сохранившихся в Провиденском районе объектов культурного наследия морских арктических зверобоев – была связана также наша восьмидневная поездка, совместная с сотрудниками Национального парка «Берингия», в район мыса Чаплина. Мы посетили такие известные памятники далекого прошлого, как поселения Кивак, Курупкырат, Униирамкыт, Тыфляк, Инлыгнак.

Возвращаясь к изучению состояния природной среды, которое проводит Провиденский музей, следует упомянуть наше участие в проекте «Общероссийский учет зимующих водоплавающих птиц «Серая шейка», в проведении Международного Дня орнитологических наблюдений. Наблюдая за птицами Юго-Восточной Чукотки, мы уделяли в 2015 г. большое внимание изучению их весенних миграций. С этой целью в весенний период сотрудниками музея регулярно наблюдали за полыньями между мысом Чуфан и причалом № 3, где появились в 2015 г. первые перелетные птицы.

Еще одним направлением в нашей экологической работе в 2015 г. было садоводство. С 2011 г. рядом со зданием Музея Берингийского наследия существует мини-сад дикорастущих растений. Он создан был для того, чтобы выяснить, какие виды дикорастущих растений пригодны для выращивания в населенных пунктах в условиях Крайнего Севера, а также для того, чтобы познакомить жителей поселка с дикорастущими видами растений чукотской тундры. Летом 2015 г. наш сад стал богаче, чем прежде: на примузейную лужайку были высажены 4 сорта фиалок и 3 сорта календулы. Опыт оказался удачным. Фиалки и календула обильно цвели и радовали глаз наших земляков.

Подводя итог изложенному выше, мы можем достаточно уверенно сделать следующий вывод. Организуемые Музеем Берингийского наследия экскурсии для наших соотечественников и зарубежных туристов, наблюдения за состоянием окружающей среды, забота о сохранении памятников истории и культуры коренных народов Чукотки, наши садоводческие эксперименты вносят заметный вклад в формирование благоприятного культурного пространства в одном из самых знаковых мест Чукотского автономного округа – в поселке Провидения.

ГОРЬКАЯ
РЫБКА

Анадырь и окрестности

Больше всего докладов, представленных на конференции, было посвящено проблемам сохранения объектов культурного наследия, которые находятся в столице Чукотского автономного округа. На секционных и пленарных заседаниях говорилось о роли Музейного Центра «Наследие Чукотки» с его богатыми коллекциями в формировании городской среды, обсуждались методы работы музея с различными категориями горожан – взрослыми и детьми. Способы приобщения молодежи Анадыря к культурным традициям народов Чукотки рассматривались также в выступлениях сотрудников Детской библиотеки и Дома народного творчества. В одном из докладов рассказывалось о проведенном в Анадыре в марте 2016 г. XI литературном конкурсе имени Рытхэу. Опыт работы по сохранению и популяризации духовных богатств Чукотки, накопленный анадырскими работниками культуры, может быть использован в других населенных пунктах округа и, несомненно, заслуживает отдельной, расширенной публикации. В настоящий же сборник включено только одно сообщение по данной тематике – о новом направлении в развитии познавательного туризма в Анадыре и его окрестностях: о туризме экологическом.

Тюленей в Анадырском лимане особенно много с конца июня до середины сентября

С.В. Загребельный
Чукотский филиал Тихоокеанского
научно-исследовательского рыбохозяйственного центра (Анадырь)

Развитие экотуризма – одно из перспективных направлений экологического просвещения на Чукотке

Развитие различных форм экотуризма – одно из перспективных направлений экологического просвещения на Чукотке

Для тех, кто никогда не бывал на Чукотке, она нередко представляется местом, где заканчивается цивилизованный мир. Чукотку считают заброшенным краем без дорог и благоустроенного жилья, где местное население живет исключительно в тундре и занимается только тем, что пасет оленей и ест китов и моржей. Как опровергнуть подобные представления? Один из самых действенных способов – развитие в нашем автономном округе экологического туризма.

Каждому жителю Чукотки хорошо известно, что помимо запасов золота, нефти и газа наша земля славится разнообразием фауны морских млекопитающих и птиц. Многочисленные залежки тюленей и моржей, птичьи базары рассредоточены практически вдоль всего морского побережья Чукотки, в том числе в местах, доступных для туристов, – в частности, в Анадырском лимане и в окрестностях города Анадырь. Это обстоятельство может стать тем ресурсом, который привлечет на наш полуостров людей, приверженных экологическому

Обитатели птичьего базара на острове Алюмка – чайки и «северные попугаи»

и рекреационному туризму – так называемых «бёрд-вочеров» и «вэйл-вочеров». («Бёрд-вочер» – от англ. birdwatcher – орнитолог; «вэйл-вотчер» – от англ. слов whale – кит, watcher – наблюдатель. – *Прим. ред.*).

Люди, имеющие такое похвальное хобби как «наблюдение за пернатыми и китами», ездят по всему миру, наблюдая за птицами и китообразными в их естественной среде обитания. Бёрд-вочеры и вэйл-вочеры часто помогают в проведении учета этих животных сотрудникам природоохранных и научных организаций. Во многих странах проходят соревнования, когда «наблюдающий за птицами» в течение определенного промежутка времени на конкретном участке местности должен сфотографировать как можно больше различных видов птиц. Не менее популярны наблюдения за китообразными и другими видами морских млекопитающих. Так, тысячи туристов приезжают в определенные сезоны на материковые побережья США, Мексики, Индии, на Гавайские острова, чтобы наблюдать китов-горбачей в период их размножения и миграций. Такой

Для любителей дикой природы Алюмка – главная достопримечательность Анадырского лимана

вид экологического туризма приносит значительную прибыль конкретным регионам. В них развивается туристическая инфраструктура, появляются новые рабочие места для местного населения, увеличиваются налоговые выплаты в местный бюджет за счет налогов с компаний, организующих экологические экскурсии.

Есть ли в Анадыре и его окрестностях места, которые вызовут интерес у экотуристов? Да, безусловно, есть. Можно уверенно предполагать, что как на приезжих любителей дикой природы, так и на многих горожан сильное впечатление произведут наблюдения за кормовыми миграциями китов-белух и тюленей. Эти животные вплотную подплывают к городу в период нерестового хода лососей – с конца июня до середины сентября.

Киты-белухи рядом с городом

Еще одна достопримечательность в окрестностях г. Анадыря – птичий базар на острове Алюмка. В период гнездования он тоже может являться интересным рекреационным природным объектом. Здесь на гнездовании скапливается несколько десятков пар серебристых чаек, крупных чаек-бургомистров, обыкновенных моевок, беринговых бакланов, а в норах среди камней откладывают яйца и выводят свое потомство «северные попугаи» – топорки и ипатки. Алюмка интресна также тем, что на каменистом побере-

Если фотограф осторожен, ему удастся подойти к нерпе почти вплотную

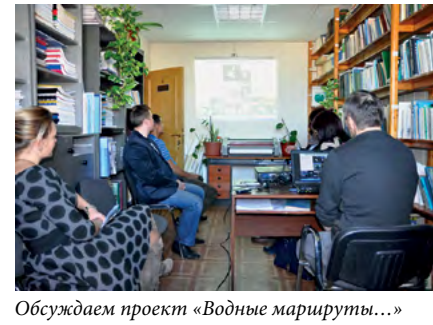
Транспорт экологов и туристов

жье и косе острова находится крупная залежка тюленя-ларги. При аккуратном и осторожном подходе к залежке тюлени – обычно их бывает не менее 300 особей – могут подпустить к себе наблюдателя на достаточно близкую дистанцию.

Все названные мною красоты природы в окрестностях Анадыря могли бы стать основой для экологического просвещения достаточно широких масс, причем не только приезжих туристов, но и жителей города, в первую очередь подрастающего поколения – школьников и студентов местного колледжа. Однако, к сожалению, этот бесценный рекреационный потенциал для развития экотуризма и активных форм экопросвещения практически не используется. Основные причины: отсутствие достаточной информации и туристической инфраструктуры, включая проработанные логистические схемы приезда туристов, их размещения в гостиницах и переездов по району.

В 2015 г. инициативная группа сотрудников ЧукотТИНРО разработали проект в рамках грантов от Российского представительства фонда «Глобал Грингрантс». Название проекта – «Разработка водных маршрутов по наблюдению за морскими млекопитающими (Whale Watching) и птицами (Seabirds Watching) в Анадырском лимане как одна из активных форм экологического просвещения». Большинство участников проекта – сотрудники ЧукотТИНРО.

В ходе выполнения данного проекта разработаны несколько экологических маршрутов в окрестностях Анадыря (на остров Алюмка, в поселок Шахтерский, по Анадырскому лиману), которые вполне могут стать для местных жителей и туристов «экскурсией выходного дня» по наблюдению за морскими млекопитающими и птицами. Свои наработки участники проекта оформили в виде макетов двух буклетов. Первый буклет посвящен исторической информации о населенных пунктах, расположенных в окрестностях лимана (г. Анадырь, п. Шахтерский). Второй буклет содержит видовые очерки о морских колониальных птицах, которых можно увидеть на птичьем базаре острова Алюмка, и о морских млекопитающих, использующих акваторию лимана как место откорма и отдыха в летний период. Все буклеты оформлены авторскими фотографиями и текстами, и – мы твердо уверены в этом – будут интересны как местным жителям, так и представителям туристических организаций и частным лицам, которые решат заняться развитием на Чукотке, и в частности в окрестностях ее столицы, экологического туризма.



Обсуждаем проект «Водные маршруты…»

Остров Врангеля

Далекий и загадочный о. Врангеля с его уникальной флорой и фауной, с необычайно живописными ландшафтами является одним из символов Российского Заполярья. Символическое значение этого окруженного Северным Ледовитым океаном участка нашего округа стало еще очевиднее после того, как 40 лет назад здесь был создан природный заповедник. Возросло оно и в последние десятилетия, когда остров, прежде практически недоступный, стал принимать организованные группы туристов. Их число относительно невелико, поскольку побывать в заповеднике могут только пассажиры судов, совершающих круизы по Северному морскому пути. Однако поскольку Арктика вызывает сегодня все больший интерес и в нашей стране, и за рубежом, можно уверенно утверждать, что туристов, стремящихся посетить о. Врангеля, станет в дальнейшем намного больше. О том, как биологи готовятся к встрече новых туристических групп, как расширяют тематику экскурсий, в которых «экологический» компонент соединяется с компонентом «историко-культурным», рассказала на конференции научный сотрудник заповедника Л.Ф. Волкова.

Впереди долгожданный остров Врангеля; последний этап на пути к нему

Л.Ф. Волкова
Государственный природный заповедник
«Остров Врангеля» (о. Врангеля)

Экологический туризм в заповеднике «Остров Врангеля» как фактор активизации интереса к историко-культурному наследию. Опыт и перспективы

Общие сведения о заповеднике

Заповедник «Остров Врангеля» был организован 23 марта 1976 г. для охраны уникальных природных комплексов островов Врангеля и Геральд. 30 июня 2004 г. на проходившей в Сучжоу (Китай) 28-й сессии Комитета всемирного наследия государственный природный заповедник “Остров Врангеля” был включен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Решением Комитета всемирного наследия территория заповедника отнесена к уникальным природным объектам как выдающийся пример эволюционного развития разнообразных арктических природных комплексов (горных, равнинных, прибрежных). Кроме того, территория обладает исключительным для Арктики биологическим разнообразием, она включает места обитания редких, исчезающих и особо охраняемых видов глобальной ценности в соответствии со II и IV критериями ЮНЕСКО.

Острова Врангеля и Геральд являются привлекательными объектами для туристов. На протяжении многих лет они стремятся увидеть эти островки древней Беренгийской суши, где сохранились плейстоценовые элементы флоры и фауны. Острова известны во всем мире как «родильный дом» белых медведей, как место формирования крупных моржовых лежбищ, как единственная в Азии крупная гнездовая колония белого гуся. На островах находятся также крупнейшие в Восточной Арктике птичьи базары, где совместно выводят потомство десятки тысяч птиц – толстоклювые и тонкоклювые кайры, ипатки, чистики, беринговые бакланы, моевки. О. Врангеля изобилует останками различных видов плейстоценовых и голоценовых млекопитающих – первобытного бизона, кабаллоидной лошади, а также шерстистого и, что особенно интересно, карликового мамонтов.

Экологический туризм как инструмент формирования положительного имиджа территории и популяризации идей охраны природы

Одним из важных направлений в работе сотрудников особо охраняемых природных территорий (ООПТ) является организация туризма – познавательного или экологического. Экотуризм, давая возможность десяткам тысяч людей увидеть, как красива и разнолика дикая природа, является действенным инструментом формирования общественного мнения, способствует поддержке социумом деятельности ООПТ. Руководствуясь этим принципом, мы сформулировали основные цели «открытия» заповедника «Остров Врангеля» для ведения рекреационной деятельности:

– популяризация идей охраны природы;

– воспитание и привитие нашим современникам экологической культуры;

– формирование у большого числа людей положительного имиджа территории.

Красавцы-овцебыки – современники мамонтов и первобытных бизонов

Только такой вид охоты разрешен в заповеднике «Остров Врангеля»

Когда мы говорим о привлечении туристов в наш заповедник, это не означает, что его «открытие» снижает наши требования к охране природы и увеличивает антропогенную нагрузку на территорию. Экологический туризм на о. Врангеля обладает теми же специфическими чертами, что и в других ООПТ. Туристы посещают не более 2% территории заповедника (в других заповедниках этот процент может достигать пяти). Мы также исходим из того, что туристы, которые хотят увидеть дикую природу, познакомиться с бытом коренных народов, ощутить свою причастность к охране объектов природного и культурного наследия, не нуждаются в пятизвездочных отелях. Именно поэтому в заповеднике «Остров Врангеля» были проведены следующие мероприятия:

– разработана четкая сеть экологических маршрутов (в настоящее время их действует девять общей протяженностью в 2136 км);

– разработана Программа развития экологического туризма и Среднесрочный план управления (менеджмент-план) заповедника «Остров Врангеля» до 2017 г,;

– разработаны и утверждены Правила посещения территории заповедника и Регламент приема туристических и круизных судов;

– построено 6 гостевых домов со средней вместимостью в 15 человек, причем все постройки в целях минимизации антропогенной нагрузки и во избежание повреждения почвенного слоя установлены на месте уже существующих кордонов;

– дома для туристов оборудованы энергосберегающими, экологически чистыми технологиями, в том числе солнечными батареями;

– для передвижения туристических групп приобретены вездеходы ТРЭКОЛ

на широких шинах пониженного давления, минимизирующие негативное воздействие транспортных средств на растительный покров.

Структура посещений заповедника «Остров Врангеля» экологическими туристами (2011–2015)

За последние пять лет наш заповедник посетило 1410 человек. Из них иностранных туристов было 1233 человека, россиян – 177 человек. Средний показатель посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О чем говорят
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че
эти цифры? Прежде все▯25B1ь посещаемости за этот период составил 282 человека в год. О че

Экспозиция Чаунского краеведческого музея «Камера» (реконструкция)

мы находим сведения о том, что вольнонаемным тоже жилось несладко. Мирный труд геологов и горняков Чаунского района протекал в военной структуре Дальстроя, под всевидящим оком НКВД, под постоянным прицелом автоматов. Гильотина власти обрывала жизни людей без счета и разбора, не различая ни национальностей, ни социальной принадлежности, ни степени свободы. Вольнонаемные, расконвоированные и содержащиеся под стражей нередко находились в одних и тех же условиях. Случалось, и хоронили их рядом. А сколько мертвецов выбрасывал на берег Чаунской бухты прибой, сколько людей погибало в отчаянных тюремных стычках! А.В. Тюмину не раз случалось видеть, как бесчеловечно хоронят заключенных: «…аммонитом рванут мерзлую землю, бульдозер притащит на волокуше 40–50 трупов из лагерного морга. Трупы свалят в ямку, прицепят одному-другому бирку к ноге, и бульдозер загребает яму. На том месте устанавливали знак с фамилиями только тех, кто значился на бирках. А остальные безымянными пропадали. По одиночке я не видел, как хоронили – аммонита бы не хватило…». Такой была лагерная жизнь, и это, по словам А.В. Тюмина, «никого не удивляло, не возмущало: принимали как должное. Даже к смерти относились с равнодушием – еще не моя очередь…».

Из лагерей нередко совершались побеги. Что ожидало беглецов? Из документов, которые нам довелось изучить, следует, что применялись, как правило, две меры наказания. Одной из них был суд и новый приговор: 25 лет лишения свободы. Другая мера наказания, если задержание происходило вдали от лагеря, – убийство. В знак доказательства, что побег был пресечен, заключенному отрубали кисть руки и приносили ее в лагерь. Администрация наказывала исполнителей за подобные действия: им «делали замечание» или даже «объявляли выговор»…

Экспозиция Чаунского краеведческого музея «Кабинет следователя» (реконструкция)

Сейчас об этой страшной эпохе в истории нашего многострадального Отечества напоминают развалины бывших лагпунктов по старой дороге на Гыргычан, мрачные остовы зданий в лагере горного массива «Северный», где заключенные добывали уран… (Недавно в этих местах установили два поклонных креста в память о погибших).

В 1990-е гг., когда тема ГУЛАГа интересовала очень многих, в Певек приезжали представители общественной организации «Мемориал». Они установили в тундре памятный знак «Узникам ГУЛАГа», привели в порядок кладбище, где хоронили заключенных. В те же годы в Чаунском районе побывала съемочная группа киностудии «Мосфильм», которая снимала художественно-публицистический фильм о «социализме с человеческим лицом». Но, к сожалению, о судьбе фильма ничего не известно, а там, где был установлен памятный знак, большого памятника нет и, видимо, никогда не будет. Жива только человеческая память, и кто знает, успокоились ли души невинных жертв?..

Чаунский краеведческий музей помнит узников Чукотлага. В музее создана постоянная экспозиция «Чаун-Чукотка за колючей проволокой». Помимо письменных свидетельств в экспозицию включены подлинные вещи из мест, где находились лагеря, – бытовая утварь, орудия производства, различные таблички и вывески. Все эти предметы очень красноречивы и содержат в себе не только информационную, но и большую эмоциональную составляющую.

О нашем музее вообще и непосредственно об этой экспозиции опубликовано достаточно много информации, поэтому периодически к нам приходят письма с запросами о судьбах узников Чукотлага. Одно из таких писем мы получили в 2007 г. Приведем его полностью, без изменений и сокращений.

«Здравствуйте!

Пишу Вам и очень надеюсь, что ваш музей поможет в поисках Неупокоева Афанасия Прокопьевича 1914 года рождения. Неупокоев Афанасий Прокопьевич родился в д. Мысовая, сейчас это село Памятное, Белозерского р-она, Курганской области. Примерно с 1933 года по 1936 год Афанасий Прокопьевич работал в НКВД Белозерского района. Имеется фотография работников Белозерского НКВД. На фото на воротнике Неупокоева А.П. 4 квадрата. В 1936 году призван в ряды Красной Армии. Учился (служил) в Ленинграде, учился в Академии (специальные курсы точно неизвестно март 1938 года). На фото на воротнике знак отличия 3 треугольника. 24 апреля 1940 года письмо из Эстонской ССР. О службе ничего не пишет. Писем военных лет нет – не сохранились, где воевал неизвестно. 20.12.1945 года пишет: «Война закончилась и я из заграницы приехал на Родину. Скоро я приеду в отпуск, и поедем все вместе, ты и мама жить в город Львов». В отпуск не пришел и не приехал, где находился неизвестно, переписка прекратилась.

Памятный камень у здания Чаунского музея

Жена, Неупокоева Александра Петровна обращается в Белозерское МВД с просьбой о розыске своего мужа Неупокоева А.П. 26 ноября 1948 года получает ответ за подписью мл. лейтенанта Ботникова: «На Ваше заявление сообщаем, что без наличия копии исполнительного листа розыск Вашего мужа Неупокоева А.П. продолжить не можем. Предлагаем сделать запрос в г. Львов на имя прокурора и в воинскую часть № 71334. Вам сообщат, куда он выбыл». Жена делает запрос в прокуратуру г. Львова и получает ответ 6 января 1949 года: «Сообщить местожительство гр. Неупокоева А.П. не представляется возможным, так как по сведеньям адресного бюро таковой проживающим в г. Львов не значится». Начальник ГСО мл. советник юстиции Жук.

16 февраля 1950 года письмо из Иркутска из тюрьмы, где Афанасий Прокопьевич сообщает, что он осужден военным трибуналом, сидит пятый год, два года тюрьмы и два года в лагере. 05.03.1950 год. Пишет из заключения, что летом встретимся. 30.04.1950 год. Пишет: «Я так хотел приехать и забрать Вас к себе в 1945 году, но служба все заставляла обождать. И вот ради службы для Родины, куда я отдавал все силы, привела меня через ненависть людей в неволю». Встретиться летом не пришлось, и переписка снова прекратилась до 1954 года.

01.08.1954 год. Письмо с Чукотки г. Певек (лагерь заключенных Северный). Афанасий Прокопьевич пишет, что «жизнь проходит в подневольной геологи-

ческой разведке по исследованию недр Крайнего Севера. Вижу океан и скалы без единственного признака на жизнь природы, камень, лед, снег». 19 ноября 1954 год. Афанасий Прокопьевич пишет с Чукотки (лагерь заключенных Северный): «Я так добивался свободы, что вместо 5 и 10 лет добился такого срока, что страшно подумать а не-то что писать».

22.11 1954 год. Чукотка. Обещается в мае следующего года быть дома и помочь сыну поступить в институт……

На этом переписка закончилась, и он вновь исчез навсегда.

Заранее благодарна.

С уважением Рыбина (Неупокоева)
Татьяна Витальевна.
г. Курган

Чаунский краеведческий музей продолжает сбор материалов о трагических страницах в истории Чукотки, ведет большую работу по сбережению памяти об узниках сталинских лагерей. Сотрудники музея ежегодно выезжают в места, где находились лагеря, читают лекции для жителей района, устраивают тематические выставки. Недавно вместе с находящимся в Москве Государственным музеем истории ГУЛАГа мы провели две выставки, посвященные людям, не сломленным тоталитарным режимом. На одной из выставок («Ефвросиния Керсновская. Сколько стоит человек») были представлены воспоминания и рисунки удивительно стойкой женщины Ефросинии Антоновны Керсновской, проведшей за колючей проволокой ГУЛАГа больше двадцати лет. На другой выставке («Я был сам и вопреки») посетители музея увидели графические ра-

Поклонный крест у «Дорожной командировки 27-й километр»

боты Валентина Митрофанова, художника, который избежал заключения, но поскольку его творчество не вписывалось в концепцию искусства социалистического реализма, испытал немало трудностей.

Сотрудничество Чаунского краеведческого музея с Музеем истории ГУЛАГа осуществляется не только в сфере выставочной деятельности. Так, недавно наши музеи провели совместную экспедицию, собирая сведения о политзаключенных Чукотки, а также подготовили второе издание книги «Волчий камень» Григория Иоффе, в которую вошли воспоминания многих бывших «зэков» колымских лагерей. Музей разработал туристический маршрут к объектам ГУЛАГа на территории Чаунского района, а 30 октября 2015 г. в день памяти жертв политических репрессий на территории музея в тематическом парке «Времен связующая нить» был установлен памятный камень в честь узников Чаун-Чукотки.

Увековечиванию памяти людей, погубленных тоталитарным государством, придается в нашей стране большое значение. Свидетельствуют об этом, в частности, следующие факты. Недавно Музей истории ГУЛАГа получил новое здание, в столице был проведен конкурс на установку памятника жертвам репрессий, Правительство Москвы и Правительство ЧАО подписали соглашение о сотрудничестве в работе по сбору материалов о сталинских лагерях на территории Чукотки. Отметим также, что в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (принят 25 июня 2002 г., № 73-ФЗ) и в другие, не менее важные законодательные акты внесено за последние пять лет большое количество изменений, касающихся темы сохранения исторической правды. Законодательство нашей страны предписывает не забывать во имя будущих поколений о страшной эпохе в отечественной истории и увековечивать память о жертвах массовых репрессий.

Закончить свою статью мы хотим словами, которые в марте 2016 г. (Федеральный закон № 67-ФЗ от 09.03.2016) были внесены в упомянутый выше закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации». Звучат они так: «Места захоронения жертв массовых репрессий имеют признаки объекта культурного наследия». Это существенное дополнение в закон о памятниках истории и культуры говорит о многом. Прежде всего, о том, что органы местного самоуправления и региональные органы охраны объектов культурного наследия должны проявлять заботу о сохранившихся в России печальных памятниках «Архипелага ГУЛАГ».

Источниками для написания данной статьи послужили документы общества «Мемориал», материалы из государственного архива г. Певек, из научного архива Чаунского краеведческого музея, из личного архива С.Ф. Бегунова, а также следующие публикации:

И.И. Молчанов «Четыре страницы Певека» (Певек, 1993),

В.Ю. Янковский «Побег» (Альманах «На Севере Дальнем», Магадан, 1990),

Г.А. Иоффе «Волчий камень» (Санкт-Петербург, 2015).

Актуальные задачи по сохранению памятников истории и культуры Чукотки

Определяя задачи, стоящие перед государственными учреждениями и общественными организациями нашего округа по сохранению его культурных богатств, участники конференции уделили особое внимание нерешенным вопросам. В этот раздел сборника включены тексты трех сообщений. В первом, посвященном работе отдела государственной охраны объектов культурного наследия, указаны факторы, препятствующие сбережению памятников истории и культуры, и предложены меры по устранению недостатков в этой имеющей большое государственное значение сфере деятельности. Во втором сообщении говорится о необходимости этнологической экспертизы индустриальных проектов, которые осуществляются в местах проживания малочисленных этносов. Без проведения этноэкспертизы невозможно уменьшить отрицательные последствия промышленного развития региона на жизнь и здоровье его коренных жителей, на сохранение их культурных традиций. В третьем сообщении приводятся данные о деятельности международных организаций по охране исторических памятников и содержатся предложения по выдвижению наиболее ценных объектов традиционной культуры народов Чукотки в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Конференция в Анадыре. Апрель 2016 г. Обсуждается проект резолюции

С.В. Добриева
Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа (Анадырь)

Основные направления в работе отдела государственной охраны объектов культурного наследия

Служба охраны памятников истории и культуры существует в Чукотском автономном округе с 1993 г. С 1 января 2011 г. эти функции выполняет отдел государственной охраны объектов культурного наследия, входящий в состав Департамента образования, культуры и спорта.

К началу 2014 г. на Чукотке согласно Сводному перечню объектов культурного наследия федерального, регионального и местного значения было зарегистрировано 167 памятников истории и культуры. В 2014–2015 гг. эта работа продолжалась, и на учет было поставлено еще 116 объектов культурного наследия (ОКН). Таким образом, на начало 2016 г. в Чукотском автономном округе поставлено на государственную охрану в соответствии с требованиями действующего законодательства 283 ОКН, из которых 172 признаны объектами культурного наследия федерального значения, а остальные отнесены к объектам культурного значения регионального и местного (муниципального) значения.

Памятники истории и культуры расположены на территории всех районов Чукотки. Больше всего их выявлено к настоящему времени в Анадырском районе и в столице округа – 69. Большое число ОКН находится также в Чукотском (60), Билибинском (57) и Провиденском (53) районах. На территории Иультинского района есть 41 ОКН, на территории Чаунского – 2. Что касается памятников истории и культуры федерального значения, здесь лидируют Билибинский, Провиденский и Чукотский районы, на территории которых расположены соответственно 47, 43 и 41 ОКН.

Из находящихся на Чукотке 172 объектов культурного наследия, которые представляют особую ценность (ОКН федерального значения), 171 объект – это памятники археологии: стоянки и поселения древних охотников моря и тундры, ритуальные комплексы, захоронения и другие места, связанные с хозяйственной и культурной деятельностью людей далекого прошлого. Наиболее известные из них, такие, например, как наскальные рисунки Пегтымеля, Китовая аллея на о. Ыттыгран, поселения Эквен, Поутен, Кивак, занесены также в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации (ЕГРОКН). Включены в этот важный список и такие объекты, как «Многослойное поселение Наукан» и «Памятник Семёну Ивановичу Дежнёву».

С большой долей уверенности можно говорить о том, что достаточно скоро памятников истории и культуры Чукотки станет еще больше. Уже сегодня мы располагаем данными как минимум о 20 объектах, которые отвечают тем требованиям, которые предъявляются к ОКН.

За последние несколько лет в Чукотском автономном округе проделана большая работа по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране памятников культурного наследия, тем не менее многие важные вопросы остаются всё еще нерешенными. Расскажу об этом подробнее.

Целенаправленное обследование (историко-культурная экспертиза) территории Чукотского автономного округа, в том числе территории музеев-заповедников, на предмет выявления ОКН на землях, где ведутся или планируются земляные, строительные, мелиоративные и иные хозяйственные работы, никогда не проводилось.

Существенными негативными аспектами, влияющими на целенаправленную работу по сохранению объектов культурного наследия Чукотки, являются:

– отсутствие согласованной со всеми заинтересованными министерствами, ведомствами и структурами, включая Министерство обороны и ФСБ, комплексной карты объектов культурного наследия нашего округа;

– правовая неопределенность имущественной принадлежности и полномочий в отношении зарегистрированных или подлежащих регистрации ОКН федерального значения;

– отсутствие в Чукотском автономном округе правового акта, который бы четко определял, кто является собственником или пользователем объекта недвижимого культурного наследия (включая земельный участок, на котором находится данный ОКН) и, следовательно, несет ответственность за его охрану;

– отсутствие сведений о наличии оформленных прав на земельные участки, на которых находятся ОКН.

С 1 января 2016 года в соответствии со статьей 9.3. Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» к полномочиям органов местного самоуправления по отношению к объектам культурного наследия относятся следующие важные права и обязанности:

– сохранение, использование и популяризация ОКН, находящихся в собственности муниципальных образований;

– государственная охрана ОКН местного (муниципального) значения;

– определение порядка организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения.

Местным администрациям, ответственным за сохранение памятников истории и культуры, необходимо помнить о том, что отсутствие в Государственном кадастре недвижимости сведений о территориях, занимаемых ОКН, зачастую приводит к совершению градостроительных ошибок при предоставлении земельных участков для хозяйственного использования.

Важным направлением в работе отдела государственной охраны объектов культурного наследия стал в последнее время новый подход к памятникам истории и культуры, более точный, чем прежде, учет региональной специфики Чукотского автономного округа. Мы ставим сегодня перед собой следующие задачи:

– перейти от охраны отдельных объектов к охране городских и сельских ландшафтов, включающих в себя как значимые памятники наследия, так и объекты рядовой застройки;

– перейти от охраны отдельных ОКН к охране масштабных природных ландшафтов, в которых на протяжении тысячелетий развивалась культура коренных малочисленных народов Чукотки;

– перейти к сохранению индустриальных зон, исторических поселений и других памятных мест XX в. вне политического контекста;

– перейти к охране не только материального наследия, но также к сохранению нематериальных, духовных ценностей, таких как разнообразные культурные традиции и самобытный жизненный уклад народов Чукотки;

– способствовать максимально широкому вовлечению общества, прежде всего, местных жителей, в процесс сохранении культурного наследия и его интеграцию в социальную и экономическую жизнь современного сельского поселения;

– музеефицировать прошедшие полноценное научное обследование археологические памятники и полнее использовать их богатый культурный потенциал в интересах муниципальных образований, на территории которых находятся данные ОКН.

Я убеждена в том, что даже частичное решение перечисленных вопросов создаст широкие возможности для развития в Чукотском автономном округе различных видов туризма – познавательного, экологического, научного, рекреационного. О том, насколько важна для экономики Чукотки эта сфера деятельности, хорошо известно. Не останавливаясь специально на этой теме, скажу только, что здесь очень важно объединить усилия всех организаций нашего округа, занимающихся охраной его культурной и природной среды.

Анадырь. Апрель 2016 г. В кулуарах конференции

Опыт такой работы у нас есть. В 2014 г. Департаментом образования, культуры и спорта было заключено соглашение по взаимному сотрудничеству с Национальным парком Берингия. Мы провели ряд совместных мероприятий, направленных на сохранение памятников культурного наследия, расположенных как непосредственно на территории национального парка, так и на смежных с ним территориях. В декабре 2015 г. такое же соглашение было подписано с Государственным заповедником «Остров Врангеля». Мы считаем, что в дальнейшем Департаменту образования, культуры и спорта необходимо заключить соглашения о сотрудничестве с такими учреждениями, как ЧукотГеорегион, ЧукотНедра, с другими организациями, осуществляющими проектную или иную работу на землях, где находятся ОКН или прогнозируется их выявление.

Называя стоящие перед нами задачи, не могу не вернуться вновь к серьезным нерешенным проблемам в деле охраны культурного наследия Чукотки. В округе продолжается разрушение памятников истории и культуры, таких, например, как ОКН «Кивак» или «Поселение Лорино», причем происходит оно не только в результате природного, но и антропогенного воздействия. Негативные явления имеют также место в работе таких важных учреждений культуры, как музеи. (Контроль над соблюдением законодательства Российской Федерации по обеспечению сохранности культурных ценностей, находящихся в фондах российских музеев, тоже входит в сферу деятельности нашего отдела.) Под лозунгом «оптимизации сети учреждений культуры на территории муниципальных образований» на смену музеям приходят «культурно-досуговые центры», многогранная музейная деятельность сводится к организации зрелищных, развлекательных мероприятий. Появились трудности во взаимодействии музеев с их учредителями и с органами местного самоуправления.

Однако какие бы сложности ни стояли сегодня перед службой охраны ОКН Чукотки, на нашей стороне Конституция Российской Федерации, 22 статья которой обязывает каждого гражданина заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Поэтому я и мои коллеги твердо верим в то, что выполнение этой статьи Основного закона нашей страны будет рассматриваться исполнительными органами государственной власти Чукотского автономного округа, органами местного самоуправления, правоохранительными органами, общественными организациями, каждым из жителей нашего округа как одна из самых важных, приоритетных задач.

Национальный танец на празднике «День кита». Лорино. 2007 г.

О.П. Коломиец
СВКНИИ ДВО РАН (Анадырь)

Возможности этнологической экспертизы при исследовании историко-культурного наследия Чукотки

Этнологическая экспертиза – научное исследование, цель которого изучить, как изменения социально-культурной ситуации и исконной среды обитания малочисленных народов влияют их развитие. В современную эпоху, когда индустриальное развитие охватывает новые и новые участки планеты, необходимость этнологической составляющей в оценке результатов предполагаемых проектов осознается всё более отчетливо. Всё большее число людей приходит к выводу, что только этнологическая экспертиза может дать научно обоснованное заключение о влиянии проектов по промышленному освоению территорий на хозяйственную деятельность и образ жизни коренных народов. Всё более очевидным становится тот факт, что без ее проведения невозможно создать действенный механизм для учета мнения коренного населения по тем или иным вопросам современности, невозможно минимизировать отри-

цательные последствия управленческих решений на жизнь и здоровье людей [Новикова 2014:363]. Этнологическая экспертиза рассматривается в наши дни как форма участия научного сообщества в общественной жизни, как средство защиты прав коренного населения на культурную самобытность, как способ разрешения конфликтов, обусловленных культурным многообразием Земли и необходимостью освоения ее природных богатств. Этноэкспертиза позволяет согласовать интересы сторон, уменьшить отрицательные последствия изменения природных и социально-экономических условий проживания коренных этносов в современном мире и в идеале способствует устойчивому гармоничному развитию всех без исключения народов.

В разных странах используются различные механизмы обеспечения прав коренных народов при осуществлении промышленного освоения территории их проживания. Одним из таких механизмов являются общественные слушания. Их участники встают на защиту специфических интересов коренного населения, которые не могут быть защищены общим законодательством [Новикова 2014:367]. Мировой опыт показывает, что этноэкспертиза возможна также в формах аналитического обзора, разработки сценариев развития, мониторинга, неотложного реагирования на те или иные негативные явления [Головнев и др. 2014:130].

В российской правовой системе термин «этнологическая экспертиза» впервые появился в 1999 г. в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», и хотя опыт проведения подобных исследований в нашей стране еще невелик, он тем не менее уже есть. В проведении этнологических экспертиз участвовали такие ведущие ученые, как Л.С. Богословская, В.А. Тишков, Н.И. Новикова, Е.А. Пивнева, Д.А. Функ, А.В. Головнев, А.А. Сирина, Е.А. Волжанинова и др. В результате их деятельности, а также благодаря активной позиции представителей коренных малочисленных народов необходимость проведения этнологических экспертиз становится в наши дни всё более важным элементом общественного правосознания на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Правовую основу проведения этнологической экспертизы в нашей стране составляют законы Российской Федерации, субъектов РФ, международные договоры и соглашения, а также решения, принятые гражданами на общих референдумах и в результате осуществления иных форм непосредственной демократии. Несмотря на то что в законодательстве РФ пока не разработаны конкретные механизмы проведения этнологической экспертизы, на практике она широко применяется. Этноэкспертиза проводится чаще всего по заказу промышленных компаний при возникновении конфликтов между ними и местными жителями. В этом случае компании получают рекомендации от экспертов, помогающие им выработать правильную политику в отношении коренного населения того или иного региона.

Так, например, в 2010 г. в Якутии был принят республиканский закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». Законодательные акты о проведении этнологиче-

ской экспертизы разработаны в Ямало-Ненецком автономном округе. Здесь существует обширная правовая база, гарантирующая защиту прав коренных малочисленных народов Севера [Головнев и др. 2014:368].

Необходимость проведения этнологической экспертизы для изучения изменений положения и состояния этнических общностей в современных условиях обсуждается сегодня в различных сферах как на уровне государственной власти, так и в научном сообществе. Этнологи и антропологи разрабатывают наиболее эффективные методы подобных исследований. Остановлюсь в связи с этим на методике, предложенной Клайдом Клакхоном. (Клайд Клакхон – известный американский ученый, специалист по культуре индейцев-навахо. – *Прим. ред.*) Она, как мне представляется, может существенно помочь нам в поиске наиболее эффективных способов проведения этнологической экспертизы.

Согласно точке зрения К. Клакхона социальный антрополог (этнолог) способен внести большой вклад в региональные социальные исследования, так как этнологическое образование позволяет ему «быстро узнавать основные особенности региона и организовывать их в стройную модель. Поскольку антрополог обладает знанием и о соотношении человека с человеком, и о взаимных связях человека с природой, он в состоянии помочь другим специалистам понять отношение их профессий к жизни общества в целом».

Говоря о научной компетенции антрополога, К. Клакхон отмечал следующее:

– Антрополог видит закономерности. Он рассматривает общество и культуру как единое целое.

– Антрополог смотрит на все явления с точки зрения представителей той культуры, прикладное исследование которой он проводит.

– При анализе конкретной ситуации антрополог использует все, что известно о культуре и обществе в целом. В своем исследовании он учитывает, что «существует неизбежный зазор между достижением полезных с социальной точки зрения новых технических знаний и их использованием гражданским населением».

– Антрополог подчеркивает равное значение символических и утилитарных составляющих человеческих отношений. При проведении экспертизы конкретной ситуации он использует системный подход. Например, при экспертизе влияния промышленного развития на жизнь оленеводов обязательно указывается его воздействие на состояние земли и других биологических природных ресурсов, причем имеется в виду не только состояние пастбищ, но также состояние водоемов. Водоемы рассматриваются и как источники питьевой воды, и как места обитания рыбы. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку даже если люди ведут достаточно специализированное оленеводческое хозяйство, основу их питания составляет рыба.

– Особое внимание обращает антрополог на развитие инфраструктуры, в первую очередь на строительство дорог, которое может повлечь за собой как благоприятные, так и негативные последствия. При анализе всех результатов промышленного развития учитывается состояние традиционных этнографических предметов – одежды, жилища, средств передвижения, орудий лова и т.п. При этом изучаются не только изменения ресурсной базы и технологий, но также использование родных языков, сохранение фольклора, религии и осо-

Морские зверобои вернулись с охоты с богатой добычей. Лорино. 2007 г.

бенно культовых мест. При этноэкспертизе анализируется как действительная, так и потенциальная ресурсоемкость территории, занимаемой данной этнической группой, а также весь комплекс возможных влияний промышленной деятельности, осуществляемой в приграничных к этой территории областях. Все эти обстоятельства рассматриваются с точки зрения коренных жителей, в местах проживания которых осуществляется промышленный проект [Новикова 2014:374].

Возвращаясь к проблеме проведения этнологической экспертизы в Российской Федерации, замечу, что в северных регионах ее проводить проще, чем на других территориях, так как для северян в большей степени характерно сохранение традиционного образа жизни при всей относительности этого понятия в современных условиях. Для экспертов в этом случае важно, что в российском законодательстве уже существует правовое определение «исконной среды обитания» и «видов традиционной хозяйственной деятельности», а система жизнеобеспечения северных народов строится исключительно на использовании местных природных ресурсов.

В нашей стране в течение длительного времени складывалась практика наделения особым статусом именно коренных малочисленных народов Севера, что представляется вполне оправданным. Такие народы выделяются в особые общности во всем мире, поскольку они относятся к коренному населению тех территорий, на которых проживают, и, что не менее важно, ведут особый образ

Р.Я. Кавагье угощает блюдами национальной кухни туристов. Анадырь. 2008 г.

жизни, особое традиционное природопользование, которое в России включает охоту, рыболовство, сбор дикоросов, оленеводство.

Населяя Север, а также Сибирь и Дальний Восток в течение многих столетий, северные народы выработали механизмы неистощительного использования природных ресурсов. У них возникли обычаи, праздники и религиозные ритуалы, направленные на максимальное сохранение природы. Однако у людей, работающих в золотодобывающей, нефтяной, газовой и в других отраслях современной промышленности, складываются иные, чем у коренных жителей северных регионов, формы и методы использования природных ресурсов. Различное отношение к окружающей среде не может не создавать конфликтных ситуаций. Вспомним также о том, что государство строит свою социальную политику чаще всего исходя из интересов большинства. Развитие инфраструктуры, градостроительная деятельность, организация здравоохранения и образования направлены на унификацию населения, осуществляются на основе общих стандартов и не учитывают особенностей расселения и культурных традиций коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока, ведущих нередко кочевой и полукочевой образ жизни.

Преодолеть подобные противоречия практически невозможно без проведения этнологической экспертизы. Только она позволяет уделить должное внимание традиционным знаниям и ценностям аборигенных народов. Говоря о путях разрешения конфликтных ситуаций, необходимо иметь в виду, что у

Канчалан – поселок оленеводов. Анадырский р-н. 2009 г.

коренных этносов северных территорий существуют хорошо известные этнологам традиционные социальные нормы (обычное право), которые позволяли в прошлом и позволяют сегодня устанавливать добрые отношения между людьми. Зная правовые обычаи народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, специалисты, проводящие этноэкспертизу, могут способствовать выработке таких решений, которые не приведут к конфликтам северян с организациями, занимающимися промышленным развитием их регионов.

В России этнологическая экспертиза имеет много общего с экспертизой экологической, однако в отличие от последней она не только учитывает современные юридические нормы, но и уделяет особое внимание традиционным знаниям этнических групп в сфере экологии и природопользования [Новикова 2014:375]. Этнологи исследуют также изменения в образе жизни аборигенных народов, изучают эволюцию их культурных традиций, рассматривают исследуемые этнические группы как стратифицированные сообщества, в которых представлены различные хозяйственные и культурные практики [Новикова 2014:376]. Можно уверенно говорить о том, что именно антропологический (этнологический) подход к оценке тех или иных промышленных проектов позволит максимально учесть все неизбежные последствия принятых решений – и социально-экономические, и политические, и культурные, и демографические.

Анализируя состояние дел с проведением в нашей стране этнологических экспертиз в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока,

не могу не сказать о том, здесь существует ряд серьезных проблем. В действующем российском законодательстве этнологическая экспертиза представлена скорее как возможность, а не как обязательная процедура. В такой ситуации очень важным фактором является общественное мнение. Право на этнологическую экспертизу должно рассматриваться как реализация права на культурную самобытность, как возможность управления культурным многообразием, а также как создание равных возможностей для развития культур всех народов Российской Федерации. Подобное отношение к проведению этнологических экспертиз полностью соответствует положениям Конституции нашей страны и международному праву.

Поскольку закон об этнологической экспертизе в России еще не принят и процесс ее проведения не регламентирован юридически, у нас есть возможность обобщить накопленный опыт. Нам важно оценить эффективность применяемых этноэкспертами методов работы и предложить более действенные механизмы защиты прав коренных народов, более эффективные формы их участия в соуправлении экономическими, социальными и культурными процессами.

В связи с этим полагаю, что первоначально законы об этнологической экспертизе, предписывающие ее обязательное проведение в целях гармонизации общественных отношений и защиты конституционных прав граждан, могли бы быть приняты в субъектах Российской Федерации, а затем на основании опыта применения местных законов мог бы быть принят закон на федеральном уровне.

Наглядное представление о том, какие положения следовало бы включить в подобный законодательный акт, дают предложения участников парламентских слушаний в Совете Федерации, проходивших в 2008 году. Приведу цитату из итогового документа, принятого на слушаниях в высшем законодательном органе нашей страны:

«Участники парламентских слушаний полагают, что дальнейшая работа по нормативному закреплению процедуры оценки воздействия намечаемой хозяйственной или иной деятельности на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных малочисленных народов может идти в следующих направлениях:

– установления в законодательстве обязательности проведения этнологической экспертизы при освоении северных территорий, регламентации порядка, процедуры и методов ее организации;

– разработки и нормативного закрепления параметров (критериев) оценки состояния этнической группы в зоне действия намечаемой хозяйственной деятельности;

– разработки и нормативного закрепления параметров (критериев) оценки воздействия намечаемой хозяйственной деятельности на исконную среду обитания…» [Правовое обеспечение 2008:41].

Несомненный интерес представляют также предложения по проведению этнологической экспертизы известного этнолога и правоведа Н.И. Новиковой. С ее точки зрения, этноэкспертиза должна включать в себя определение стар-

товой ситуации, моделирование ситуации с учетом общих закономерностей и отношения населения, предложения по оптимизации решений и минимизации отрицательных последствий, предложения альтернативных путей развития [Новикова 2014:380–381].

Я убеждена в том, что реализация изложенных выше предложений по проведению этнологической экспертизы приведет к ее превращению в действенный механизм взаимодействия органов власти, промышленных компаний, научного сообщества и коренных народов. О том, какое большое общественное значение будет иметь подобная деятельность, сказал заместитель руководителя Федерального агентства кадастра объектов недвижимости В.С. Киселев: «Проведение этнологической экспертизы федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей природной среды… в значительной мере будет способствовать снижению очагов социальной напряженности в местах проживания и традиционной деятельности коренных малочисленных народов» [Новикова 2010:76–80].

В заключение коротко остановлюсь на недавних прикладных этнологических исследованиях текущего состояния и перспектив развития традиционных форм природопользования северных этносов. В центре внимания этнологов были конфликтные ситуации между коренным населением и предприятиями-недропользователями, и, в частности, изучались вопросы, связанные с защитой особо охраняемых природных территорий [Поддубиков 2013:17].

Одно из таких исследований, инициированное местными жителями, было проведено в Сахалинской области, другое в Ямало-Ненецком автономном округе [Новикова 2010:76–80]. Выбор конкретных регионов исследования был обусловлен рядом факторов, прежде всего таким, как их интенсивное индустриальное освоение. Так, на Ямале разрабатываются и реализуются широкомасштабные промышленные проекты по освоению природных ресурсов. Осуществляются они непосредственно в тех местах, где проживают представители различных традиционных хозяйственно-культурных типов – оленеводы-кочевники, охотники и рыболовы, морские зверобои. Среди носителей этих хозяйственных традиций самобытные черты этнической культуры сохранились до сегодняшних дней в наиболее «чистом» виде. В то же время на фоне промышленной экспансии происходит трансформация традиционного образа жизни северных аборигенов. Они оказались перед тяжелым выбором: либо сохранять и развивать свою уникальную культуру, либо навсегда отказаться от нее.

Работая на Ямале в 2014 г., этнологи изучили взаимодействие коренных малочисленных народов полуострова и промышленных компаний в контексте международного, национального, корпоративного и обычного права, рассмотрели актуальные хозяйственно-экономические и социокультурные практики аборигенных этносов, выявили риски, связанные с промышленным освоением ЯНАО, и предложили пути преодоления возникших проблем. Такой подход, являясь во многом новым для отечественной науки, поставил вопрос об ответственности добывающих компаний за судьбы аборигенного населения Арктики и о необходимости диалога нефтяников и газовиков с коренными народами Севера.

Подобные проблемы существуют и в Чукотском автономном округе, территория которого, так же как на Ямале, является объектом промышленного освоения. Влияние этого процесса на коренные народы Чукотки изучено в меньшей степени, чем в ЯНАО, хотя общественными организациями коренных народов нашего автономного округа накоплен определенный опыт взаимодействия с добывающими компаниями.

В 2014 г. были проведены полевые исследования в г. Анадыре, а также в Анадырском, Чаунском, Билибинском и Провиденском районах ЧАО. Так же как и в Ямало-Ненецком округе, информация собиралась среди аборигенных сообществ, в различных структурах государственного и муниципального управления, в промышленных компаниях. Предметом специального рассмотрения этнологов стала деятельность фонда «Купол», созданного компанией «Кинросс» для финансовой поддержки наиболее перспективных проектов в сфере традиционного природопользования, сохранения этнической культуры и языков народов Чукотки.

Особое внимание в ходе данных исследований было уделено состоянию и изменениям, происходящим в отраслях традиционного хозяйства коренного населения, прежде всего кочевого. Проанализировав взаимоотношения местных жителей и промышленных предприятий, этнологи выявили позитивные и негативные факторы, оказывающие влияние на развитие оленеводства, рыболовства, морского зверобойного промысла. Были изучены представления аборигенного населения ЧАО о рисках и перспективах, связанных с развитием добывающих отраслей в каждом из перечисленных выше районов, а также показана роль общественных организаций коренных народов в складывании новых отношений с промышленными компаниями. Специальному анализу была подвергнута актуальная для северных регионов проблема безработицы среди коренных народов. Принципиально новым подходом к вопросам занятости стало исследование различных сфер деятельности, в которых востребовано культурное наследие народов Севера: этнотуризм, производство сувениров, организация музеев и праздников, работа координаторами в промышленных компаниях и т. п.

В ходе этнологических исследований были также затронуты некоторые проблемы образования. Эта тема имеет особое значение, поскольку в последние годы в арктических регионах ведется поиск новых идей в сфере обучения и воспитания детей. Началась модернизация школ-интернатов, появились новые образовательные формы — кочевые школы и детские сады [Российская Арктика 2016:5–6].

В целом накопленный современными исследователями опыт свидетельствует как об исключительной важности этологической экспертизы, так и о том, что в отличие от многих «классических» этнографических исследований этноэкспертиза направлена не в прошлое, а в будущее [Головнев и др. 2014:133]. Это обстоятельство добавляет уверенности в том, что у этнологической экспертизы есть хорошие перспективы развития во всех регионах нашей страны, включая, несомненно, территории проживания коренных народов Чукотки.

Использованная литература

Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. 2014. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство АМБ.

Новикова Н.И. 2010. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Часть 1. Казань. С. 76-80.

Новикова Н.И. 2014. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М.: Наука.

Поддубиков В.В. 2013. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов в практике прикладных этнологических исследований // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. М. ИЭА РАН. С. 17.

Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Парламентские слушанья. 2008. М.

Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. 2016. (Под общей редакцией В.А. Тишкова.) М.-СПб.: ИЭА РАН, Нестор-История.

Реставрационные работы в Преображенской церкви в Кижах (Карелия)

Н.В. Филатова
Институт культурного и природного наследия (Москва)

Объекты всемирного наследия: номинирование, сохранение, управление

Понятие «всемирное наследие» широко используется в самых разнообразных источниках – в средствах массовой информации, в выступлениях политиков, в научной среде, в обращениях общественных организаций. Всемирное наследие – это те объекты, которые международное сообщество согласилось признать имеющими особую ценность и требующими особой защиты. Возникновение любого нового понятия в международном праве обусловлено двумя ключевыми факторами: потребностью и возможностью. Когда эти два фактора встречаются, появляется новое понятие. Применительно к всемирному наследию возможность – это наличие того самого международного сообщества, которое может установить определенные правила игры, а потребность – это необходимость защитить памятники от рисков и сохранить их для будущих поколений.

Потребность в защите наследия возникла практически единовременно с самим наследием, поскольку риски природных и социальных катастроф были всегда. Достаточно посмотреть на печальную судьбу «семи чудес света» – можно сказать, античного прообраза Списка всемирного наследия. Причиной гибели четырех из них стали предположительно стихийные бедствия. В результате землетрясений были разрушены Галикарнасский мавзолей, Александрийский маяк и Колосс Родосский, наводнение подтопило Висячие сады Семирамиды. Еще два памятника пострадали от пожаров. Имя Герострата, который согласно легенде сжег в IV в. до н.э. храм Артемиды Эфесской, стало нарицательным, как и название племени вандалов, разграбивших в V в. н.э. Рим. До наших дней дошли только египетские пирамиды, но их судьба тоже не была безоблачной. Захватив в VII в. Египет, арабы неоднократно предпринимали попытки разрушить пирамиды. Уникальные памятники «эпохи фараонов» спасла прочность конструкции и несовершенство технических средств, покушающихся на них.

Античный и средневековый мир постоянно сотрясали природные катастрофы и военные конфликты и, несмотря на гуманистические высказывания некоторых греческих философов, общее мнение было таково: победитель имеет полное право разрушить и разграбить памятники побежденной страны, потому что это «право войны». Средние века привнесли в пеструю палитру угроз памятникам еще и угрозу их разрушения по причине религиозной нетерпимости. Достаточно вспомнить разграбление рыцарями-христианами мусульманских святынь во время Крестовых походов, да и обратных примеров тоже немало.

В эпоху Просвещения философы и юристы впервые заговорили о недопустимости разрушения памятников культуры во время военных действий. Например, классик международного публичного права, швейцарский юрист XVIII в. Эмери де Ваттель писал: «По какой бы причине не разорялась страна, на ее территории должны быть сохранены строения, которые делают честь человечеству, а именно храмы, могилы, общественные строения и сооружения выдающейся красоты».

Конец XVIII – начало XIX вв. – эпоха Наполеоновских войн, которая на столетие заложила основу международных отношений по вопросам культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. На протяжении всего XIX в. на уровне государств уже возникло осознание потребности защищать культурное наследие в случае вооруженного конфликта. Эта потребность становится делом не только той страны, территория которой находится под ударом, но и страны-захватчика. То есть это уровень взаимодействия между двумя-тремя и более странами, затронутыми военным конфликтом. Однако того международного сообщества, которое согласилось бы признать мировую ценность объектов культурного наследия и необходимость их защиты на тот момент не существовало.

О появлении международного сообщества можно говорить только с возникновением в 1920 гг. международной организации Лига наций – предшественницы ООН. Но, попав в трудный период между двумя мировыми войнами, Лига наций не уделяла особого внимания культурному наследию. В ее

Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента (Дагестан)

составе действовала международная комиссия по интеллектуальному сотрудничеству, предшественница ЮНЕСКО, но каких-либо значимых действий эта комиссия не предпринимала. И все-таки именно в этом небольшом временном промежутке между двумя тяжелейшими потрясениями минувшего века появился исключительный по важности документ, который по своему идеологическому наполнению и той движущей силе, которая была в нем заложена, стал предшественником принятой позднее, в 1972 г., Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Этим документом стал знаменитый Пакт Рериха – Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников от 15 апреля 1935 года, первый специальный международный договор о защите культурного наследия.

Инициатором создания этого акта выступил наш соотечественник, знаменитый художник и деятель культуры Николай Константинович Рерих. Пакт Рериха впервые зафиксировал идею о необходимости защиты и уважения исторических памятников и учреждений культуры как в мирное, так и в военное время. Для обозначения данных учреждений предлагалось использовать флаг «Знамя мира». В поддержку Пакта высказывались крупнейшие деятели науки и культуры: Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Герберт Уэллс и другие. Подписали его 21 государство Панамериканского союза. Однако, к сожалению, этот документ так и остался региональным договором.

Но вот отгремела Вторая мировая война, и в 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций, а в рамках ООН – ЮНЕСКО, специализированная

Золотые ворота во Владимире

комиссия по вопросам образования, науки и культуры. Таким образом, оформилось то самое международное сообщество, которое было готово играть по определенным им правилам, в том числе в отношении всемирного культурного наследия.

В первые годы работы ЮНЕСКО, когда мир приходил в себя после войны, основные усилия были направлены на определение гарантий безопасности культурного наследия в случае вооруженного конфликта. Для достижения этой цели в 1954 г. принимается Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Военные риски, таким образом, были минимизированы, но оставались природные, с которыми каждая страна боролась самостоятельно в меру своих возможностей. Как защитить памятники культуры от подобных угроз?

В начале 1960-х гг. произошло событие, которое напрямую связывают с формированием Концепции всемирного наследия в ее современном понимании и с Конвенцией об охране всемирного наследия как международного договора, который ее официально закрепил. Этим событием стало строительство в Египте Асуанской плотины, в результате которого должны были быть затоплены знаменитые храмы Абу-Симбела.

Когда после свержения монархии в начале 1950-х гг. к власти в Египте пришло правительство Насера, поддерживаемое СССР, потребовались крупные инфраструктурные проекты, которые помогли бы повысить уровень благосостояния населения. Таким проектом и стало строительство плотины, частично

финансируемое Советским Союзом. Денег и специалистов для спасения памятников в нищем послереволюционном Египте не было. Угроза затопления памятников сплотила все мировое сообщество, и в 1964 г. началась беспрецедентная спасательная операция, которая длилась четыре года. Ее успех подтвердил, что уникальные памятники можно и нужно спасать только совместными усилиями. Потребность в защите культурного наследия и возможность эту защиту осуществить сошлись наконец в одной точке.

В 1972 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО была подписана долгожданная Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. В соответствии с этой конвенцией формируется Список всемирного наследия и функционирует ряд комитетов и центров. К ним в первую очередь относятся Комитет всемирного наследия, состоящей из 21 страны, его секретариат (Центр всемирного наследия), консультативные органы – Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ), Международный союз охраны природы (МСОП).

На сегодняшний день в Списке всемирного наследия находятся 1052 объекта: 814 культурных, 203 природных и 35 смешанных. За прошедшие с момента принятия Конвенции сорок лет произошли изменения в представлении о культурном наследии. Наша страна присоединилась к Конвенции в 1988 г., фактически на середине пути, поэтому к моменту представления первых советских и российских номинаций уже признавались в качестве объектов сохранения:

– памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– достопримечательные места: дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические памятники, представляющие выдающуюся ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

(Статья 1 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972 г.)

Позднее развитие получили такие категории объектов, как исторические города – гармоничное сочетание масштаба, панорамы, городской застройки, системы доминант. Например, исторический центр Ярославля, Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента, исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников. В последние годы все большее признание получают культурные ландшафты, сочетающие в себе природную и культурную составляющую, например, ландшафт винодельческого района Токай в Венгрии, а также культурные маршруты – такие как древний путь Кебрада-де-Умауака, «дорога инков» в Аргентине, сеть паломнических путей в Испании, Франции, Германии, Бельгии и других странах Европы.

Памятный знак ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге

Необходимо также отметить, что существуют номинации единичные и серийные. Последние включают в себя ряд объектов, для которых важна не географическая близость, а в первую очередь целостность воплощения идеи, единство характерных признаков. Так, объект всемирного наследия «Белокаменные памятники Владимира и Суздаля» включает в себя объекты, рассредоточенные по территории Владимирской области. Успенский собор, собор Св. Дмитрия, Золотые ворота расположены в историческом центре Владимира, Кремль, собор Рождества Богородицы и Спасо-Евфимиевский монастырь в Суздале, собор Рождества Богородицы и лестничная башня дворца Андрея Боголюбского в Боголюбово, церковь Бориса и Глеба в селе Кидекша, храм Покрова на Нерли – в пригороде Владимира, но вместе с тем все эти памятники представляют одну архитектурно-художественную школу и отражают период формирования и расцвета белокаменного строительства на Руси в XII–XIII вв.

Разнообразие номинационных форматов, расширение понятия наследия – это актуальные тенденции формирования Списка всемирного наследия, которые следует учитывать при подготовке новых российских номинаций. При номинировании (процессе включения) объектов в Список всемирного наследия необходимо учитывать их соответствие критериям, установленным в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Это культурные и природные критерии, а также критерии целостности и подлинности.

Под целостностью понимается единство и достаточность всех заявленных элементов для выражения выдающейся универсальной ценности объекта, а подлинность или аутентичность – это характеристика материала, формы, цвета, методов, средств производства, значения, использования объекта.

Каменные кладки стен науканских яранг. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока. 2016 г.

Южная часть поселка Наукан; вид с юга. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока. 2016 г.

Переписи Наукана в 1956 г.

Незадолго до закрытия поселка в 1956 г. в Наукане силами Науканского сельсовета были проведены несколько переписей. Их проведение происходило согласно распоряжению райисполкома «по формам». Эти переписи были проведены на 1 января и на 1 июля 1956 г. Учитывались население, движимое и недвижимое имущество (плавстредства, оружие, охотничий инвентарь, строения). Итоги проведения переписей были подведены Науканским сельсоветом на XVI сессии 12 июля 1956 г. Докладывал секретарь сельсовета В.Т. Наргинаун. Он озвучил итоги переписей и разницу между показателями:

«…Был итог 1 января 1956 года всего строений – 80, в том числе яранг – 40, жилые дома – 8, складских помещений 7, ям и ледников 25. В 1956 года[1] по состоянию на 1 июля количество ям и ледников не изменилось. На 1 января 1956 г. всего населения 223 человек, эскимосов, чукчей и русских. В 1956 г. по состоянию на 1ое июля всего оказалось наличного населения 229 человек, в том числе 201 эскимосов, 6 чукчей и русских 22. С 1ое января по 1ое июля 1956 г. родилось всего детей 5 чел., умерло всего 1 человек. Всего учеников 34 человек, неграмотных нет, малограмотных 6 человек. На 1ое января 1956 г. всего плавсредства 12, в том числе вельботов 6, байдар малых 6, байдара большая 1, рульмотров 6. В 1956 г. по состоянию на 1 июля плавсредства уменьшилось 1 раз[2] , одна малая байдара оказалась негодным, остальные средства так остались. На 1ое января 1956 года всего было оружия – 138, в том числе карабинов –13, тозовок[3] 47, винчестеров 2, маузера 3, арисаки[4] 18, СВО[5] – 8, боевых винтовок 19, дробовиков 15, оружия китобойных 3, пушек китобойных 10. Не годными оружиями оказались карабины 3, тозовки 3, арисаки 5, китобойных пушек 2. Поступило в к-з боевых винтовок 4, дробовиков 5, уменьшилось оружия 4 раза, они оказались не годными. В 1956 года по состоянию на 1 июля всего в наличии оружия 134, в том числе карабинов 10, тозовок 44, винчестеров 2, маузера 3, арисаки 13, СВО 8, боевых винтовок 23, дробовиков[6] 20 , оружия китобойных 3, пушки китобойные 8. На 1ое января всего капканов было 911 шт. На 1ое июля 1956 г. оказалось наличными капканов 518 шт. Уменьшились капканы на 393 раз, т.е. некоторые оказались негодными, а часть унесло в море. На 1ое января 1956 г. всего было собак 261. По состоянию на 1ое июля 1956 г. всего оказалось в наличии 256 собак, уменьшилось на 5 раз. В том числе ездовых 174. На 1ое июля всего в наличии собачьих нарт 16 шт. На 1ое января 1956 г. сетей рыболовных-нерпичьих всего было в наличии 32 шт. На 1ое июля 1956 года оказалось всего в наличии 29 шт., уменьшилось сетей на 4 раза. На 1ое января 1956 г. в наличии было горбунов китобойных и для моржей 25 шт. На 1ое июля оказалось в наличии 21 горбунов, уменьшилось на 4 гарпунов. На 1ое января было биноклей 32 шт. На 1ое июля 1956 года оказалось в наличии 3 шт, увеличилось на 5 раз[7]» .

Эти данные в более подробном виде отражены в переписях имущества движимого и недвижимого, а также в переписи собак на 1 июля 1956 г. Данные переписи на 1 января в материалах Науканского сельсовета на 1956 г. не были обнаружены. Также не обнаружены подобные переписи и за другие годы, и перепись населения, которая дала сведения о численности населения. Таким образом, обе переписи являются уникальными и единичными для Наукана (по

крайней мере, в той части его документации, которая хранится в фонде Р-176 Государственного архива Чукотского автономного округа).

Содержание переписей само говорит о своей ценности для исследования Наукана. Здесь перечислены 44 науканских охотника (а где-то, вероятно, и клана), каждому из которых дана хозяйственно-промышленная характеристика – количество и состав оружия, охотничий инвентарь, собаки, нарты; указано кто проживает в ярангах, а кто в домах, у кого есть мясные ямы. Очевидно, что итоги переписей дают богатый этнографический и генеалогический материал для изучения Наукана. Также по этим переписям можно составить представление о хозяйственной инфраструктуре советских учреждений Наукана – колхоза «Ленинский путь», школы, медпункта, магазина, избы-читальни и полярной («туманной») станции.

Оба документа составлены в виде таблиц на разлинованных листах тетради. Составлял их один человек, вероятно, В.Т. Наргинаун, секретарь сельсовета. В написании фамилий есть незначительные расхождения («Хотхиргин» и «Хотхыргин», «Тюлюна» и «Тюлюн» и др.), которые сохранены, поскольку документ печатается в оригинальной орфографии.

Науканский сельский совет Чукотского района

Итог движимого и недвижимого имущества по Науканскому сельскому Совету на 1956 г.
По состоянию на 1ое июля.
Начато 20 июня 1956 г., окончено 1 июля 1956 г.

Село Наукан

Имущества
По Науканскому сельскому совету Чукотского района на 1956 год
по состоянию на 1 июля 1956 год

№№ по порядку	Фамилии колхозников, работающих и организации	плавсредства								оружие								проч. пром инвентари							строения						
		шхуны	катера	кунгасы	Вельботы	Шлюпки	байдара (больше)	байдара (малые)	рульмоторы	карабины	берданы	тозовки	винчестера	маузера	арисаки	оружие китобойное	пушки китобойные	капканы	. сети нарпичья	сети рыболовецк	гарпуны китобойн.	гарпуны морж.	биноглы	нарты собачьи	охот. избушки	охот. яранги	складские помещен.	жилые дома	жилые яранги	ямы	летники
1	Кельнетеин														2				2				1	1					1	1	
2	Хотхиргин																												1		
3	Ияин														1				1										1	1	
4	Жиринтан											1							1				1	1					1	1	
5	Асыколян											1											1						1		
6	Хухын											1																	1		
7	Емрон																						1						1	1	
8	Теин							1				3	1	1					2	1			3						1	2	
9	Ыкалюк									1		1		1					2					1					1	1	
10	Ивитук											1																	1		
11	Титика											1																1			
12	Экелян											1			1				2										1		
13	Тулюкак											1												1					1		
14	Нутетеин							1				1			1								1						1	1	
15	Сыхеин											1												1					1		
16	Умка							1				1							1				1						1	1	
17	Етнеун											1							1										1		
18	Тагьелян																												1		

№№ по порядку	Фамилии колхозников, работающих и организации	плавсредства								оружие								проч. пром инвентари							строения						
		шхуны	катера	кунгасы	Вельботы	Шлюпки	байдара (больше)	байдара (малые)	рульмоторы	карабины	берданы	тозовки	винчестера	маузера	арисаки	оружие китобойное	пушки китобойные	капканы	. сети нарпичьи	сети рыболовецк	гарпуны китобойн.	гарпуны морж.	биноглы	нарты собачьи	охот. избушки	охот. яранги	складские помещен.	жилые дома	жилые яранги	ямы	летники
19	Тлюаун							1				1			1			2	2				1	1					1	1	
20	Кергитаин									1									1				1	1				1		1	
21	Хухытан																						1						1		
22	Уйгак														1								1						1		
23	Хульгухье											1											1					1		1	
24	Утоюк																											1		1	
25	Уэкен											1			1			1					1						1		
26	Рультен											1																	1		
27	Неннютеин									1		1			1				1				1						1	1	
28	Тагъёк											1	1		1			2	2				1	1					1	1	
29	Имекан											1											1	1					1	1	
30	Хухынкаун														1								1	1					1		
31	Тнетеин											1			1				1				1	1					1		
32	Иргулян																		1					1					1	1	
33	Тнаун																												1		
34	Ульгургин											1																	1	1	
35	Ухсек													1				2	3				1	1					1		
36	Аминак																												1		
37	Нынгин											1						2											1		
38	Хуана																		1				1						1	1	
39	Напаюк																												1		
40	Кляун																						1						1		
41	Яхтан											1						1	1										1		
42	Уяхапик																												1		
43	Тулюна																							1					1		
44	Отыргин											1			1														1		
45	к-з Ленинский путь				6		1		6	6		16				3	8	508		3	6	15	12	2			1			5	1
46	школа																											1			
47	медпункт																											1			
48	изба-читальня																										1				
49	Магазин																										1	1			
50	с/совет																										1				
51	п. станция									1													1				3	1			
52	Онохов											1																			
Итого:					6		1	4	6	10		44	2	3	13	3	8	518	25	4	6	15	36[8]	16			7	8	40	24	1

Председатель Науканского сельского Совета депутатов трудящихся Умка
Секретарь Науканского сельского Совета депутатов трудящихся Наргинаун

Государственный архив Чукотского автономного округа. Р-176. Оп. 1. Д. 6. Л. 46—48об.

Учет собак по Науканскому с/совету, по колхозу, по организациям на 1956 год по состоянию 1-е июля

№	Фамилия ИО или наименования общественной группы	Старше 1 года			Молодняк		Всего собак	В том числе ездовые
		Суки	Кобеля	Костраты	Самки	Самцы		
1	Кельнетеин	3	4				7	7
2	Хотхыргин	3	1				4	4
3	Ияин		2				2	2
4	Жиринтан	3	2		2		7	6
5	Асыколян	2					2	
6	Хухын	1					1	1
7	Емрон	1	1		2	2	6	2

№	Фамилия ИО или наименования общественной группы	Старше 1 года			Молодняк		Всего собак	В том числе ездовые
		Суки	Кобеля	Костраты	Самки	Самцы		
8	Теин	2					2	2
9	Ыкалюк	2	6			3	11	8
10	Ивитук		2				2	2
11	Титика							
12	Экелян	1	3		1	4	9	3
13	Тулюкак	1	2				3	3
14	Нутетеин	1	2				3	3
15	Сыхеин	2	4		1	1	8	6
16	Умка	1			1	1	3	1
17	Етнеун	4	2		7	6	19	6
18	Тлюаун	2	3	3	1	4	13	8
19	Кергитаин	1	6				7	7
20	Тагьелян	1				1	2	
21	Хухитан							
22	Уйгак	2					2	2
23	Хульгухе	1					1	1
24	Утоюк	1	2				3	1
25	Уэкен	1	1			1	3	2
26	Рультен	4					4	4
27	Ненпютеин							
28	Тагъек							
29	Имекан	1	2				3	3
30	Хухынаун	2	5				7	7
31	Тнетеин	3	4				7	7
32	Иргулян	1	3		1		5	3
33	Тнаун	3	1		2	2	8	2
34	Ульгургин	1	1		1	3	6	2
35	Яхтан							
36	Ухсек	4	6		2	3	15	10
37	Нынгин	3	1				4	4
38	Хухана	1			1	3	5	1
39	Напаюк	1			3	2	6	1
40	Кляун	2					2	1
41	Уяхапик	1					1	
42	Тулюн	7		6			13	10
43	Отыргин	2			2	3	7	1
44	к-з «Ленинский путь»	14	28				42	42
45	туманная станция				1		1	
46	Аминак							
	Итого:	78	102	9	28	39	256	174

Председатель Науканского сельского Совета депутатов трудящихся Умка

Секретарь Науканского сельского Совета депутатов трудящихся Наргинаун

Государственный архив Чукотского автономного округа. Р-176. Оп. 1. Д. 6. Л. 49—50.

Примечания:

1. Здесь и далее сохранена орфография документа.
2. Автор документа употребляет слово «раз» вместо слова «единица».
3. Тозовка – советская однозарядная малокалиберная спортивная винтовка образца 1932 г.
4. Арисака – японская магазинная винтовка образца 1905 г.
5. Вероятно, сокращение от «самозарядная винтовка охотничья». Благодарю Ю.В. Шокарева за консультацию.
6. Почему-то СВО, боевые винтовки и дробовики не учтены в переписи движимого и недвижимого имущества.
7. Государственный архив Чукотского автономного округа. Р-176. Оп. 1. Д. 6. Л. 55—55об.
8. В документе ошибочно указано 37.

Сведения об авторах

Антонов Егор *– ученик 9-го класса школы № 72 (Нижний Новгород); самостоятельно изучает языки эскимосов Гренландии и Чукотки.*

Арутюнов Сергей Александрович *– член-корреспондент Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор, этнолог, археолог, искусствовед, лингвист, автор монографий и многочисленных статей, посвященных древним культурам морских зверобоев Чукотки.*

Ачиргина Татьяна Юрьевна *– поэтесса, журналист, краевед; является членом Международного Инуитского приполярного совета, возглавляет эскимосскую общественную организацию «ИПС Чукотка».*

Бронштейн Михаил Мокович *– кандидат исторических наук, этнограф, главный научный сотрудник Государственного музея Востока; в 1987-2002-х гг. участвовал в археологических раскопках на Чукотке.*

Василевский Борис Александрович *– известный писатель, автор повестей, рассказов, эссе, опубликованных в нашей стране и за рубежом. В 1960-х гг. работал учителем русского языка и литературы в Уэлене, в 1970-1980-х гг. неоднократно приезжал на Чукотку в длительные командировки.*

Волкова Лилия Федоровна *– биолог, фотохудожник, методист отдела экологического просвещения Государственного заповедника «Остров Врангеля».*

Днепровский Кирилл Александрович *– кандидат исторических наук, археолог, главный научный сотрудник Государственного музея Востока, начальник Чукотской археологической экспедиции ГМВ с 1991 г.*

Добриева Светлана Васильевна *– краевед, филолог, начальник Отдела государственной охраны объектов культурного наследия (Департамент образования, культуры и спорта Чукотского автономного округа).*

Загребельный Сергей Владимирович *– кандидат биологических наук, специалист по изучению морских млекопитающих, старший научный сотрудник Чукотского филиала Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра.*

Загребин Игорь Александрович *– краевед, культуролог, эколог, главный хранитель Музея Берингийского наследия.*

Загребина Татьяна Михайловна *– краевед, культуролог, эколог, директор Музея Берингийского наследия.*

Карахан Ирина Львовна *– искусствовед, художник, специалист по искусству резьбы и гравировки по кости, организатор и участница творческих семинаров, проводившихся в Уэленской косторезной мастерской в 1960-1980-х гг.*

Коломиец Оксана Петровна *– этнолог, культуролог, руководитель Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской Академии наук.*

Крупник Игорь Ильич *– доктор биологических наук, кандидат исторических наук, социальный антрополог, автор монографий и статей о культуре народов Севера, участник многочисленных этнографических экспедиций на Чукотку, куратор арктических этнографических коллекций Смитсоновского Института.*

Леонова Валентина Григорьевна *– краевед, педагог, этнограф, автор книги «Наукан и науканцы».*

Лопатин Николай Владимирович *– кандидат исторических наук, археолог, участник археологических раскопок на Чукотке, заведующий информационно-издательской группой Института археологии Российской Академии наук.*

Поскотинов Валентин Георгиевич *– сотрудник Певекского лоцмейстерско-гидрографического отряда, краевед, фотохудожник, член экспертной комиссии Чаунского краеведческого музея.*

Филатова Надежда Владимировна *– культуролог, руководитель центра Всемирного наследия и международного сотрудничества Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.*

Христофорова Валентина Сергеевна *– заведующая отделом Чаунского краеведческого музея, культуролог.*

Членов Михаил Анатольевич *– кандидат исторических наук, этнолог, лингвист, профессор Академии Маймонида; неоднократно участвовал в этнографических экспедициях на Чукотку, первым обнаружил археологический памятник «Китовая аллея» и составил его описание.*

Чубарова Людмила Ивановна *– художник, искусствовед, специалист по декоративно-прикладному искусству народов Севера; в 1970-1990-х гг. активно участвовала в работе этнографических экспедиций на Чукотку, в проведении творческих семинаров в Уэленской косторезной мастерской.*

Швец-Шуст Валерия Юрьевна *– директор Чаунского краеведческого музея, филолог, краевед, эксперт Министерства культуры РФ.*

Шокарев Сергей Юрьевич *– кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, участник Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока.*

TABLE OF CONTENTS

Note from the Editor. 7

Greetings to conference participants:

S.V. Dobrieva. 10
T.Yu. Achirgina 11
S.A. Arutyunov 12
I.I. Krupnik. 14
M.M. Bronshtein 17
E. Antonov 18

Northeast of the Chukchi Peninsula

K.A. Dneprovsky. Naukan: Chukotka's unique cultural and historical monument (site survey and assessment) 22
M.A. Chlenov and I.I. Krupnik. Naukan: Chapters to community history 38
V.G. Leonova. Stories about Naukan 74
K.A. Dneprovsky and N.V. Lopatin. Archaeological findings from the Naukan village site . . . 82
S.Yu. Shokarev. History of Semen Dezhnev memorial at Cape Dezhnev 96
B.A. Vasilevsky. A path to Naukan 116
M.M. Bronshtein, I.L. Karakhan, and L.I. Chubarova. The 'Uelen phenomenon' 130

Southeast of the Chukchi Peninsula

T.M. Zagrebina and I.A. Zagrebin. Museum activity as a source to build cultural scape of the Provideniya urban area 140

The City of Anadyr and nearby area

S.V. Zagrebelnyi. Developing ecotourism as a path to effective ecological education in Chukotka 146

Wrangel Island

L.F. Volkova. Ecological tourism in the 'Wrangel Island' Reserve 152

Chaun Area

V.Yu. Shvets-Shust, V.S. Khristoforova, and V.G. Poskotinov. Chaun-Chukotka behind the barbed wire 160

Preservation of Cultural and Historical Monuments in Chukotka

S.V. Dobrieva. Main activities of the Department of preservation of cultural heritage monuments (of the Chukchi Autonomous Area) 172
O.P. Kolomiets. The role of ethnological assessment in studies of cultural and historical heritage in Chukotka 176
N.V. Filatova. World Heritage Sites: nomination, preservation, and management 186

Appendices

Scientific and policy conference "Cultural Heritage of Chukotka: Prospects in Protection and Conservation" (Conference Resolution) 194
Photographs and topographic map of the Naukan site 198
Naukan village censuses, 1956. 200
Volume Contributors 204
Summary 207

SUMMARY

This proceedings volume contains papers presented at the recent conference on preservation of cultural and historical monuments in the Chukchi Autonomous Area of Northeast Russia. The conference took place in the area's capital of Anadyr on April 12–14, 2016; it was attended by staff workers of area's museums and natural parks, local research centers, librarians, educators, and members of indigenous organizations. The collection also includes papers by archaeologists, anthropologists, and culture specialists, who live outside of Chukotka and who submitted their contributions after the conference.

In their papers, the authors emphasize the role of ethnological assessment in new development projects in the areas inhabited by Chukotka indigenous people and the prospects for ecological tourism at many promising areas, such as Provideniya Bay, the Anadyr River estuary, and Wrangel Island. One of the contributions discusses how to preserve the memory of the darkest pages of Chukotka's recent history associated with the Soviet-era repression and the (in)famous GULAG prison camps.

A cluster of papers focuses on the history and cultural heritage of a small, albeit distinctive group of Chukotka indigenous people, the Naukan Yupik Eskimo. Archaeologist Kyrill Dneprovsky describes the preservation status of the former village site of Naukan at Cape Dezhnev, from which its Native residents were removed in 1958. His essay is illustrated by numerous color photographs taken in 2013 and 2016, and by a large-scale topographic map of the Naukan site. Cultural anthropologists Michael Chlenov and Igor Krupnik contributed a detailed synopsis of history and culture of the Naukan Yupik and of their relations with other Yupik people of Chukotka, as well as the Central Yup'ik and Inupiaq communities in Alaska. Valentina Leonova, educator and Naukan cultural expert cites memories of Naukan elders about vibrant life in their home community in the 1940s and 1950s. Historian Sergei Shokarev reviews documentary records on various memorial landmarks established at Naukan to celebrate Semen Dezhnev's pioneer trip of 1648 via the strait between Asia and North America. Boris Vasilevsky, writer and the former Russian schoolteacher at the nearby community of Uelen in the 1960s, shares his vision on the distinctive features of Arctic aboriginal cultures and relations between Native residents and those who moved to the Arctic from the central regions of Russia. The section also features papers on the recent archaeological findings from the Naukan village site and on Native decorative objects from walrus ivory and fur created by the Naukan Yupik and the Uelen Chukchi artists during the 20th century.

The final section includes two papers by Svetlana Dobrieva and Nadezhda Filatova. They discuss the idea of preparing the groundwork for future nomination of Naukan and some other cultural landmarks in Chukotka to the UNESCO list of World Heritage Sites.

Департамент образования, культуры и спорта
Чукотского автономного округа
Государственный музей Востока

СПАСТИ И СОХРАНИТЬ
Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения.
Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12–14 апреля 2016 г.
Выпуск I

М.М. Бронштейн
(ответственный редактор)

SAFEGUARD AND ENSURE
Cultural Heritage of Chukotka: Prospects in Protection and Conservation
Proceedings of Scientific and Policy Conference, Anadyr, 12-14 April, 2016
Vol. 1

Mikhail M. Bronshtein, *ed.*

На 1-й стр. обложки:
Наукан и маяк-памятник С.И. Дежнёву

На 4-й стр. обложки:
Науканки в национальной одежде. Наукан. 1940-е гг.
Амулет в виде плывущей нерпы. Эквен. I тыс. н.э. Моржовый клык. Государственный музей Востока

TRANSNEFT

MITSUBISHI ELECTRIC
Changes for the Better

Подписано в печать 10.11.2016
Печать офсетная. Тираж 200

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3